ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЭЛИЗАБЕТ КЕЙ

Я во всем виновата

О, это вероломное, восхитительное кривое зеркало книги!
Marie Claire

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Я во всем виновата
Элизабет Кей

Аннотация
Элизабет Кей. Я во всем виновата
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46

Глава 47

Аннотация

Как давно они не приезжали в этот дом… С той самой ночи, когда погибла их младшая сестра. Обстоятельства ее смерти остались невыясненными. Эта трагедия расколола семью. И все же спустя двадцать лет три сестры решили провести вместе Рождество в уединенном коттедже на скалистом побережье Англии. Старшая из них, Джесс, долгие годы хранит жгучую тайну. Ее мучают раскаяние и страх. Если правда выплывет наружу, ее брак может разрушиться, да и сама жизнь пойдет под откос… Скелеты в шкафу есть и у других сестер. Не пора ли набраться смелости и поделиться секретами с близкими людьми? Именно сейчас, когда дом отрезан ненастьем от внешнего мира. Но происходит еще одно ужасное событие…

Впервые на русском!

Элизабет Кей
Я во всем виновата

Elizabeth Kay
GUILT TRIP

Copyright © 2025 by Elizabeth Kay
This edition published by arrangement with Madeleine Milburn Ltd and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

© И. А. Нечаева, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

* * *

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Книги
ЭЛИЗАБЕТ КЕЙ
◆
Седьмая ложь
Я во всем виновата

ЭЛИЗАБЕТ КЕЙ

Я во всем виновата

АЗБУКА
Санкт-Петербург

Глава 1

— Ну? — прошептал ты.

Снаружи шел снег, белел на фоне ночного неба и таял, падая на асфальт. Ты поднял голову и посмотрел в зеркало заднего вида. Я тоже повернулась.

Оскар привалился затылком к подголовнику. Веки у него отяжелели, на носу выступили капельки пота — как всегда, когда он засыпает, зимой или летом, на солнце или на морозе.

Я покачала головой. Я не могла пока ответить, не хотела начинать, пока мы не останемся вдвоем. Я отвернулась и закрыла глаза. Ревел мотор, воздух с гудением проносился за стеклом. На моих закрытых веках блестели желтые уличные фонари. Я чувствовала запах шишек, сырой одежды и ароматической смеси сухоцветов, которую твои родители держат — или держали — в большой миске в гостиной.

Я знала, что время уже подошло.

— Джесси?

Я открыла глаза и увидела одинокие фары на противоположной стороне дороги. Глубоко вздох-

нула и попыталась подобрать слова. Я хотела извиниться за то, что вынудила тебя уехать от семьи. Я знала, что твоей матери осталось максимум несколько месяцев — как оказалось, даже недель — и что твой отец умолял тебя приехать домой с братьями на последние выходные. Он беспокоился — и вполне обоснованно, — что она не доживет до конца года.

Я тоже хотела попросить тебя об одолжении, даже более того. Выложить на приборную панель все фишки, заработанные за семь лет брака, и обменять их на одну маленькую вещь. Мне нужно было твое доверие. Я думала не о себе, а о нас. Я хотела вычеркнуть тот день из твоей памяти и оставить свою историю такой, какой она всегда воспринималась: мутной, но безопасной. Мне нужно было, чтобы ты поверил, что не стоит задавать вопросов.

— Ну же, Джесси? — снова прошептал ты.

Я повернулась к тебе.

— Тебе нечего сказать? Совсем?

— Есть. Я просто…

Я знала — в глубине души, — что ты не оставишь это просто так.

— Мне позвонили из полицейского участка, — прошипел ты испуганно, но зло и решительно, —

и я говорил с каким-то копом, который, похоже, искал совсем другого юриста. Как будто он ошибся номером. Ему нужен был тот, кто разбирается в уголовном праве. А потом вдруг выяснилось, что он звонит по поводу моей жены. Что он ее допрашивает.

— Я знаю, я…

— Ты — что, Джесси? Ты это сделала?

Стоп. Перезагрузка.

Дышать.

Я чувствовала, что это снова происходит, что синапсы в моем мозгу вспыхивают, загораясь яростью, как эта ярость нарастает и жжение заливает мое тело. Я досчитала от одного до десяти и продолжила считать: одиннадцать, двенадцать, тринадцать.

Я ждала, пока все утихнет.

— Я этого не делала. Я не убивала ее.

— Но ты была там.

— Да, но…

— Как ты там вообще оказалась, Джесси? Ты сказала мне, что… Ты сказала… Ты сказала, что собираешься остаться дома. А теперь на пляже лежит труп, и они звонят мне, потому что моя жена… кто, подозреваемая? И я прямо посреди сраного ужина бросаю на столе воскресное

жаркое, выдергиваю сына и еду три часа, чтобы вытащить тебя из тюрьмы под залог!

Ты замолчал. Погладил обеими ладонями руль, вздохнул.

— Ну?

— Я этого не делала, я…

Я еле дышала.

— Я этого не делала, — повторила я в третий раз, как одна из тех музыкальных игрушек, которые твердят одно и то же, пока их не захочется расколотить об пол. — Я не делала этого. Я думала, что после всего, что случилось в прошлый раз…

— Что? — Ты наконец посмотрел на меня. — Что ты имеешь в виду под прошлым разом? Что там случилось?

Я чувствовала их обе: по одной на каждой ладони.

Я походила на статую правосудия с весами в руках, но балансировала не между добром и злом, а между двумя разными смертями. Мне предстояло сделать два признания о двух смертях, происшедших с разницей в двадцать лет: одна — в пик летнего зноя, когда нас еще ослепляло детство, а другая — в это утро, в самый холодный день года, когда мы уже выросли и должны были кое-что знать о жизни.

Я посмотрела на тебя.

— Джесси? — Ты потер лоб ладонью. — Мы?.. Я не понимаю, что происходит. Ты…

До этого мгновения ты никогда не терял дар речи. Ты слишком боялся задавать вопросы вслух. Переживет ли это твой брак? Останется ли твоя жена той женщиной, которую ты знал и любил?

— Пожалуйста, просто выслушай меня. Хоть немного. Позволь мне все объяснить.

Я еще не знала, с чего начать. Не знала, как рассказать о своем участии в двух смертях. Я не могла сказать тебе: да, я была там, на краю обрыва, с которого сегодня утром столкнули женщину, потому что между нами разгорелся жестокий спор. Я кричала на нее прямо перед тем, как она упала, я отказывалась простить ее. Я называла ее ужасными словами — тебе стало бы стыдно, — но только потому, что она этого заслуживала. Я была потрясена, когда она, кувыркаясь, полетела вниз к морю, но не ужаснулась, потому что она заслужила именно такой финал.

Я не могла говорить такие вещи и ждать, что ты меня простишь.

Мне нужно было, чтобы ты сначала понял, как мы оказались в этом месте, почему мою семью запятнали две смерти, происшедшие за два деся-

тилетия. Мне нужно было, чтобы ты понял меня. Понял ту, которая совершала первые ошибки. Я пыталась быть честной, пока мы ехали среди белых снежинок, но я слишком сильно боялась. Я не могла смириться с тем, что наш брак может закончиться, — только не здесь, в машине, где спал наш маленький сын. Я солгала тебе. Теперь я могу это признать. Прости меня.

Это было глупо, правда. Ты всегда был умнее меня.

Я хотела прожить с тобой всю жизнь. Я представляла нас вместе через пятьдесят лет, в саду, с круассанами и кофе, с газетами на деревянном столе, яркий тик которого потускнел до серого. Я представляла тебя, разгадывающего сложный кроссворд, прячущего ручку под тарелкой. Я представляла, как подрезаю розы, а потом сажусь рядом с тобой и подсказываю ответ.

Это была глупая мечта. Любую загадку ты всегда разгадываешь быстрее меня.

Я попробую еще раз.

На этот раз я расскажу все лучше.

Я не буду лгать. Я не подведу тебя.

Но нам лучше поторопиться. У нас мало времени.

Глава 2

Все началось двадцать лет назад. Несколько недель подряд стояла жара — градусов тридцать. Кожу стягивало пленкой из морской соли, засохшего пота и крема для защиты от солнца. Песок постоянно застревал в морщинках на сгибах локтей и между пальцами ног. Каждое утро я собирала волосы в хвост, чтобы они не липли ко лбу и шее. По вечерам было трудно дышать, потому что воздух оставался жарким и густым от колючей пыльцы. Мне было десять лет, почти одиннадцать. Я была уверена в себе — возможно, даже слишком.

Я была самой старшей из нас четверых.

У меня есть младшая сестра.

Мне следовало рассказать о ней много лет назад, когда мы только начали встречаться. Это было бы так легко сделать, когда ты делился историями о своем детстве, о шалостях и хаосе, который творили четверо неуправляемых мальчишек. Я могла бы рассказать о наших проказах, но эти истории ничем хорошим не закончились. Я чуть было не проговорилась спустя пять лет, за

несколько месяцев до нашей свадьбы, когда твоя мать пристала ко мне с расспросами. Но все же я сказала, что у меня никого нет.

Лидия, моя сестра, родилась через два года после меня, в тот же самый день.

Я обращалась с ней как с маленькой куклой, неуклюже держала ее на руках, пыталась кормить и переодевать, хотя сама была немногим больше младенца. С тех пор я много раз листала альбомы с многочисленными фотографиями тех лет: мы прижимаемся друг к другу чумазыми щечками, дружно улыбаемся в объектив. Я хранила свою любимую фотографию в ящике прикроватной тумбочки. Мне шесть лет, на мне белые штанишки с оборками, в руке я держу оранжевый шланг. На моей сестре желтый купальник с розовыми бретельками, и капельки воды, как бусинки, усеивают нашу кожу. Мы прижимаемся друг к другу лбами, и тяжелые мокрые пряди наших рыжих волос свисают вниз.

Потом, когда мы остались вдвоем и начали сгибать шланг и отпускать его, она упала в гортензии. Я помню, как она долго пыталась встать и раздавила почти все цветы. Я сказала — и была права, конечно, — что не стоит признаваться, что это могла сделать и кошка. Но она настояла

на своем и, всхлипывая, побрела в дом просить прощения.

Думаю, фотография лежит на прежнем месте.

Эмбер, моя двоюродная сестра, родилась через четыре дня после меня.

Она появилась на свет первого сентября, а я — двадцать восьмого августа. Это означало, что нас разделял целый школьный год, и я окончательно стала считаться самой старшей. Но почему-то старше казалась она. Быстрее, умнее, выше. Тем летом у нее немного набухла грудь, а мое тело оставалось мальчишеским. Я носила обтягивающие белые топы и говорила себе, что это бюстгальтеры. В ее присутствии я держалась прямее.

Через месяц или около того я должна была пойти в местную среднюю школу. Она была полна решимости получить стипендию в более модной школе и, если сдаст экзамены и ее проект будет принят, отправиться туда следующей осенью. Для нее было важно оказаться там, где другие ученики — и их родители — разделяли ее стремления.

На этом я остановлюсь, потому что все уже понятно. Она считала себя лучше всех нас. Полагала, что заслуживает большего.

Она заслужила все, что выпало на ее долю, если

хочешь знать мое мнение.

У Эмбер была сестра Пейдж.

Пейдж исполнилось всего семь, и она была совсем крошкой.

Хотела бы я сказать, что она была милейшей малышкой, которую обожали и баловали. Но я не стану лгать. Мне не нравилось, как она упивалась своим статусом самой маленькой и самой кроткой. Мне не нравилось, что наши родители — в частности, ее отец — настаивали на том, чтобы мы обращались с ней как с равной.

Каждый год мы проводили вместе, вчетвером, по крайней мере несколько недель. У нас, конечно, были и хорошие дни, пока все не стало плохо.

Какой же бред — никогда не говорить о них, да?

Я еще вернусь к этому. Обещаю.

У нас был коттедж на побережье, так далеко от дома, что казалось, будто это совсем другой мир. Сначала мы проводили там время с бабушкой и дедушкой — они прожили там последние тридцать лет своей жизни, — но после их смерти он достался нашим матерям. Мы продолжали приезжать туда, потому что всем казалось невозможным провести лето в другом месте.

Я и сейчас вижу его таким же, каким он был в то лето: кирпичные стены, увитые плющом и розами, круглая соломенная крыша, деревянные окна, задвинутые ставнями. Я помню заросший сад, вид на море и ощущение того, что снаружи дом всегда казался большим, ярким и красочным. Мы жили вчетвером в одной комнате, и какое-то время это казалось прекрасным, потому что спален в домике было всего три, и необходимость тесниться в таком маленьком пространстве сходила за приключение.

У нас было много традиций, слишком много, чтобы их перечислять, но первой задачей каждого лета была постройка убежища в саду. В тот год я не хотела этого делать, но сестра умоляла меня и говорила, что никто не справится так же хорошо, как я, что без меня все будет не то, и я почувствовала себя нужной. Я вздохнула, делая вид, что меня вынудили, и на следующее утро приступила к работе. Я велела сестре принести деревянную сушилку для белья из чулана и поставить ее между свисающими ветвями плакучей ивы. Младшей кузине пришлось собирать клетчатые пледы в гостиной. Я накинула один из них на сушилку и полезла внутрь, расстилать остальные на земле.

Эмбер на моей памяти никогда ничего не делала, просто наблюдала за нашей работой.

В укрытии было прохладно, несмотря на зной снаружи; спутанные ветки отбрасывали на траву тонкие, холодные тени. Я сняла сандалии и почувствовала под ногами росистую землю. Мне нравилось, что здесь было тише, чем снаружи. Зелень заглушала шум волн и пение птиц, как будто мы сидели в каменной пещере. Я подвинулась, чтобы остальные могли залезть ко мне.

— Как тут хорошо, — сказала Пейдж.

Мы просидели так некоторое время — наверное, час, — шевеля пальцами ног в траве и плетя веночки из маргариток. Мы обсуждали свои планы: долгие дни, которые мы проведем на пляже, прыгая по камням и плюхаясь в море. Не знаю, почему мы с этого не начинали.

— У меня есть идея.

Эмбер. Конечно же, это была Эмбер.

— Ну? — спросила я.

— Давайте устраивать испытания.

— Например? На смелость?

— Давайте! — воскликнула Пейдж, которая, если уж на то пошло, ни за что бы не согласилась рискнуть. Так что, когда все же пришло время, мы даже не сообразили облегчить ей задачу.

— Интересно! — сказала Эмбер. — Я не думала о смелости, но это должно быть здорово.

Я помню, что она смотрела на меня, когда говорила это.

— Тогда ты первая, — решила я.

Она сидела неподвижно, скрестив ноги, и думала.

— Давайте стучать в двери и убегать, — сказала она в конце концов.

— Нет, — возразила Лидия, — я не буду. Это глупо и по-детски, и у нас будут неприятности.

— Я сделаю это, — сказала я.

Ах, если бы я промолчала!

— Хорошо, — согласилась Эмбер, — пошли.

Мы выбежали на улочку и встали на дороге, обливаясь потом под жарким солнцем. Я смотрела на три ближайших коттеджа, потихоньку делая приседания и упражнения на растяжку и прикидывая, как будет проще. Я выбрала ближайший. Мы знали, что там живет пара: женщина, которая постоянно возится в саду, и мужчина — коронер, который, насколько мы понимали, разделывал мертвецов и трогал безжизненные тела. Раньше наши мамы иногда заглядывали туда по вечерам *немного посидеть*.

Странно, но мне не было страшно. Наоборот,

я чувствовала себя окрыленной. Я подкралась к дому на полусогнутых, прижав подбородок к груди. Заползла на крыльцо и приподнялась, чтобы заглянуть в боковое окно. Я увидела только свое отражение. Мне понравилась резкая линия челюсти и то, как свет падал на мое лицо. Я выпрямилась, подняла руку и трижды громко стукнула в дверь. Я почувствовала мгновенный всплеск невероятного облегчения — примерно так же, как когда родился наш сын.

И тут внутри коттеджа хлопнула дверь.

Я дернулась и чуть не упала, задела «музыку ветра» и ударилась рукой о косяк. Я побежала к сестре и кузинам. Я промчалась мимо них, к боковой дорожке, ведущей в наш сад. Я помню, как распахнулись ворота, как за спиной слышались шаги.

Мы рухнули на траву.

— Я знаю, что вы там, — послышался голос женщины. — Как по мне, это не слишком смешно.

— Тише, — сказала Лидия, — хватит смеяться. Прекратите. Замолчи.

— Я не думала, что у тебя хватит смелости, — сказала Эмбер.

Тогда мне было смешно, но это было начало конца, начало перехода от детских игр к чему-то

более зловещему. Я не упоминала о своей семье, когда мы только начали встречаться, не потому, что это не было важно, а потому что оттуда проросли худшие мои черты. Я не хотела, чтобы ты о них знал, но теперь знаешь.

С тех пор я много передумала. Между прочим, стучать в дверь и убегать — это преступление: «Умышленное и преднамеренное беспокойство любого жителя звонком или стуком в дверь». Можешь поверить, что за это до сих пор полагается тюремное заключение, как в девятнадцатом веке? Меня могли посадить в тюрьму на четырнадцать дней.

Если бы следующую пару недель я просидела за решеткой, это избавило бы нас от стольких страданий и мук… Я должна признаться — добровольно — в остальном, в том, что гораздо хуже этого, в том, за что меня следовало бы посадить в тюрьму на десятилетия.

Глава 3

Тем летом на пляже мы встретили мальчика.

Шел третий день, и мы с кузинами сидели на низеньком заборчике, который отделял дорогу перед коттеджем от поля напротив. Меня раздражало, что нам приходилось ждать. Я бы с удовольствием побежала на пляж, натянув шорты поверх купальника и вообще ничего не взяв с собой, но моя сестра опять побежала наверх за полотенцем и тюбиком густого крема для загара.

Мы молча сидели и скучали, но тут серебристая машина с затемненными окнами замедлила ход и остановилась рядом с нами. С пассажирского сиденья вылез мальчик лет двенадцати. Песочного цвета волосы он заправлял за уши, глаза у него были ярко-голубые — совсем как у тебя, любовь моя, а на голове у него сидели темные очки с поляризованными линзами, ужасно крутые. Он достал из багажника доску для серфинга, и футболка слегка приподнялась, обнажив полоску загорелой кожи чуть выше пояса: острая бедренная кость, мягкая кожа.

— Отлично, — сказал он и улыбнулся. Один

уголок губ приподнялся выше другого.

Мы отошли в сторонку, чтобы освободить проход. Он перепрыгнул через заборчик и пошел по тропинке с доской на плече. Мы молчали.

Лидия выбежала из коттеджа с рюкзаком.

— Кто это? — спросила она.

На нашем тихом пляже редко бывали другие люди.

— Не знаю, — ответила я.

Я никогда раньше не смотрела никому вслед и не чувствовала инстинктивной потребности следить за уходящим, не боялась, что он может исчезнуть. Во мне что-то словно сдвинулось, позвоночник переместился на несколько дюймов влево, а сердце скакнуло в другую сторону груди.

Эмбер первой перепрыгнула через заборчик.

— Как думаешь, он умеет нормально серфить? Встанет?

— Подожди! — Пейдж схватила туфли и тоже перелезла за ней. — Я с тобой!

Мы прибежали на пляж и уселись на вершине дюны. Пересыпая песок сквозь пальцы, мы смотрели, как мальчик выгребает на доске. Мы вспотели, когда солнце поднялось выше, щеки у нас порозовели, во рту пересохло. Мы ничего не говорили друг другу, просто молча сидели и

смотрели. Мы смотрели на сверкающую воду. Смотрели, как он вскакивает, находит равновесие и встает, как на твердой земле. Он скользил по морю, как дельтаплан по воздуху. Он крутился в волнах, взбираясь на гребень, и был хорош, даже падая в белую пену. В конце концов, — а прошло уже несколько часов — он взобрался на дюну и остановился рядом с нами.

— Привет, — сказал он.

Голос у него был низкий и глубокий, совсем не такой, как у мальчиков в школе.

Я открыла рот, чтобы ответить, и бросила короткий взгляд через плечо, внезапно испугавшись, что тетя как раз решила выйти на пляж и искупаться голышом.

— Это было круто, — сказала Эмбер, — где ты учился?

— Не знаю. Наверное, в детстве.

Он сел рядом с нами. Вода стекала с него и темными бусинками ложилась на песок. Мальчик подергал коричневый плетеный кожаный браслет на запястье — концы у него уже обтрепались — и тут заметил, что я смотрю на него.

— Тебе понравилось?

Я кивнула и почувствовала, как щеки заливает жар. Я невольно стянула короткие шорты по-

ниже, чтобы прикрыть верхнюю часть бедер. Я вдруг почувствовала все свое тело, с бугорками, неровностями и волосами на ногах. Я надеялась, что он улыбнется мне.

Вместо этого Эмбер уставилась на меня и приподняла бровь.

Я опустила глаза и посмотрела на его руку от браслета до плеча, кожа на котором порозовела и натянулась.

— Держи. — Лидия вынула из сумки белый тюбик.

Он выдавил немного крема на ладонь и кинул тюбик на песок.

— Чарли! — донесся женский голос с поля.

— Мне пора.

— Ты вернешься? — спросила я.

Эмбер резко повернулась ко мне, между ее бровями появилась складка, а на губах заиграла ухмылка.

— Не знаю, — сказал он.

— Я Джесс.

— Да? А я Чарли.

— Я Эмбер.

Она говорила не так, как всегда, — выше и в нос. Улыбалась она, как маньяк, растянув губы так сильно, что они плотно прижались к деснам.

Выглядело это странно и нелепо; само по себе это было ерундой, но она явно подражала мне.

— Может, еще увидимся, — сказал он.

Лидия сидела на песке, прижав колени к груди. Вставая, он чуть оперся на ее плечо, затем нагнулся за доской.

— Спасибо, — сказал он.

Она покраснела, но подняла на него глаза и улыбнулась, не смущаясь.

Я думала о нем, пока мы сидели на пляже, мечтая, чтобы он исчез поскорее. Я думала о нем вечером, ужиная за маленьким деревянным столом на кухне. Я думала о нем, принимая ванну и чистя зубы, и позже, лежа в постели. Я все еще думала о нем на следующее утро, когда мы снова собрались в убежище.

Я все время поглядывала в сторону ворот и вслушивалась, не проедет ли машина. Я не помню, изменилось ли поведение остальных, но знаю, что мы размышляли, чем занять этот день, и раньше у нас никогда не возникало такой проблемы. Мы прокрутили в голове список наших обычных дел. А потом просто так, без всякого повода и совершенно зря я сказала:

— Я придумала испытание.

Пейдж ковыряла пряжку на сандалии. Лидия

обматывала ветку ивы вокруг пальцев. Эмбер посмотрела на них, потом на меня.

— Ладно, я в деле.

Я села на пятки и наклонилась к ней. Она инстинктивно склонилась ближе ко мне. Пальцы Пейдж замерли на пряжке, Лидия отпустила ветку. Я помню, как листья качались взад и вперед, как солнечный свет плясал на пожелтевшей траве. Я чувствовала, как слова замирают у меня на губах.

— Помнишь того мальчика?

— Да.

Я сделала паузу. Я подумала, что могу остановиться. Я могла бы сказать что-нибудь другое. Я могла бы что-нибудь придумать. Я усилием воли заставила себя повернуть голову, чтобы найти в саду что-нибудь, к чему можно было бы прицепиться. Что-то сделать, чего-то коснуться, куда-то пойти. Но у меня не вышло. Меня бесило, что она видела меня слабой, и я хотела, чтобы она тоже была слабой.

— Поцелуй его.

Она вздрогнула и отшатнулась, сморщив носик от отвращения.

— Что? Поцеловать того мальчика? Я даже не увижу его больше. Я не могу… Он… гадкий.

Я пожала плечами, разозлившись. Я не могла поверить, что она может быть такой жестокой. Ведь он был идеален, и слушать обратное было невыносимо.

Она передернула плечами и подняла подбородок.

— Я хочу другое испытание.

— Нет, это.

— Другое, — настаивала Эмбер.

— Ну ладно. Тогда…

Я встала посмотреть сквозь свисающие ивовые ветки. За забором, в соседнем саду, засыхал на солнце завиток собачьей какашки.

— Тогда съешь эту собачью какашку.

Мне до сих пор стыдно.

По идее, я должна просить прощения, оправдываться, но это просто пополнило список моих преступлений. На самом деле у меня нет оправдания: только детское соперничество и вопиющая глупость.

Ну или можно посмотреть на это с другой стороны.

В конце концов, это совершенно неудивительно. Я ведь всегда была такой. Легко можно предположить, что, хотя я долгие годы была хорошей — *притворялась* хорошей, — на самом

деле я оставалась маленькой злобной девочкой, которая постоянно обламывалась.

Тогда мне следовало бы усвоить урок: иногда люди слушают.

Я не думаю, что ты слушал меня в машине — или не слушал как следует. Я не думала, что ты следишь за каждым предложением, за каждым словом, замечаешь каждую мелочь и каждый фактик.

Я недооценила тебя.

Я недооценила и ее.

Я не думала, что она примет мою идею всерьез.

Глава 4

Ты был в ужасе. Ты сморщил нос, искоса посмотрел на меня и снова перевел взгляд на дорогу.

— Ты заставила ее съесть дерьмо? — с отвращением спросил ты.

— Я не заставляла. Я просто предложила испытание.

Ты кивнул на зеленую вывеску слева, гласившую «BURY HILL SERVICES», и щелкнул поворотником. Остановился рядом с колонкой и осторожно открыл дверцу, оставив ключ в замке зажигания. Ты не хотел выключать двигатель, потому что под ровный гул наш маленький сын спокойно спал. Ты быстро заправился, убежал в неприметное кирпичное здание и через несколько минут вернулся с чеком в одной руке и упаковкой конфет в другой.

Я подумала, что тебе стоило купить что-нибудь и для меня: шоколадку или пачку чипсов. Я поняла, что ты больше не любишь меня, не доверяешь мне и не думаешь обо мне настолько, чтобы тратить семьдесят пенсов на сладости на дряхлой заправке на обочине автострады.

Я ведь была права.

Ты уже отказался от нас.

Я посмотрела назад, на нашего маленького мальчика. Он спал в автокресле, длинные ресницы почти лежали на щечках, рыжие кудри спадали на лоб. Я люблю его глубокой нутряной любовью, неистово, безжалостно. Я люблю его, даже когда он плачет до глубокой ночи, даже когда кажется, что усталость проникла мне прямо в кости и никогда не пройдет.

Хорошо бы этого было достаточно: одна женщина, одержимая одним мальчиком. Я до сих пор не знаю, почему так не случилось. Я хотела, хотя, скорее, одержимо мечтала еще об одном ребенке. Не знаю, разделял ли ты мое отчаяние, но тебя определенно не радовали трудности в этом плане. Но свою боль ты прятал, как бомбочку с краской, чтобы нигде не осталось пятен. Моя же покрывала грязными брызгами меня всю.

Однажды я уже пыталась объяснить тебе, что побудило меня покинуть наш уютный дом и отправиться на побережье в холодные выходные в начале зимы. Мне казалось, что, поняв мои доводы, ты скорее простишь меня. Я помню, как ты торопил меня, чтобы я поскорее *перешла уже к сестре, к тому, над чем нужно поработать, к*

тому, что имеет значение.

Так вот, для меня имеет значение следующее.

Это был октябрь. Был Хеллоуин.

Мое новое путешествие в коттедж началось с того, что мы втроем сидели за обеденным столом, ели пиццу и обсуждали, какие дома на улице украшены лучше всего. Нам больше всего нравился дом в конце улицы, с голографическими упырями и паутиной, затянувшей весь садик.

Ты вытер рот салфеткой и откашлялся, как всегда, прежде чем сказать что-то важное. Оскар пальцами вытягивал изо рта нитку сыра, чтобы она оборвалась и отлетела ему в лицо.

Ты сморщил нос: это было извинение.

— Утром звонил отец.

Я слушала, как ты объяснял его просьбу и умолял меня очень-очень постараться изо всех сил не обижаться: всего несколько дней, через несколько недель, только семья.

— Это последний шанс, — сказал ты и пожал плечами, — если…

— Я знаю.

Тим, мой самый нелюбимый деверь, подождал, пока его четверо сыновей нарядятся и будут готовы отправиться вместе с ним в поход за угощениями, и крикнул в кухню, что оставит жену

дома с детьми, а сам поедет к родителям и постарается вернуться пораньше в последний день, но обещать ничего не может.

За ними захлопнулась дверь.

Джоди, моя единственная невестка, посмотрела на обеденный стол, измазанный гримом и фальшивой кровью, на полированный пол, уставленный вешалками для одежды и заваленный обувью, на хаос, который составлял ее жизнь.

А потом она взяла телефон и позвонила мне.

— Я не могу, — сказала она, — не могу и не буду присматривать за четырьмя маленькими детьми одна в течение четырех гребаных дней.

Мы обе знали, что она это сделает, потому что она всегда это делала, что бы ни случилось — очередной приступ рвоты, очередная мокрая постель. В этом мы были похожи.

— Я не виновата в том, что она умирает, и все же я плачу́ за это.

— Не знаю, — ответила я. — Речь все-таки идет о жизни и смерти.

— Ну да. Но все равно. Блин.

Я видела, как женщины превращаются в матерей, но она была первой, с кем это случилось у меня на глазах. Я помню, как она донашивала первого ребенка и с невероятным увлечением

говорила о своей работе. Мне нравилось слушать ее рассказы о кристаллах и небесных картах, о приятных домашних родах и женщинах, которые носили своих детей на себе, как одежду, как вторую кожу. Я наблюдала, как эта беззаботная легкость уходила из нее, как масло стекает со сковородки, как она пристегивала двоих детей к груди, потея и ругаясь, как ее кристаллы покрывались пылью.

— Это всего на пару дней, — сказала я.

Она фыркнула и зашуршала салфеткой.

— Ты бы меня поняла, если бы у тебя их было больше одного.

Полагаю, мое молчание было довольно красноречивым.

— Черт. Извини.

— Ничего страшного, мы пытаемся.

— Долго?

— Все в порядке. Честно.

— Долго? — настаивала она.

— Больше года. А может, почти два.

— Дело не в теле. Не во второй раз.

Я слышала, как она возится в кухне: потекла вода, что-то смывая, зазвенели столовые приборы, сложенные в посудомоечную машину.

— Дело в голове.

— В прошлый раз с моей головой все было в порядке.

Я тут же почувствовала себя виноватой, а она невозмутимо продолжила:

— Значит, возник какой-то новый блок. Может быть, это связано с материнством? Может, с браком что-то случилось? Может, вам теперь нужна девочка и это стало преградой?

Я не лелеяла мечты о дочери, но что-то в ее последнем вопросе меня не отпускало. Как насекомое, от которого невозможно отмахнуться.

Она так и сказала: «преграда».

Как будто моя вина была сущей ерундой, из тех чувств, которые женщины могут спокойно сдерживать, обсуждать с психотерапевтом и отбрасывать. Как будто она еще не оплела все мое тело плотной черной паутиной, не пронизала каждую мышцу, каждую вену, каждую кость. Как будто последние десять лет моей жизни не ушли на попытки прирастить себе новое лицо, лицо женщины, не мучающейся виной, женщины, которую мог бы полюбить мужчина вроде тебя. Я хотела сказать ей, что она и половины не знает, но вместо этого еще пятнадцать минут слушала ее нытье, прежде чем извиниться, надеть остроконечную шляпу и плащ и вместе с вами

отправиться в один из соседних домов.

Оскар, завернутый в белую простыню с дырками для глаз, очень обрадовался, обнаружив в своем ведерке три маленькие конфетки. Я помню, как он остановился через пару домов и разделил их между нами — одну оставил себе, одну дал тебе, а одну мне. Я подумала, что даже если нас так и останется трое, я смогу с этим смириться.

Спустя несколько часов, лежа в постели и изучая четыре разных приложения для определения фертильности, я уже не чувствовала этого. Я снова ощущала себя сумасшедшей, с пристрастием искала любые признаки того, что что-то не так, анализировала все данные в поисках самой крошечной причины для позитивного мышления. Я снова и снова слышала эти слова: «блок», «девочка» и «преграда».

Я не могла перестать думать о них, и с каждой секундой эти мысли увеличивались вдвое. В ту ночь я совсем не спала. Я чувствовала, как паутина внутри моего тела кристаллизуется, трескается, как ее части вырываются наружу, проникают в мою кровеносную систему, заражают все тело. Я лежала и ждала, пока наступит утро. Когда ты проснулся, температура у меня поднялась до сорока градусов, я дрожала и поте-

ла, как маленькая собачка, умирающая от голода на жаре.

Меня тошнило и лихорадило несколько дней, кожа покраснела, словно обгорела на солнце, и я едва фокусировала взгляд. Сначала я похоронила свою вину: я плохо училась в школе и прогуливала, едва сдавая экзамены, а позже слишком много пила, и спала с мальчиками, которые играли в регби, и брала таблетки у незнакомых людей в темных подвалах. Я стерла эту вину, зациклившись на работе и физических упражнениях, двигаясь быстро, никогда не задерживаясь на месте: вставала и шла в спортзал, и в офис, и в спортзал, и к друзьям, и домой спать.

Я была такой, когда мы познакомились.

— У тебя нет семьи? — спросил ты меня однажды.

Я покачала головой.

Мы были на барбекю, которое устраивали твои тетя и дядя, и твои двоюродные братья и сестры — все младше тебя — разбрелись по патио, а некоторые плавали в бассейне.

— Прости, — сказал ты, как будто не мог представить ничего хуже.

Твоя младшая сестра плескалась, изо всех сил колотя ногами по воде. Я невольно представила,

как она ускользает под воду и бесшумно уходит на дно. Каково это — единственной заметить, как ее тело затихает. Я вдруг почувствовала себя ребенком в море, а рядом были сестры. Я почувствовала, как чувство вины стискивает меня, сдавливает, и закрыла глаза, дожидаясь, пока оно пройдет.

Кажется, ты не заметил.

До этой болезни случались только вспышки ужаса.

Я пролежала в постели семь дней. А потом встала, не трясясь, приняла душ и не вспотела. Я помахала тебе на прощание, когда ты уходил на работу, и отвела сына в ясли. Я планировала что-нибудь слепить, но не смогла сосредоточиться. Вместо этого я села за обеденный стол и просидела почти все утро.

Джоди позвонила мне рано утром и извинилась — ее слова в какой-то степени должны были показаться искренними.

— Я верю, что у тебя все получится, — сказала она и вздохнула.

— Думаю, все будет хорошо, — соврала я. — Я боюсь, смогу ли любить второго, и…

Я ощущала свою любовь к сыну как колонну, проходящую через все мое тело. Я не могла по-

нять, как в таком маленьком пространстве может существовать еще одна колонна.

— Я люблю своих четверых больше всего на свете, — сказала Джоди, — я люблю каждого из них всем своим существом, без исключения, без конкуренции, не думая ни о ком другом. Это звучит нелепо, но это правда.

Мне хотелось закричать, сказать ей, чтобы она заткнулась, потому что матери кажутся ужасными, когда у тебя нет детей, и еще хуже, когда они есть. Но разумная я — та, что переборола свое чувство вины, — сумела остаться спокойной.

— Прости, — сказала она после нескольких секунд молчания, — вряд ли тебе стало легче. Я просто хочу, чтобы ты знала, что это произойдет. И что это стоит всех мучений.

Я не верила, что это произойдет. Я считала, что мое чувство вины слишком тесно обступило меня, чтобы во мне хватило места на еще одну жизнь. Да и зачем миру дарить маленькую девочку женщине, которая уже убила одну девочку?

Глава 5

Вечером я купала нашего сына и заметила несколько красных пятен за ухом, еще парочку на груди и целое созвездие на бедре. Я нянчилась с ним всю следующую неделю. Сильная лихорадка, несколько дней постоянного зуда, та же гадостная ветрянка, которая в детстве поразила нас с сестрой. Я тогда расчесала все волдыри, и от них остались шрамы, поэтому мне приходилось держать его за руки. Я успокаивала его, когда он хныкал, а когда он наконец погружался в беспокойный сон, я лежала с широко раскрытыми глазами и не могла уснуть.

Меня терзала мысль, что мой мозг блокирует функции тела. Я подозревала — или даже точно знала, — что мы не сможем зачать ребенка, пока я не избавлюсь от чувства вины. Я представляла, как хирург вырезает ее из меня, а когда он снимает маску, этим хирургом оказываюсь я. Только я сама могла это сделать. Могла и хотела. Потому что вина была болезненной, колючей, как булавки и иголки под кожей.

Меня тоже мучил зуд, и я всегда знала, что од-

нажды не удержусь и начну чесаться.

Я использовала эти лихорадочные ночи без сна, чтобы разработать план.

Я пролистала несколько сайтов по аренде жилья и наконец-то нашла коттедж в Интернете. Посмотрела фотографии и почитала отзывы: *очаровательное местечко, идиллический уголок, идеально для семейного отдыха, любопытное сочетание старого и нового*. Я забронировала его немедленно, лежа рядом с храпящим сыном. Забронировала на четыре полных дня, оплатив депозит со своего личного счета.

Меня поддерживала мысль о ребенке, но дело было не только в этом. Я начинала циклиться на воспоминаниях о сестре, которые, казалось, уходили все дальше, и о кузинах, и о коттедже. Я разрешала себе — может, даже поощряла в себе — абсурдные мечты. Обеды по выходным в сельских пабах с моей семьей, а не с твоей, сестра навещает нас в больнице через несколько часов после рождения нашей дочери, мы сажаем детей в машину и едем в коттедж на несколько недель летом.

Лидия, насколько мне известно, по-прежнему жила в небольшом пригороде, всего в нескольких милях к востоку. Я приехала туда на велосипеде

через несколько дней, пока наш мальчик был в яслях, и увидела горшки с комнатными растениями, расставленные по подоконнику. Я опустила в почтовый ящик написанную от руки записку:

Лидия!

Мне нужно тебя увидеть.

Пожалуйста.

Я буду в коттедже с 30 ноября.

Приезжай ко мне на выходные.

Джесс xx

Под своим именем я нацарапала номер телефона.

Эмбер — не по своей воле — вела более кочевой образ жизни. Она училась на врача в очень престижном университете, стажировалась в разных больницах по всей стране. Я не знала, где она обосновалась, пока не нашла ее в Интернете. *Ведущий специалист по гериатрии,* неужели. *Зона особых интересов — уход за пожилыми пациентами, перенесшими операцию, включая пред– и послеоперационные осмотры.* Больница тоже была указана — Королевская бесплатная. Я не удивилась, что Эмбер вернулась в город.

Я планировала отнести записку в регистратуру. Я аккуратно положила ее в конверт, на котором большими буквами написала ее имя и отделение.

Но, стоя на парковке и репетируя свою речь, я увидела машину, которая явно принадлежала ей. Эмбер Хэй купила индивидуальный номерной знак — AM80 HAY — для своего изящного спортивного автомобильчика. Я сунула записку под дворник.

Я чувствовала, что поступаю правильно. Конечно, я ошибалась, но я ехала домой со жгучим чувством выполненного долга, которое будто звенело внутри. Я делала шаги к нашему ребенку: лучшие в мире шаги. Я уже представляла себя после исповеди: прощенной, освобожденной — беременной. Я воображала себе начало новой эры: жизни, в которой есть ты, двое наших детей, моя сестра и кузина. Я представляла твое лицо при положительном тесте на беременность, помнила, как ты сиял, когда наш сын еще был нашей тайной, сжимал мою руку, подмигивал мне в переполненных комнатах. Я хотела этого для тебя так же, как и для себя, и даже больше.

— Я придумал хорошие имена, — сказал ты, вернувшись домой с работы через несколько дней, — я был сегодня на одном мероприятии, и там были одни женщины, целая толпа.

Я смотрела на тебя через дверной проем, пока ты снимал пиджак и вешал его на вешалку. Ты

расстегнул рубашку, ослабил галстук и направился в кухню.

— Элеонора! — крикнул ты.

Мы не знали, что у нас будет мальчик, пока он не появился на свет. Мы были в восторге, потому что не договорились ни об одном имени для девочки, а список имен для мальчиков свели всего к четырем позициям.

Я слышала, как ты открыл холодильник, а потом и пиво.

— Как тебе? — спросил ты и сел в кресло напротив.

— Ничего.

Бóльшую часть дня я провела, уставившись в телефон, потому что ни сестра, ни кузина так и не ответили на мои сообщения. Я положила его на стол экраном вниз. Мне не хотелось, чтобы ты увидел, как экран вспыхнет, когда — или даже если — наконец придет ответ. Я все еще ждала, но уже начала беспокоиться. Я была так уверена, что мне нужно исповедаться, чтобы забеременеть. А что, если этого не произойдет?

— А мне нравится, — сказал ты. — София. Хелена. Лучше?

Я увидела, что ты закатал рукава до локтя. Я так тебя любила…

— Я не уверена.

— Все в порядке? — Ты нахмурился.

— Я… просто думаю, что гарантий никаких. Я беспокоюсь, что это не…

— Все будет, — сказал ты, садясь на пуфик передо мной и обнимая мои ноги в тапочках, — я уверен.

— Могут возникнуть проблемы…

Ты отставил пиво и вздохнул.

— Значит, будем искать решение. Мне нравится Элеонора. Элеонора могла бы быть Элли или Нелл.

— Джим…

— Хорошо, — ты сжал мои ноги, — больше не буду.

Мне было не по себе от предположения, что надо будет дать имя еще одному ребенку. От твоей уверенности, потому что в тот момент путь к нашему будущему становился все менее и менее определенным. Но дело было не только в этом. Я ненавижу, когда ты перечисляешь имена, потому что некоторые из них категорически неприемлемы по необъяснимым причинам. Я боялась, что ты скажешь «Эмбер» — а это не так уж далеко от Элеоноры или Хелены — или, того хуже, «Пейдж».

Я помню, как ты впервые произнес это имя. Ты вез нас из коттеджа, а наш сын спал на заднем сиденье. Я рассказывала тебе эту историю. Я объясняла, что есть две записки, два адресата, две женщины, которые должны простить меня.

— А Пейдж?

Я помню, как ты щелкнул переключателем, чтобы протереть стекло. Я помню, как снег кружился перед нами, словно сахарная пудра, падающая из сита.

— Ее не пригласили?

Я глубоко вздохнула.

Пейдж была невысокой, кругленькой и симпатичной. У нее были самые светлые волосы из нас четверых, и она заплетала их в две косички, свисавшие до плеч. Ей нравились сарафаны в клеточку, а вместо грязных кроссовок она носила аккуратные сандалики и носки с оборочками. Она обожала розовый цвет, собирала букеты, а по ночам засыпала, прижимая к себе потрепанную тряпичную куклу.

Оглядываясь назад, я думаю, что она была совсем не похожа на нас.

Мы сбегали — часто, почти каждый день — на пляж или в поля. Мы карабкались по стволам плакучих ив и древних дубов. Мы ныряли в вол-

ны и заходили в море на веслах, пока она сидела на мелководье, не умея плавать. Мы постоянно подгоняли себя, желая быть быстрее, выше, глубже. У нее не было юношеской потребности в преодолении границ. Ей нравилось оставаться маленькой и милой.

Чувствовала бы она себя иначе, если бы знала, что останется такой навсегда?

Я не пригласила ее, потому что она умерла тем летом.

Глава 6

— Ну? — спросила я.

— Я в деле, — ответила Эмбер.

Мы вылезли из-под плакучей ивы и немедленно зажмурились от яркого солнечного света. Я первой пошла к живой изгороди, разделявшей два сада. Эмбер шла прямо за мной; я слышала, как ее босые ноги ступают по траве. Лидия мрачно топала за ней, куда медленнее. Пейдж, как всегда, оказалась последней в нашей шеренге из четырех человек. Мы собрались у изгороди и наклонились, чтобы посмотреть сквозь ветки.

— Ты пролезешь? — спросила я.

— Наверное.

Эмбер отодвинула в сторону несколько толстых веток.

— Ну не знаю… — сказала Лидия, — может быть, не стоит? Это небезопасно.

Она посмотрела на меня умоляюще. Я покачала головой.

Эмбер опустилась на колени и решительно начала ломать нижние ветки, чтобы проделать себе проход. Пейдж негромко гудела себе под

нос, как будто хотела что-то сказать, но не могла подобрать слов. Лидия все еще твердила, что это абсурдно и опасно, и нельзя ли вместо этого просто пойти в кондитерский магазин.

Эмбер проскользнула в маленькое отверстие и выбралась с другой стороны.

— Там кто-нибудь есть? — прошептала Пейдж.

— Похоже, нет.

— Тогда давай быстрее, — сказала я.

— Заткнись, а? — ответила Эмбер.

Я смотрела, как она, храбрясь, шла по лужайке и опускалась на колени рядом с коричневой «запятой». Я видела, как она сделала глубокий вдох и вздрогнула. Я ждала, затаив дыхание, пока она разминала правую руку. Пейдж молчала, закрыв лицо руками. Лидия шипела через изгородь, что Эмбер должна немедленно вернуться, что это безумие, что сказать «нет» совсем не стыдно. Я подтолкнула ее — или, может быть, толкнула, — потому что игра возможна только в том случае, если все подчиняются правилам. Ее готовность нарушить их была признаком слабости.

Эмбер вовсе не была слабой. Она всегда была уверена, что сила воли ее никогда не подведет. Она бегала быстрее всех. Забиралась выше всех. Она задерживала дыхание на глубине, за волно-

резами, где никто из нас не мог достать до дна. Иногда она оставалась под водой так долго, что мы уже уплывали за помощью, когда она наконец всплывала.

Я смотрела, как она сидит на корточках, и меня терзал ужас. Я не могла поверить, что она собирается сделать что-то настолько мерзкое. Но если говорить начистоту, то в глубине души я немного радовалась. Она назвала самого лучшего мальчика, которого мы когда-либо видели, гадким, ну и кто теперь гадкий?

Лидия схватила меня за руку.

— Это ужасно, — сказала она, — ты должна немедленно…

— Но я же не думала, что она правда…

— Ты врешь.

Она почти плакала.

Эмбер стояла на коленях, опустив руку в аккуратно подстриженную траву.

И вдруг вздрогнула, отдернула руку, вскочила и бросилась к нам.

Она влетела в дыру у основания живой изгороди, держа один палец перед собой, и бросилась ко мне.

— Ты это сделала? — спросила я. — Сделала?

Я почувствовала запах раньше, чем увидела

ответ.

Она сунула палец в какашку по первую фалангу, и кончик его покрылся коричневой жижей, мягкой, как взбитые сливки. Она подошла ближе, подняла руку. И быстро, как змея, бросающаяся на жертву, размазала это по моей щеке. Она остановила палец в миллиметре от моих губ.

— Это сделаешь ты. Ешь.

Она отплевывалась, когда говорила; слова еле проходили сквозь стиснутые зубы.

Я едва слышала ее, так громко стучало сердце. Меня одолевал ужас от осознания того, что моя кожа измазана дерьмом; его запах бил в ноздри. Мне хотелось закричать, убежать обратно в коттедж, нырнуть под кран и оттирать лицо, пока кожа не покраснеет. Помню — и это кое-что говорит о силе соперничества между нами, — что вместо этого я встала ровнее, не сводя с нее глаз, и равнодушно пожала плечами.

— Выходит, тебе слабó, — сказала я.

— Я его потрогала.

— А задача была не в этом.

— Ладно, — сказала она.

Она поднесла палец к губам. Она бы действительно это сделала, если бы мы не услышали голоса матерей у задней двери, если бы мы обе не

рухнули в траву, чтобы оттереть руки и лица.

— Это отвратительно, — прошипела она.

Я все еще чувствовала идущий от нее запах.

— Мне нужно помыть руки.

Мы вместе побежали к входной двери, мечтая добраться до ванной, пока нас не заметили. Мы проскочили через ворота.

Она остановилась.

Она заметила его первой.

Она спрятала руки за спину и замедлила шаг. Я не сразу заметила его и пронеслась мимо нее. Я не остановилась, пока между нами не остались считаные метры: он улыбался, а потом нахмурился, глядя на грязную полосу у меня на лице.

Он обошел меня, поймал взгляд моей двоюродной сестры и сказал:

— Ты ей скажешь? Или я? — рассмеялся и показал на свою щеку, — у тебя тут какая-то грязь…

— Это гораздо хуже, — радостно сказала Эмбер.

— Да?

— Она бы обрадовалась, будь это грязь.

— Ой. — Он скривился, и я почувствовала, что сам воздух, которым я дышу, слишком хорош для такого отвратительного и жалкого создания, как я.

— Она шутит, — быстро сказала я.

Мне было интересно, видит ли он, как я краснею, сквозь дерьмо на моем лице. Я побежала к раковине, яростно намылилась и швырнула в нее мылом, когда она подошла.

— Зачем ты это сделала?

— Ты заслужила. — Она пожала плечами.

— Ты заслужила, — передразнила я ее, выплевывая каждое слово, преувеличенно растягивая гласные и смягчая согласные, — ты говоришь, как твой отец.

Она перестала мыть руки и уставилась на меня.

Мы больше ничего не говорили, пока стояли бок о бок у раковины. Мы молчали, пока спускались по лестнице и когда сели за стол, где нас ждали горы теплой пасты.

Тетя стояла у кухонной раковины и мыла сковороду и дуршлаг. За пояс джинсов она заправила полотенце. Я помню, во что она была одета в тот день, потому что так она оделась и в наш последний день: джинсы с высокой талией, подкатанные внизу, носки с яркими полосками; толстовка с надписью «Ellesse» — каждая буква своим цветом. В волосы она воткнула маргаритки.

— Ты будешь дома? — спросила Пейдж.

— Мы едем в деревню, — ответила тетя Мардж, — а вечером пойдем к соседям.

Она вытерла кухонный стол тряпкой для посуды, бросила ее в раковину и ушла в гостиную.

— Теперь моя очередь раздавать задания, да? — сказала Эмбер, приподняв бровь. Она отодвинула тарелку, откинулась на спинку своего деревянного стула и скрестила руки. Посмотрела на нас троих, сидящих бок о бок за кухонным столом.

Мы опустили головы, как школьницы.

— Джесси, — сказала она, передернула плечами и ухмыльнулась. — Джесси, ты просидишь час на чердаке. Лидия…

— Но нам не…

— Нельзя? — переспросила Эмбер. — А трогать дерьмо можно? А есть?

— Ладно, — согласилась я, — я не боюсь чердака.

Я невыносимо боялась чердака.

Несколько лет назад мы вчетвером сидели на полу в коттедже, а дядя устроился в кресле, широко расставив ноги и зажав сигарету между пальцами. Я едва дышала, слушая его истории о детях, которые упрямились, вели себя слишком шумно или грубили. Я громко сглотнула, когда он объяснил, что такие дети — плохие дети — жили

в коттедже, их запирали на чердаке и оставляли там надолго. Я побледнела и зажмурилась, когда он сказал, что их призраки — при этом он ухмылялся, обнажая желтые зубы, — все еще обитают у нас на чердаке.

— Я это сделаю, — сказала я, — я…

— Я не закончила, — возразила Эмбер. — Лидия. Ты уничтожишь мамин роман.

Ее мать в течение четырех лет работала над литературным шедевром. Так говорил наш отец, хотя — теперь я это понимаю — он явно шутил. Она носила с собой красный блокнот и периодически доставала его, чтобы набросать пару слов. Иногда она сворачивалась калачиком в углу дивана и яростно писала, царапая ручкой страницы и лихорадочно проглядывая уже написанное. Это считалось личным, пока книга не закончена, и нам запрещалось даже прикасаться к красной кожаной обложке.

Лидия покачала головой:

— Нет. Я не смогу. Как?

— Мне все равно. Разорви его или сожги.

— Эмбер… — начала я.

— Пейдж, — сказала она, — а ты одна пойдешь в пещеру.

Эмбер обычно вела себя разумно и прилично,

но я разожгла в ней нечто, что невозможно было подавить. Она задыхалась от ярости на всех нас, но в основном на меня. Она вполне контролировала себя и говорила осознанно, но в ее словах была какая-то совсем новая злость. Лидия трясла головой. Она не собиралась сжигать книгу. Ни за что. Пейдж села ровнее, как бы обдумывая свое испытание, но я ни секунды не верила, что она действительно сделает это, — что в одиночку выйдет за забор.

Эмбер хотела, чтобы мы все задрожали от страха и отказались.

Я тогда еще не знала, что такое настоящий страх.

— Я первая, — сказала я.

Глава 7

Прошла почти неделя.

А потом на телефоне высветился незнакомый номер, а под ним — сообщение, набранное жирным шрифтом:

Я буду. Л.

Л.

Лидия.

Я сунула телефон обратно в карман, потому что яркий свет испугал только что уснувшего сына, так что тот закричал. Я подняла его из кроватки и прижала к плечу. Я раскачивалась в темноте, ощущая его горячее дыхание на своей шее, а он судорожно цеплялся за меня ручками.

Глаза пытались приспособиться к темноте.

Я не видела света за закрытыми окнами и дверями коридора. Голова кружилась. Я могла стоять или упасть набок, но комната осталась бы прежней. Спина болела при каждом незначительном движении, но стоять было еще хуже. Я наклонилась вперед, пытаясь перенести вес его тельца на руки. Я смаргивала слезы, уговаривала себя держаться, продолжала раскачиваться в стороны

и молчала.

Я чувствовала, как слова роятся в голове, и отмахивалась от них. Я не могла думать ни о боли, ни об усталости, ни о времени, ни спрашивать себя — когда, потому что, несомненно, когда-нибудь это должно было закончиться.

Спустя несколько минут я снова опустила его. Позвоночник будто вопил от боли, все тело дрожало.

Он молча и неподвижно лежал на спинке.

Я хотела посмотреть на телефон, но не рискнула.

Я подождала, пока его дыхание станет медленным и ровным, и на цыпочках направилась к двери. Я открыла ее медленно и осторожно, едва дыша, но она все равно скрипнула. Я выскользнула наружу и осторожно закрыла ее.

Я закрылась в нашей спальне и снова перечитала сообщение:

«Я буду. Л.»

Это правда случилось. Прошло двадцать лет с тех пор, как мы вместе ездили в коттедж, но всего через пару недель мы снова будем там.

Я уже собиралась ответить, когда сын снова закричал. Крик словно бы пролетел по коридору и ударил меня в грудь. Я почувствовала, как

напряглись все мышцы, как выгнулось тело, как пот проступил на коже. Я встала — с трудом, мне очень хотелось отдохнуть или поспать — и вернулась к сыну.

Он вернул меня в то лето — его крик. Так случалось всегда. Он дразнил меня и преследовал. Я подняла сына из кроватки, и спазм боли, прокатившийся по спине, показался мне наказанием за совершенное преступление. Я должна страдать без сна. Мне должно быть больно. Я должна быть измученной, задерганной, постоянно на грани.

Кошмары начались, когда нашему сыну было всего несколько месяцев.

Ты говорил, что это невозможно. Ты перечитал десятки сайтов и купил кучу книг. Ты настаивал, уверял. Твердо решил, что ночные кошмары не могут начаться, пока ребенку не исполнится хотя бы несколько лет. Ты был уверен в этом так же, как во мне.

И ошибался в обоих случаях.

Я уверена, что наш сын страдал от этого с самого начала. Я помню его первые дни, деревянную колыбельку, которую твой отец сделал сорок лет назад и которая теперь стояла рядом с нашей кроватью. Мы наивно полагали, что мальчик будет спать там охотно и легко, просыпаясь время от

времени, чтобы поесть, — ненадолго, конечно. Мы держали его на руках, качали, гладили, пока он наконец не закрывал глаза в наших объятиях. Мы опускали его медленно, все так же осторожно качая и что-то приговаривая, но, стоило ему почувствовать под спинкой матрас, он открывал глаза и начинал плакать.

Мы пытались снова и снова в течение нескольких дней, но в конце концов сдались. Я уложила его рядом с собой в постель и позволила ему прижаться к моей груди. Я спала некрепко, просыпаясь каждые несколько минут, чтобы проверить, дышит ли он, не слишком ли ему жарко и достаточно ли далеко от его лица находится постельное белье. Но меня это не пугало, потому что он был счастлив.

Это длилось недолго.

Его стало еще труднее уложить, и то, что успокаивало его вначале, видимо, исчезло. Это случалось, когда он пропускал сон, или спал слишком мало, или засыпал слишком поздно. Ты постоянно работал, поэтому редко видел его, но каждый мой день строился вокруг его сна. Он просыпался с криком — всего через двадцать минут после того, как засыпал. Его глаза расширялись от ужаса, он захлебывался. Еще хуже становилось, когда

он плохо себя чувствовал, или когда погода была слишком теплой, или когда ночью запускали фейерверки, — и так продолжается до сих пор.

Оскар никогда не вспоминает их на следующее утро. Он не знает, что сидел и кричал без остановки целых пятнадцать минут, прежде чем снова заснуть. Я же помню все: каждую ужасную секунду, каждую слезу, которая стекала по его щекам.

Я помню, как ты пришел домой — я лежала на диване и рыдала — и сказал мне, что все дети с трудом засыпают. Думаю, до тех пор, пока ему не исполнился год, пока ты не стал иногда укладывать его сам, ты не понимал, насколько невозможным это порой кажется.

— Успокойся, — говорил ты, когда он был совсем маленьким, еще даже не ходил, — все наладится.

Я не могла расслабиться. Я не могла успокоиться. Я видела, к чему приводят ночные кошмары.

В тот вечер я пролежала, свернувшись калачиком, на полу у кроватки сына больше часа. Я снова и снова думала о нашем будущем, о своем плане, о том, как добраться до коттеджа, о том, что мы будем есть, и о том, как сестра примет мою исповедь. Я крутила в уме все подробности и нашла только одну непреодолимую проблему: я не могла взять с собой сына.

Вот в чем было дело.

Я позвонила твоей маме и тонко намекнула, что она, возможно, хотела бы, чтобы ее любимый внук — потому что она никогда не отличалась тонкостью в этом вопросе — присоединился к ее семейной встрече в тесном кругу. Я знаю, что она позвонила тебе на следующий день и сама предложила его привезти. Я притворилась, что удивлена, и неохотно согласилась.

Это была ложь на пустом месте — как и мои задания в детстве, — а когда начинаешь что-то подобное, остановиться трудно. И чем дальше, тем труднее. Но у меня были веские причины. Мне нужно было поехать в коттедж. Мне нужно было признаться.

Я должна была сказать сестре, что я во всем виновата.

Глава 8

Я надеялась рассказать обеим сразу. Я постоянно проверяла телефон, думая, что Эмбер рано или поздно выйдет на связь, но ничего не было: ни сообщений, ни звонков. Я решила действовать по плану, несмотря ни на что; я знала, что поговорить с сестрой наедине будет проще. Тогда я еще не понимала, насколько это будет проще.

Через несколько недель я поехала в коттедж. На первом же перекрестке пришлось включить дворники на полную мощность. Я пыталась разглядеть что-то в серой мути дороги и неба за стеклом, сквозь свет фар, дробящийся в каплях воды. Я нервничала из-за ударов дождя по металлической крыше и из-за темноты на дороге. Я ничего не узнавала: ни перекрестков, ни поворотов, ни заправок. В детстве я явно не обращала на них внимания. Я тогда высматривала номерные знаки, начинающиеся на первую букву моего имени, и машины невероятных цветов, и грузовики с плюшевыми мишками на радиаторах. Я не ездила по этому маршруту уже двадцать лет и никогда не ездила тут за рулем.

Несколько раз я чуть не повернула назад. Я представляла, как проведу выходные дома. Тогда мне не пришлось бы врать тебе и я могла бы оставаться той откровенной — пусть часто сдержанной и всегда виноватой — версией себя, которую ты знал семь лет. Я могла остаться той, кто тебе нравилась.

Я представляла себя с рюмочкой хереса, перед камином, за просмотром праздничного фильма, бунтарски выбирающую хлопья на ужин. Я представляла себе горячую ванну с пеной. Меня никто и ничто не прервало бы: ни дети за дверью, ни несделанные домашние дела.

Но тут у меня что-то сжалось внизу живота. Думаю, с тобой такое постоянно случается, и ты просто не обращаешь внимания, но я обдумываю каждый такой спазм. В первые недели беременности они становились все сильнее и сильнее, что, несомненно, говорило, что с нашим сыном что-то не так. Акушерка сказала мне, что спазмы не повод для беспокойства, что просто мышцы растягиваются. Теперь я считаю их — потому что они случаются часто, не реже раза в неделю — и сопоставляю с неубиваемой надеждой на то, что изнутри меня растягивает еще один ребенок.

Спазм был ерундовый, на признак беременно-

сти совсем не тянул, но для меня он стал сигналом двигаться дальше. Я прибавила скорости. Я решилась. Пришла к выводу, что в этом есть смысл — уехать из своего города в самую холодную и дождливую неделю в году и провести это время с людьми, которые уже много лет не были для меня семьей.

Наконец я увидела что-то знакомое: вокзальные часы на кирпичной стене магазина на знакомом углу. Когда-то здесь была кондитерская лавка мистера Симмса, на деревянных полках стояли высокие стеклянные банки с яркими конфетами, и эти конфеты щедро сыпали в полосатые бумажные пакеты. Одно из моих любимых мест в детстве.

Теперь оно было заброшено: полосатая маркиза снята, краска облупилась, наклейки с окон отклеились, оставив грязные следы. Вместо старой деревянной вывески висела новая, неоновая, с буквами «Мир гаджетов».

Я проехала через городок, поднялась на холм и двинулась к обрыву. Уже темнело и становилось холоднее. Я доехала до знакомого поворота с крутым спуском справа и низко свисающими ветвями слева. Я помню, как тетя пролетала этот поворот на большой скорости, как мы вчетвером

кричали, сжавшись на заднем сиденье, обнимались и смеялись от страха и как становилось легко, когда мы снова выходили на прямой участок дороги.

Я ехала медленно.

Вдали показался коттедж. Он стоял чуть в стороне от дороги, прямо перед тропинкой, ведущей к пляжу. На крыльце горела теплая лампа, а в окне виднелась елка — не наряженная, но большая, освещенная оранжево-красным светом камина. На двери висел венок. На общей подъездной дорожке стояли две машины, а за кружевными занавесками мелькали силуэты.

Звучит идиллически, правда?

Наивная мысль.

Оказалось, что я смотрела на один из соседних домиков. Темный коттедж с закрытыми ставнями был не виден издали. Я припарковалась на краю подъездной дорожки, вылезла из машины, и сильный порыв ветра чуть не сбил меня с ног. Я побежала к коттеджу и постучала в закрытое окно, а потом во входную дверь. Я пробралась через завесу плюща и оказалась в саду. Присела рядом с цветочными горшками и подняла самый большой из них. Я покопалась в грязи, но ключа там не было или я его не нашла.

Хотя безумно было бы ждать, что он спрятан на прежнем месте и ждет меня. Мне захотелось ударить кулаком по кирпичной стене. Я вздохнула и вернулась к машине. Теперь я ехала быстрее, вспомнив изгибы и повороты дороги.

Я доехала до агентства по аренде недвижимости.

Внутри было темно, только одна люминесцентная лампа мерцала над столом. Из маленького радио доносился тихий гул гимнов. Никого не было, стулья стояли в беспорядке, экраны компьютеров потемнели.

— Неужели это…

Я посмотрела направо: у стеллажей стоял мужчина с зеленой папкой в руках.

— …одна из легендарных рыженьких сестер.

Волосы были такими же светлыми, брови такими же густыми, как в юности. Он остался таким же худым и улыбался той же кривой улыбкой. Мне стыдно в этом признаваться, но я снова почувствовала себя глупой, неуверенной в себе одиннадцатилетней девочкой.

— Чарли.

— Джесс. Не думал, что увижу тебя снова.

— Я тоже.

Ветер проникал в щели в двери, забирался под

одежду. Я задрожала. Я не ожидала его увидеть и не хотела, чтобы он меня увидел. Я тихо покачала головой и снова посмотрела на него. Мы не встречались двадцать лет, и мои последние воспоминания об этом человеке — тогда еще мальчике — были не самые приятные. Я вздохнула, отбросила прошлое и сосредоточилась на самом главном.

— Надеюсь, у тебя есть ключ. От коттеджа.

— От вашего коттеджа?

Он нахмурился.

— Пожалуйста.

— Хорошо. — Он пожал плечами и сунул руки в карманы. — Только покажи мне какой-нибудь документ.

Я залезла в сумочку за бумажником, но он тут же рассмеялся.

— Шучу. Я же тебя знаю. Мне просто нужно…

Он исчез в задней комнате, громко напевая — совершенно не в такт звучавшей музыке, — и через несколько секунд вернулся. Не знаю, могла ли я догадаться, что мы в конторе не одни. Думаю, нет. Я не слышала, чтобы он разговаривал с кем-то еще. Я не видела двух пар обуви у двери или двух кружек у раковины. Ничего очевидного. Я просто увидела пустые стулья и предположила,

что мы одни.

— Он забронирован на Хазард. Но…

Он кивнул в сторону бриллианта в золотом ободке на моей левой руке.

— Я так понимаю, это больше не твоя фамилия.

— Один раз Хазард — всегда Хазард. — Я пожала плечами.

В конце концов я открыла дверь коттеджа. Там было холоднее, чем на улице, а воздух казался ужасно сухим и неподвижным. Я включила свет и вздохнула с облегчением; я почувствовала себя дома. Впрочем, дом был меньше и изношеннее, чем в моей памяти.

Пол прихожей закрывал истертый красный коврик. В чулане под лестницей громоздились ведерки, лопатки, горелка для жарки сосисок на пляже, лежали ветровки. Кто пользовался этими вещами, кто входил в коттедж с этим ключом все эти годы? Семьи на каникулах, радующиеся дешевому отдыху на пляже и не обращающие внимания на дряхлый нижний этаж — или очарованные им.

Лунный свет заливал лестничную площадку наверху. Металлические перила, приваренные к деревянным, и хромированные поверхно-

сти тускло блестели. Я быстро отвернулась. Мне не хотелось видеть отремонтированные спальни, люстры на потолке, плиточные полы и застекленные стены с видом на море. Я видела фотографии, но никогда не видела этот ремонт своими глазами. Раньше мне нравилось: уютно, по-домашнему, комфортно.

Я бродила по коридору, воскрешая свои воспоминания: лучшее место на диване для просмотра фильмов, мой стул с двумя сломанными ножками. Кажется, кто-то перекрасил стены и даже переставил мебель, но все осталось по-прежнему: сине-белые жалюзи над окном, деревянный обеденный стол со сложенной газетой под ножкой, потертый коврик, закрывающий терракотовую плитку перед печью. Я открыла шкаф, чтобы включить бойлер, и выглянула в зимний сад: стекло в темноте казалось невидимым. Вернулась в гостиную, открыла окна, распахнула ставни. Стянула с дивана одеяло и присела на корточки перед камином. Я никогда раньше не разжигала его — только смотрела, как мама создавала тепло и свет из обрывков газеты. Когда занялся огонек, я ощутила восторг и прилив сил.

Я собиралась очистить свою совесть и проложить путь для нашей дочери. Я собиралась снова

стать матерью. Я собиралась сделать тебя отцом.

Я услышала приближающуюся машину и подошла к окну.

Увидела, как она припарковалась снаружи, прямо рядом с моей.

Какая-то женщина — наверное, моя сестра — обошла машину, открыла багажник и надела пальто. Я вышла в прихожую, чтобы открыть дверь, натянула на лицо улыбку и, когда она подошла ко мне, сказала:

— Наконец-то!

И замерла.

Потому что это была вовсе не моя сестра.

Глава 9

Она остановилась в дверях. С крыши веранды за ее спиной капал дождь. Веснушки у нее исчезли, рыжие волосы, искусно заплетенные в свободную косу «рыбий хвост», сильно отросли. На ней были свободные джинсы, кроссовки и обтягивающий темно-синий свитер под расстегнутым пальто. Она сильно похудела, ключицы у нее торчали.

— Эмбер.

Я застыла, очень остро вдруг почувствовав, что на мне толстый свободный шерстяной свитер, пузырящийся на талии, и что волосы безжизненно свисают до плеч. Я сглотнула.

— Джесс! — Она обняла меня. — Сколько мы не виделись, лет десять?

— Почти, — отстранилась я, чтобы посмотреть на нее еще раз.

— Ты давно здесь? — спросила она.

Эмбер стянула кроссовки и отбросила их в сторону. Взглянула на лестницу и на ярко освещенную площадку второго этажа и вздрогнула. Она пыталась убедить мать выбрать что-то более традиционное, перестроить второй этаж в том же

стиле, что и оригинальное здание. Она утверждала, что это принесет доход, потому что туристы любят традиции.

— Я тебя не ждала.

— Я знаю. Прости. Надо было позвонить, наверное. Я была уверена, что дежурю сегодня. Но кажется, неправильно прочитала.

— Ты…

— Я подумала, что если я не нужна в больнице, то могу приехать.

Невежливо было приезжать без предупреждения, не отправив хотя бы сообщение. И странно было, насколько непринужденно она держится после девяти лет разлуки. Но я невольно расслабилась, потому что ее беззаботность успокоила и меня.

— Есть что-нибудь поесть? — спросила она. — Опять макароны с сыром?

Я не удержалась от смеха.

Мы выросли вместе. Мы знали друг друга очень хорошо, по-настоящему, так, как это бывает только в одной семье. Как у тебя с братьями. И — сейчас это кажется ироничным — мне стало легко и спокойно.

Она повесила пальто на вешалку.

— Так что насчет поесть? — снова спросила

она.

— В кухне стоит корзинка.

— С вином?

— Я не проверяла.

Она подняла бровь и улыбнулась.

* * *

Я снова встретила свою кузину на турнире по нетболу. Разумеется, ее команда выиграла. Мы обменялись телефонами, пообедали вместе, а потом к нам присоединилась моя сестра. Мы дружили — недолго. Последний раз мы виделись девять лет назад в подвальном баре на юге города, где вместе с десятками других людей встречали Новый год. Тогда я была другим человеком, все еще носила короткие юбки и высокие каблуки и постоянно была пьяна. Я помню, что она была очаровательна: красива без всяких усилий, остроумна и способна мгновенно завершить разговор.

В тот вечер мы поссорились. Нас связывала трагедия, дыра в том месте, где когда-то было что-то чистое, и это оказалось так себе основой для взрослой дружбы. Все началось с ерунды, как это часто бывает со ссорами. Я говорила ей, что у меня не так много денег, и я знаю, что она ответила что-то вроде «Я тебе одолжу», или «Все мое

— твое», или «Угощайся». Я взяла из ее кошелька двадцать фунтов, чтобы заплатить за текилу.

Я первой выскочила из такси, когда через несколько часов мы вернулись к ее квартире. Я пошла к входной двери, полагая, что она заплатит водителю. Но, когда она достала кошелек, он оказался пуст.

Мы ссорились на улице, как лисы, которые дерутся у мусорных баков и визжат в ночи. Мы отправили водителя к банкомату, молча усевшись на заднее сиденье. Мы вернулись в квартиру, она бросила подушку и одеяло на пол в гостиной и ушла в спальню.

Думаю, мы бы помирились за день или два, если бы на этом все закончилось.

Но я злилась, потому что это она предложила заплатить. А она была в ярости, потому что полагала, что рыться в кошельке — это недопустимое нарушение границ. Но это не было настоящей ссорой. Я был груба и не умела обращаться с деньгами. Я никогда не притворялась, что это не так. Думаю, она не ожидала от меня ничего другого.

Я вела себя глупо. На следующее утро я делала себе кофе и специально вскипятила только одну чашку воды. Я сидела у кухонной стойки, когда она вошла, заметила пустую кофеварку, подняла

бровь и покачала головой.

— Помнишь то лето? — спросила я.

Я хотела поговорить об этом уже несколько месяцев, а может, и лет.

— Мм?..

— Ну… Я просто… я…

Я знала, что хочу сказать, но никак не могла упаковать такое важное событие в несколько простых слов. Я попробовала еще раз.

— В общем. Я хочу поговорить с тобой о том, что произошло тем летом.

Она вскинула на меня взгляд.

— Я хочу обсудить это.

— Не о чем разговаривать.

Я смотрела, как она поставила полный чайник обратно на подставку и вытащила кружку из шкафа. Надо было на этом закончить.

— Я хочу, чтобы ты знала, что…

— Перестань. Не хочу об этом говорить.

— Да ладно, — сказала я, — мы не можем просто… Я чувствую, что…

— Дело не в том, что ты чувствуешь, — перебила она, — ты говоришь о моей сестре, а я не хочу о ней разговаривать.

Она отвернулась и принялась делать кофе.

Я внезапно заплакала.

— Эмбер, пожалуйста…

Я плакала не так, как женщины в фильмах, где сверкающая слезинка нежно скатывается по гладкой щеке. Это были уродливые, хриплые рыдания, я тяжело дышала и давилась соплями.

Она посмотрела на меня с отвращением.

— Я знаю.

Меня мучило ужасное похмелье.

— Я чувствую, что… нет, прости, не чувствую, нет… я знаю, что есть вещи, которые нужно сказать, и…

Она стояла напротив меня, нахмурившись и скрестив руки на груди. И вдруг нависла надо мной и отчеканила — из ее рта летела слюна.

— Дело не в тебе.

— Эмбер! — взмолилась я.

— Ты эгоистка. Заткнись. Хватит устраивать сцены. Я не хочу об этом говорить.

— Эмбер…

Она выбежала из кухни. Через несколько минут в душе полилась вода.

Я была в шоке — и в то же время не была. Я уже видела, как она выходит из себя.

Я вздохнула. Это я вытащила деньги у нее из кошелька, чтобы подтолкнуть ее к разговору, который оказался для нее слишком болезнен-

ным. Позже я извинилась, даже несколько раз. Правда, всегда в СМС. Наверное, это выглядело неискренне.

Я ожидала, что она будет дуться несколько недель.

Но мы больше не виделись.

В тот день я пошла в спортзал: плавать, заниматься с гантелями и даже кататься на велосипеде. Я записалась на курсы, наняла тренеров и занималась еще несколько месяцев, когда многие другие вернулись к вину и шоколаду и решили отложить свои планы до весны.

Я подумала, что десять лет спустя мы стали другими людьми. Я могла бы подредактировать свою исповедь, сказать ей правду мягко и уважительно. Мы переместились в кухню.

Она заглянула в плетеную корзину, стоявшую на столешнице, сняла с нее пленку. Я увидела коробку крекеров, буханку хлеба, пакет арахиса и банку чатни, сложенные внутри. Я почувствовала, как у меня скрутило живот, и открыла холодильник: апельсиновый сок, молоко, несколько маленьких кружков сыра и три бутылки вина.

— Маловато. — Она стояла у меня за спиной.

— Я мало пью сейчас. Только по особым случаям.

— Но сейчас особый случай. — Она наклонилась и достала бутылку. — Особый же?

— Я рада, что ты приехала. Ты не ответила, и я подумала…

— Черт, — сказала Эмбер.

Она взяла бутылку за горлышко и чуть не уронила ее. Она зацепилась носком за зазубренный краешек плитки на полу. По плитке тянулась тонкая трещина.

— Я уверена, что этот дом нас ненавидит.

Я не смогла отмахнуться от первой же мысли.

«Это тебя он ненавидит».

Глава 10

Я встала на цыпочки, чтобы достать бокалы с верхней полки, и подумала о том, что раньше нам не разрешали так делать и мы должны были просить бокалы… и тут в дверь громко и яростно постучали. Я вздрогнула, бокалы выпали у меня из рук и осколками разлетелись по плитке.

— Что за?.. — вскрикнула Эмбер. — Что это было?

Осколки у нее под ногами сверкали в свете лампы.

Я представила четырех маленьких девочек, резвящихся в сверкающих волнах под лучами солнца.

— Джесс, ты…

— Лидия. Это наверняка она.

Я выбежала из кухни. Сквозь окно виднелась темная фигура: женщина колотила по доскам и рыдала.

Я распахнула дверь.

Лидия рухнула на четвереньки на ковер на полу.

Прошло десять лет, но со спины она выглядела

по-прежнему: густые жесткие рыжие волосы, ортопедические кроссовки на платформе, грубый шерстяной кардиган. Только когда она встала, стали заметны следы прожитых лет. Острые скулы и тонкие ключицы пропали, живот выпирал под бесформенной футболкой. Она казалась очень грустной. Глаза помутнели и стали темно-синими вместо голубых, под ними темнела размазанная тушь.

— Что случилось? — спросила я.

— Я просто…

Она замолчала, встала и посмотрела на меня, прищурившись.

— Лидия?

Интересно, что она увидела? Темно-синие джинсы, кремовый шерстяной джемпер, толстые зимние сапоги. Я дважды обмотала вокруг шеи темно-синий шарф, как делала в нашем детстве мама. В ушах у меня были жемчужины — настоящие, которые ты подарил. Наверное, она заметила и мой обвисший живот, и усталые морщинки в уголках глаз.

— Лидия, что случилось?

— Я ехала, мне оставалась всего пара минут, и тут руль резко дернулся вправо, и в лобовое стекло полетели камни, и машину унесло в кювет. Я

чуть не разбила голову о приборную панель. А потом стало так темно и так…

Она замолчала, захрипела и опустилась на пол.

— Лидия? — окликнула ее Эмбер. — Лидия?

Лидия с трудом поднялась на ноги.

— Что ты… — начала она. — Почему ты…

Она разгладила футболку обеими руками и поправила волосы. Эмбер подошла к ней и сжала ее плечо.

— С тобой все нормально?

— Ты здесь, — сказала Лидия. — Ты… Я… Я не знала. Я не думала…

Она посмотрела на меня и добавила:

— Я думала, что мы будем вдвоем.

— Я тоже, — ответила я.

— Прости, — сказала Эмбер, — это было спонтанное решение. Я не могла позволить вам развлекаться без меня!

Лидия натянула на лицо улыбку.

— Прости, я просто… Не могу поверить, что оставила машину в кювете. — Она рассмеялась. — Господи, этот дом.

Эмбер обняла мою сестру за плечи и провела ее в гостиную, коротко оглянувшись на меня и поморщившись.

— Вина? — предложила она.

— Да, пожалуйста, — сказала Лидия.

Я заперла входную дверь и вернулась на кухню. Эмбер смела стекло в сторону. Я прислонилась к столу и попыталась успокоиться.

В последнее время я стала другой. Я теперь могу говорить о своих чувствах и мыслях. Несколько раз говорила с твоей мамой о ее будущем, разговоры были долгие и жестокие; я сильно волновалась, но держалась смело и спокойно. Я слушала, как она говорила о том, что смерть разорвет узы, которыми она десятилетиями привязывала своих сыновей к себе, и что это мучает ее, но не пугает, потому что не останется ничего недосказанного. Я не боюсь чувств нашего сына. Я постоянно направляю его, помогаю ему справиться с детскими приступами гнева, страхом разлуки, яростью, когда он не может выразить то, что хочет. Однажды я слышала, как твои братья смеялись надо мной. Я знаю, что они считают меня дурой. Я только хочу, чтобы наш сын знал, что его чувства нормальны, что куда бы они его ни завели — через страх, стыд или гнев, — я приму его.

В моем детстве такого не было. Никто не говорил мне, что нормально испытывать шок,

что горе — естественная реакция на утрату, что тревога вполне понятна. Никто не поддерживал меня, когда мне было плохо.

Я положила три куска сыра, три тарелки и три маленьких ножа на большой поднос и понесла его в гостиную.

— Я просто не думала, что ты захочешь вернуться сюда, — послышался голос Эмбер. — Я просто удивилась.

Я остановилась у закрытой двери.

— Я хотела увидеть свою сестру, — сказала Лидия. — Я… я хотела поговорить с ней.

— Я понимаю, — сказала Эмбер, — правда.

Я попыталась — безуспешно — зацепить дверную ручку локтем.

Эмбер услышала меня и открыла дверь.

— Ой, — удивилась она, — ты…

Я покачала головой.

— Просто…

Она обошла меня, убежала по коридору и через несколько секунд вернулась с бутылкой белого вина. Она разлила его по трем большим бокалам, почти до краев. Я заметила, что она наклонилась к самому полному бокалу и втянула немного вина в себя. Я не пила столько за один раз уже много лет, с тех пор как забеременела. В лучшие време-

на такого бокала не хватило бы даже на полчаса. В последние месяцы я была осторожна. Я хотела хорошо себя чувствовать, быть гостеприимным домом для новой жизни. Но теперь я решила, что никакой жизни все равно еще нет.

Лидия отошла от кресла, на которое опиралась, и подошла к тарелке.

— Воссоединение семьи, — улыбнулась она, разрезала кружочек мягкого сыра и неловко сгребла кусок на край своей тарелки.

— Мы давно не виделись, — продолжила она, — у нас были… проблемы, скажем так. Я просто хотела, чтобы ты знала…

Я знала, что она имела в виду нашу последнюю встречу, когда мы втроем сидели на ковре, одетые в юбки с пайетками, с огромными серьгами в ушах и полными бокалами в руках, смеялись и выбирали шпильки на вечер. Я знала, что она думает о ссоре, которая разразилась вскоре после этого, и о том, что она-то вела себя вежливо, а черту перешла я.

— Прошлое осталось в прошлом. — Эмбер отмахнулась от невысказанных слов, а затем, как будто мы не виделись несколько месяцев, а не десять лет, сказала: — Давайте просто получать удовольствие. Восстановим отношения. Ты все

еще работаешь на того мужчину? Высокого. Бородатого. Толстого.

— Он любит поесть, — согласилась Лидия. — И да, я все еще его секретарша, хотя теперь это называется исполнительным помощником.

— Повышение? — спросила Эмбер. — Поздравляю.

— Должность новая, а работа та же.

Лидия устроилась на диване, чувствуя себя более непринужденно, чем раньше.

— А ты? — спросила Эмбер. — Все еще в кухнях?

До родов я работала в компании, занимающейся дизайном дорогой кухонной посуды. После отпуска я не вернулась на работу.

Я покачала головой:

— Теперь я сама делаю посуду. У меня есть мастерская — ну, скорее, сарай. Он стоит в углу сада, но мне его хватает.

— А это? — Эмбер кивнула на мой указательный палец. — Раньше этого не было.

— Ты замужем? — спросила Лидия.

Я видела, как она приоткрыла рот, а потом поджала губы. Видела, как она стиснула опущенные кулаки. Я ждала, что она что-то скажет, спросит, почему ее не пригласили, почему я хотя бы не

позвонила, но она промолчала.

— Да, — сказала я через несколько секунд. — Уже почти пять лет.

— Ты не… никогда…

Она замолчала и нахмурилась.

— Свадьба была совсем маленькой, — автоматически соврала я, вспомнив двести гостей, которые собрались в саду твоих родителей, пили шампанское и закусывали канапе, восхищались моей красотой и цветущим садом. Я могла бы ответить честно — и, возможно, должна была, — но я защищала ее чувства всегда, пока мы были сестрами. Я не умею бороться с этим инстинктом. — Всего несколько моих друзей пришло.

Это, по крайней мере, было правдой.

— Кто он? — спросила Эмбер.

— Мой муж? Адвокат. У него четыре брата. Он из довольно обеспеченной семьи. Его отец охотится.

Я закатила глаза. Я бы хотела, чтобы твой отец этого не делал, но я давно проиграла эту битву.

Эмбер присвистнула, впечатленная, и сказала:

— Ого, шикарно.

— Кто бы говорил. Ведущий гериатр?

Она ухмыльнулась:

— Я бы не доверяла тому, что можно найти в

Интернете. За определенную плату можно заставить кого угодно написать что угодно. Кстати говоря… — Она потерла большим пальцем об указательный, будто разделяя банкноты, — по-моему, тебе повезло кое в чем. — Она негромко пропела: — Now I ain't saying she a…[1]

— Эй! — рассмеялась я.

Все стремительно становилось как прежде, как будто вернулись старые дни. Мы вспомнили, кем были раньше.

— Я не понимаю, — сказала Лидия, — я не знаю эту песню.

— Не важно, — ответила Эмбер.

Она наклонилась, отрезала несколько аккуратных кусочков сыра и положила их на тарелку моей сестры.

— Итак, — сказала она, — что еще? Что нового?

— У меня есть сын, — ответила я.

— Правда? — спросила Лидия. — И давно? Сколько ему?

— Почти три. Его зовут Оскар.

— Я и не знала, — сказала Лидия.

— Он чудесный. Сейчас он обожает грузовики. Пожарные машины, экскаваторы и все такое.

---

[1] Notes: 1

Строчка из песни Канье Уэста: «Now, I ain't sayin' she a gold digger» — «Не стану говорить, что ей нужны только деньги».

— А как насчет тебя? — Лидия повернулась к Эмбер. — Дети? Партнер?

— Ну уж нет, — рассмеялась Эмбер. — Не обижайтесь только, но я не могу представить ничего ужаснее. Я бегаю. Я работаю. У меня есть несколько хороших друзей. Мне больше ничего не нужно.

Лидия пожала плечами.

— А ты? — спросила Эмбер.

Лидия покачала головой, посмотрела на тарелку, на аккуратные ломтики сыра и нахмурилась.

— Мне нужно переставить машину, не уверена, что она в безопасности.

— Я открою еще бутылку, когда ты вернешься, — сказала Эмбер.

Она придержала дверь, дожидаясь, пока сестра выйдет в коридор. Лидия осталась сидеть в кресле, поджав ноги.

— Хочешь, я переставлю? — предложила Эмбер.

— Да, пожалуйста. Спасибо.

— А ты пойдешь? — спросила Эмбер у меня.

— На улице так холодно…

— Здесь ненамного теплее, — возразила Эмбер. — Отопление включено?

— Я пока открою вино, ладно? — сказала Ли-

дия.

Я видела, что ей очень хочется, чтобы я пошла. Глаза ее были широко раскрыты, а между бровями виднелась глубокая морщина. Я посмотрела на нее. Мне не очень хотелось выходить на ветер. Я не думала, что для этого нужно два человека. Я не понимала, почему моя сестра не может сделать это сама. Я не могла понять, как она доехала из города в таком состоянии, — но ведь она и не доехала, правда?

Глава 11

На улице стояла грязная темнота, как будто черную краску небрежно размазали по холсту. Было шумно: выл ветер, деревья скрипели, раскачиваясь взад-вперед. Не та погода, чтобы идти полмили против ветра после большого бокала вина.

Эмбер шла посреди дороги и водила телефоном перед собой. Свет экрана отражался от камешков и выбоин. Я изо всех сил пыталась догнать ее.

— Уверена, она оставила машину в небезопасном месте, — сказала Эмбер. — Я за нее волнуюсь, между прочим.

Вдали что-то вспыхнуло — свет отразился от бокового зеркала. Машина села носом в заросшую травой канаву, но задняя часть все еще стояла на дороге.

— Надо найти вещи, — сказала Эмбер. — Посмотрю в багажнике.

Я нашла большую кожаную сумку под сиденьем. Эмбер вытащила что-то из багажника и бросила на асфальт.

— Давай отгоним ее с дороги.

Она обошла меня, вывернула руль вправо и вернулась к багажнику. Уперлась в него руками и надавила, но машина не сдвинулась с места.

— Помоги.

Мы толкали машину, пока колеса не начали вращаться и машина не скользнула дальше в траву.

— Ну и хватит. — Она отряхнула руки.

Я оглянулась на два коттеджа, которые стояли совсем рядом. Один был ярко освещен, а в другом жутковато светилось только одно окно. Я взяла чемодан и двинулась к коттеджу, держа в другой руке куртку. Колесики чемодана разбрасывали камни в разные стороны.

— Мне все это не нравится, — догнала меня Эмбер. — Я не думала, что машина всю дорогу загородила. Представляешь, если бы кто-то проехал, зацепил бампер и вылетел с дороги?

На втором этаже другого коттеджа замигал свет. Мы инстинктивно остановились. К окну подошла тень. Когда человек дотронулся до подоконника, свет снова погас.

— Ты это видела? — спросила Эмбер.

— Думаешь, это та же женщина, которая жила здесь раньше?

— Наверное.

Марианна Абшир.

Трудно решить, с чего начать ее историю.

Можно начать с ее сорока, когда она пережила невероятную трагедию и выжила. Можно с пятидесяти, когда мы с ней познакомились. Я до сих пор помню ее синюю куртку, зеленые резиновые сапоги, темно-синюю юбку. Я помню, как она в панике бежала ко мне, размахивая руками и крича, щурясь от солнечного света. Я стояла на краю утеса, глядя на море и на лодочки на горизонте. Помню, меня рассмешило, что взрослый может так нервничать.

Увидев, что я смеюсь, она замедлила шаг. Потом остановилась, вздохнула. Медленно подошла ко мне, обхватила мое лицо холодными ладонями и прижалась лбом к моему лбу.

— Ты чудесная девочка. И у тебя впереди чудесная жизнь.

Я неловко улыбнулась, а затем отвернулась от нее и побежала к маме, которая искала на кустах раннюю ежевику.

Или я могла бы рассказать тебе о том, кем она стала: как она спасла нас, спасла меня. Я могла бы это сделать — и сделаю, — но сначала хочу отметить одну вещь, которая кажется мне невероятно несправедливой. Дело в том, что ты никогда не

знаешь правду о человеке, пока не происходит что-то ужасное. Только тогда ты понимаешь, сможет ли он поддержать тебя, простить и по-прежнему смотреть тебе в глаза. Я неоднократно узнавала, что она верит в меня. Это было неожиданно.

Я просила тебя поверить мне только один раз, но этого не случилось.

* * *

Когда мы вернулись, Лидия сидела в кресле, укрыв ноги пледом.

— Кажется, там холодно, — сказала она, кивая в сторону бутылки на столе.

— Мы оставили машину в канаве, — сказала Эмбер, — не смогли вытолкать.

— Спасибо. Завтра кому-нибудь позвоню.

Кажется, мы еще час или два болтали о жизни, выпив, наверное, еще две бутылки. Я чувствовала, как алкоголь затуманивает мысли. Я прочистила горло, встала, отнесла корки от сыра в кухню и вылила остатки вина в раковину.

Вернувшись в гостиную, я увидела три чемодана у подножия лестницы. Там был мой черный чемодан — твой, любовь моя, купленный для командировок и поездок на выходные. Малень-

кий новенький чемоданчик из коричневой кожи, с колесиками — Эмбер. И потрепанный фиолетовый чемодан, который мы вытащили из машины.

Я остановилась в дверях.

— Наверное, надо… — Я кивнула в сторону наших чемоданов. — Вы…

Эмбер посмотрела на меня и покачала головой. Лидия казалась растерянной.

— Какие комнаты вы выберете?

Я знала, что здесь по-прежнему три спальни и что они находятся примерно в тех же местах. Я несколько раз изучала план дома в Интернете. Я знала, что рядом с бывшей спальней дедушки и бабушки появилась новая ванная комната, а над нами, как и раньше, была комната с двумя двухъярусными кроватями.

— Мне все равно, — хрипло и тихо сказала Эмбер.

— А мне нет! — громко ответила Лидия. — Я возьму комнату над кухней.

Там спали наши матери, когда еще были живы дедушка и бабушка. Вторая спальня.

— Могу я… — начала Эмбер.

— Все в порядке, — отмахнулась я, — буду спать там.

Я представила себе кукольный домик, который когда-то стоял у камина, наклейки на спинках кроватей и карандашные отметки на двери, отмечавшие почти десятилетие роста. Я знала, что комната изменилась, что ее красили, штукатурили, ремонтировали, — и впервые я понадеялась, что реставрация была радикальной.

— Хорошо, — сказала Эмбер, — спасибо.

— Отнесу вещи наверх. — Я закрыла дверь в гостиную и поднялась по лестнице.

Комната была немного меньше, чем раньше, но камин и кровати остались на прежних местах, — хотя кровати были металлическими, а не деревянными. Я распахнула чемодан. Надо бы распаковать вещи, но комод из угла убрали, оставив только большой шкаф.

Я спустилась вниз.

Эмбер сидела на корточках рядом с креслом Лидии, заговорщицки наклонившись к ней.

— Расскажи мне, — говорила она, — давай это обсудим.

Они посмотрели на меня.

— Отнести ваши вещи?

— Не волнуйся, я попозже сама отнесу, — сказала Эмбер.

— А мой чемодан тут или в машине остался? —

спросила Лидия.

— Мы его принесли.

— А вы его открывали?

— Нет, — ответила я, садясь на диван и накрывая ноги пледом. — Конечно нет.

Я чувствовала тепло от камина и ветерок, проникающий через оконные рамы.

— Ты думала, что будешь работать в эти выходные?

Эмбер поднялась и села во второе кресло. Лидия обмякла в своем.

— Что-то типа того, — ответила Эмбер. — У меня двое подчиненных, и ты не представляешь, насколько они ни на что не способны. Я предпочитаю не оставлять их одних в отделении, но я не отвечаю за расписание дежурств.

— А тебе нравится твоя работа? — спросила Лидия.

— Да. Я считаю, что делаю важное дело.

— А я просто заполняю формы и отвечаю на звонки.

— Это тоже важно, — возразила Эмбер.

Понимаешь, о чем я?

Она была такой нежной, такой терпеливой. Такой доброй. Она выслушивала все жалобы моей сестры, успокаивала ее, запаковывала все

проблемы в красивую обертку с бантиком, так что они уже не казались ужасными.

— Ты все еще плаваешь? — спросила она меня.

Мы — все трое — были заядлыми пловчихами в детстве. Любили ходить в местный бассейн. Обожали море: скакали в волнах, которые то выталкивали нас на берег, то увлекали вглубь. Позже я плавала по шестьдесят четыре дистанции бассейна за раз — милю — пять или шесть раз в неделю. Когда мы только начали встречаться, я сократила количество тренировок до трех-четырех раз в неделю, потому что мы валялись в постели, пили кофе, читали, болтали, а потом, когда родился наш сын, я перестала плавать совсем.

Я покачала головой.

— Лидия? — спросила Эмбер.

— Иногда, но всегда по дорожке для медленных.

Эмбер рассмеялась.

— Правда? — удивилась я. — Ты снова плаваешь?

Лидия кивнула и улыбнулась.

— По дорожке для медленных, — тоже улыбнулась Эмбер, — неудивительно.

— А ты только по дорожке для быстрых, — уточ-

нила я.

— Разумеется.

— И ты, конечно, очень злишься, когда появляется кто-то, кто плавает медленнее тебя. Ты уверена, что в бассейне есть минимальная скорость.

Эмбер расхохоталась и поперхнулась вином.

— А что, нет?

— Нет! — Лидия наклонилась к нам. — Это как на трассе. Нужен баланс. Нужно задействовать все полосы, чтобы ни одна из них не оказалась перегружена.

— Ну да. — Я тоже рассмеялась. — Но трасса устроена не так.

— Как это не так? — почти взвизгнула Лидия.

— Не так, — пояснила Эмбер. — Ты всегда должна выбирать более медленную полосу — или дорожку. Но если тебе приходится регулярно обгонять других, разрешается перейти на более быструю.

— Разрешается. — Лидия закатила глаза.

Когда разговор начал затихать — когда была допита последняя бутылка вина и огонь в камине почти потух, — все пошло наперекосяк.

— Ладно, — сказала Эмбер. — Давайте поиграем в «Я хочу». Лидия, начинай.

Мы играли в эту игру в детстве. Сидели в кругу и говорили, чего хотим, как можно быстрее. Мы кричали, пока кто-то не сбивался, что означало, что все, о чем мы говорили, останется недостижимым. Мы переходили от плюшевых мишек и тамагочи к футболкам с пузырчатой надписью «крошка с характером» на груди. Заканчивали мы черной тушью для глаз, которая позволила бы быть похожими на старших девочек и кокетливо улыбаться мальчикам в автобусе.

Лидия сморщила нос.

— Наверное, я бы хотела… чувствовать себя в полной безопасности.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я.

— Я хочу… — Она помолчала. — Ты знаешь это ощущение, как будто во всем есть смысл? Вот его я хочу.

Эмбер водила пальцем по краю бокала, и тот отзывался гудением.

— Я бы хотела уже быть в пижаме, — сказала я.

— А я хочу еще бокал вина, — подхватила Эмбер.

Мы с нетерпением повернулись к сестре.

— Как-то не очень искренне, — заметила она.

— Ну да. Я бы хотела…

— Не твоя очередь, — прервала меня Эмбер.

— Я хочу замуж, — сказала Лидия.

— У тебя кто-то есть? — спросила Эмбер.

— Может быть. — Лидия пожала плечами.

— Так нельзя, — возразила Эмбер. — Кто он?

— Это отношения на расстоянии. Ничего у нас не получится. Я не хочу уезжать из города, а…

— Как вы познакомились? — спросила Эмбер.

Лидия поднесла бокал с вином ко рту и замерла на несколько секунд.

— В Интернете.

— В приложении для дейтинга?

— Да.

Эмбер подняла бокал и допила последние капли.

— Джесс? Только честно.

Я рассмеялась:

— Я хочу смерти.

Я слушала их, но не особенно вдумывалась. Я почти ответила «ребенка», а потом, не желая вести эту беседу, перешла к следующему правдивому ответу. Я думала об усталости, копящейся где-то за глазами, об изнурительном звоне в ушах, который начинался каждый вечер, о страхе, который охватывал меня, хотя мы были за много миль от дома и сын не разбудит меня этой ночью. Я не должна была обращать внимания.

Я увидела шок на их лицах и поняла, что выпила минимум бутылку вина, а может, и больше. Я давно не попадала в такую ситуацию и забыла, что нужно думать, прежде чем говорить.

— Джесс! — воскликнула Эмбер.

— Это не смешно, — сказала Лидия.

— Что? — капризно сказала я. — Я не хочу умирать. Я хочу быть мертвой. Это разные вещи.

— Правда? — спросила Эмбер.

— Да.

Я попыталась объяснить. Я хотела — и все еще хочу — лежать, совершенно неподвижно, не издавая ни единого звука, в пространстве настолько темном, что там не видно совсем ничего. Я хочу, чтобы меня никто не беспокоил. Я хочу освободиться от всех обязанностей, всех ожиданий.

— Это просто ночь, — не поняла Эмбер.

Я рассмеялась гадким гортанным смехом — еще одно неприятное последствие лишней пары бокалов.

— Нет, если у тебя есть дети. Каждую ночь меня будит крик ребенка. Я врываюсь в его комнату и вижу, как он цепляется за простыни, задыхаясь от страха. Я никогда не сплю крепко. Я всегда жду его кошмаров.

Мой голос немного дрогнул, выдавая мое раз-

дражение. Я чувствовала, как постоянный гнев копошится под кожей, вызывая зуд. Им легко было говорить. «Ночей» у меня не было уже очень долго.

Я увидела, что они расстроились, и подумала, что это из-за меня. Если бы я осталась трезвой, то раньше бы поняла свою ошибку.

— У него кошмары? — спросила Лидия.

Мы замолчали.

— Простите, — сказала я наконец. — Я не хотела… Я говорила о своем сыне. Я говорила не о ней.

Глава 12

Я был полна решимости пройти испытание. Я знала, что на самом деле между балками чердака нет призраков, но страх никуда не девался. Я сказала себе не дурить, не волноваться, не вести себя как ребенок. Я замерла на лестничной площадке перед закрытой деревянной дверью. Потом дернула за ручку, протащив дверь по ковру. Протиснулась внутрь и поднялась по лестнице. И увидела еще одну дверь — низенькую, приземистую, тоже деревянную, со сверкающей ручкой. Я повернула ее, и дверь скрипнула, открываясь. Пыль пеплом посыпалась с рамы. Я вошла внутрь, и дверь закрылась за мной.

На полу валялись мышиные какашки, в слабом свете поблескивала паутина, в которой висели мертвые насекомые. Воздух казался густым и пыльным, как будто он застаивался тут десятилетиями. Слышались какие-то звуки — поскрипывания, поскребывания, скрежет. Я напомнила себе, что дома тоже живые, что они могут болеть и ныть, почти как люди. Я поискала место, куда можно было бы присесть и провести час. Я была

готова на все, чтобы не разочаровать Эмбер.

И тут что-то желтое рвануло с громким треском и отскочило от стены.

Я закричала, громко, гортанно, как зверь, почуявший опасность. Нутряной страх взорвался во мне, как будто рядом с газом зажгли спичку. Вслед за ним наступила паника. Я бросилась к двери, попыталась открыть, но ее заклинило. Я закричала, но вышел какой-то писк. Я дернула дверную ручку, но та не подалась.

Я вздохнула и повернулась.

Это была палатка, желтая складная палатка без колышков, которую мы брали с собой на пляж, когда дул ветер. «Я смогу», — подумала я. Смогу остаться здесь. Смогу сесть и подождать, ведь это всего лишь час, совсем немного. Но мне не хватило упорства.

— Я застряла! — крикнула я. — Я не могу выбраться.

Потом послышалось много голосов, как будто бы шесть, а не три. Они говорили одновременно и очень быстро. На второй лестнице раздались шаги.

— Хорошо, — сказала Эмбер, — не впадай в панику.

— Открой, — попросила я.

— Я стараюсь. Только не кричи. Я не могу…

— Там ручка.

— Она не двигается. Заклинило.

— Что?

Я не могла оставаться там ни минуты. Каждая секунда меня убивала.

— Тогда найди кого-нибудь, кто ее откроет!

Я заплакала, но тихо, чтобы они не услышали, что мне страшно. Я знала, что они потом это поймут — по моим красным глазам, по слезам на щеках, — но почему-то это казалось менее унизительным. Я не хотела, чтобы они видели, как я рыдаю.

— Ты просто… — начала Эмбер.

Лидия, которая все это время молчала, закричала:

— Я схожу!

Помнишь, как мы ездили на ночном поезде? Это был один из наших первых совместных отпусков, и ты очень тщательно все спланировал. Ты забронировал роскошные отели в каждом из семи городов, где мы побывали, со сверкающими бассейнами, благоухающими спа-салонами и видом на достопримечательности с балконов. Ты баловал меня. Ты всегда так делал.

Мы ехали на поезде, играли в карты и читали

книги, пока мир пролетал мимо нашего окна. Мы ели чипсы из огромных пачек, облизывая губы и пальцы и смеясь. Мы не задумывались о ночевке. Нас встретили в поезде и показали купе с двухъярусными кроватями у одной стенки, небольшой угловой раковиной и крошечным окном. Оно казалось слишком темным и мрачным, слишком тесным и замкнутым. Я хотела рассказать тебе эту историю тогда, но не смогла, потому что ты ничего не знал ни о моей двоюродной сестре, ни о коттедже. Мы пытались заснуть — ты на верхней койке, я на нижней, — но было слишком жарко. Мы открыли окно, но ветер шумел слишком сильно. Мы провели ночь бок о бок на нижней койке, не сомкнув глаз.

Я очень скучаю по возможности быть рядом с тобой.

У меня не было никого, кто мог бы успокоить меня на чердаке, никого, кто мог бы заверить меня, что это не страшно, а просто непривычно и что все будет хорошо.

Я услышала, как открылась и закрылась входная дверь, а потом, буквально через минуту, снова открылась и закрылась. Пейдж хныкала на лестничной площадке. Эмбер тяжело дышала за деревянной дверью. Лидия споткнулась на

лестнице — раздался грохот — и закричала:

— Она идет!

— Если это шутка… — произнес незнакомый голос.

— Это не шутка, — ответила Лидия, — честное слово.

Дверь подалась, дерево треснуло, и я увидела эту женщину — руки на бедрах, лицо хмурое. Я встречала ее раньше. Стучала в ее дверь, когда мы впервые решились на эту игру. Я знала, кто она, и в то же время почти ничего о ней не знала.

— Ты в порядке?

Я вытерла глаза и посмотрела на свою одежду, измазанную пылью и грязью.

— Простите, я не хотела…

— Не извиняйся. Это не мой чердак и не моя дверь.

Она вытерла руки о фартук.

— Но мы вас побеспокоили…

— Ничего страшного. — Она пожала плечами и улыбнулась. — Хорошо, что с тобой все в порядке.

Женщина заглянула мне за спину.

— А что вы вообще тут делаете?

— Я… — Я замолчала. — Мы…

— Мы искали спасательный круг, — сказала

Эмбер.

— Ясно. А как вы это объясните? — Она указала на дверь.

Я почувствовала, как сжимается желудок. Страх снова завладел мной.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказала Эмбер. — Спасибо.

Она кивнула.

— Может, не надо тут больше играть?

На тот момент я даже не знала ее имени.

Мы спустились за ней по лестнице и посмотрели, как она идет по своей дорожке. Мы улыбнулись, когда она помахала нам рукой, а затем побрели к забору. Нам было стыдно. Мы чувствовали себя униженными из-за того, что пришлось просить помощи у взрослых. Молчали, теребили на себе одежду, разглядывали траву и ногти.

Эмбер заговорила первой.

Я ожидала, что она начнет надо мной издеваться, потому что я продержалась всего несколько минут. Я не только провалила все испытание, но и сломала дверь на чердак. Я опозорилась.

— Что мы будем делать? — спросила она. — Что мы скажем?

— Надо просто рассказать все, — предложила Лидия, выпучив глаза. Кажется, она уже

представляла, как мы стоим перед матерями, признаваясь.

— И нас перестанут пускать на улицу или вообще запрут в комнате, — сказала Эмбер.

— Может быть… — начала я.

— Нам нужен план.

— А как насчет… — снова начала я, но не смогла произнести ни слова.

— Они вообще часто туда ходят? — спросила она. — Может, просто ничего не скажем?

Я хотела предложить то же самое.

— Ты же знаешь, что твоего отца здесь нет?

Она покраснела, ноздри у нее раздувались.

— Что? — выплюнула она.

— Его здесь нет, — сказала я. — Он не запрет тебя в комнате, не устроит истерику и не будет…

— Ну ты и сука…

Однажды я описалась на дядином диване. Я видела, как он сидел в прихожей и кричал в телефон, и боялась пойти в туалет мимо него.

— Кто это сделал? — прошипел он, когда вернулся в гостиную. — Кто-то из вас написал на мой диван!

Я стояла спиной к стене, но он заметил мою влажную юбку и красные щеки.

— Иди сюда! — крикнул он. — Нюхай! Это мо-

ча?

Я кивнула, но он все равно заставил меня прижаться лицом к ткани. Потом меня заставили отнести накидку в кухню и постирать ее в раковине, пока сестры ели, сидя за столом.

Я испытала на себе его жестокость всего несколько раз, но хорошо знала его злобный характер и коварство. Он обожал выдумывать свои наказания для каждого и смотреть, как мы мучаемся. Он заставлял нас дрожать, заставлял молчать, пугал нас, детей, которые пытались быть послушными, но не могли. Страх перед его гневом убивал.

Эмбер собиралась что-то сказать — вероятно, накричать на меня, — когда мы услышали приближающуюся машину и одновременно повернулись, чтобы посмотреть на улицу. Мы ожидали увидеть наших мам, машущих нам из окна потрепанного зеленого хетчбэка. Но вместо этого мы увидели ту же самую серебристую машину с затонированными стеклами.

Она снова остановилась рядом с нами.

Я ощутила совсем другой страх.

Глава 13

Похмелье будто стянуло голову колючей проволокой. Я накрылась одеялом, но все равно дрожала, несмотря на толстую хлопковую пижаму. Полежала неподвижно, прислушиваясь, но не услышала равномерного гудения котла и шума в трубах. Я достала из сумки витамины и проглотила их, не запивая водой. Заставила себя встать и раздвинуть шторы. На окнах скопился конденсат, и капли стекали на подоконник. Я зевнула, выдохнув белый пар. Я не узнавала комнату. Бежевые стены, бежевый ковер, бежевая постель — совсем не то яркое загроможденное пространство, где мы жили в детстве.

Я побрела в ванную и плеснула себе в лицо водой. Я не чистила зубы накануне вечером, а просто ушла в свою комнату и заснула. Включила свет и прищурилась. Вспомнила чугунную ванну под окном, сине-серый линолеум в крапинку, двойную раковину с глубокими шкафчиками под ней. Мне не нравилась новая угловая ванна, точечные светильники, три зеркальные стены.

Мне не нравилась и я сама. Черные круги под

глазами, бледно-желтая кожа. Я уже прошла через это. Я стала лучше. Я больше не просыпалась рано утром, пока вино еще бурлило в желудке, не дышала перегаром и не потела алкоголем.

Я спустилась на кухню за кофе. Покрутила ручки на кофеварке. Положила два ломтика хлеба в тостер и увидела местную газету в корзине для белья. Я почитала ее, пока ждала. Проглядела меры по сокращению объема сточных вод, узнала про собаку-спасателя, которую взял к себе один из жителей деревни, прочитала призыв к местным жителям опознать тело женщины, найденное на пляже членом команды капелланов Картрайта, которая, по-видимому, была создана в начале девяностых Марианной Абшир.

Я снова проглядела статью.

Такое случалось и в моем детстве: трупы в воде, трупы на пляже. Я помню, как моя мама неуклюже пыталась объяснить, что неосторожные люди иногда падают с края утеса. Я перевернула страницу и увидела огромную, на полосу, рекламу праздничной ярмарки, которая должна была пройти в деревенском центре в этот же день. Реклама обещала более ста лавочек с, как они выразились, лучшими образцами прикладного искусства, а также бар с глинтвейном и сидром и

уголок с уличной едой. Я пошла к зимнему саду — с тостом в одной руке, кофе в другой и газетой под мышкой, — но остановилась в коридоре, услышав поворот ключа в замке.

Эмбер вошла в коттедж в обтягивающих черных легинсах и ультралегкой куртке. Волосы она собрала в узел, на шее болтались наушники. Она вытащила руки из рукавов. Я увидела что-то новое в складке между ее бровей, в опущенных уголках губ. Она сцепила пальцы и вытянула руки перед лицом, с хрустом потянулась.

— Доброе утро, — сказала я.

— Господи, ты меня напугала.

— Ты куда-то ходила?

Я думала, что они обе еще спят.

— Бегала.

— Так рано?

— Мне нужно было проветриться.

— Прости. Я вчера перебрала. Я очень устала, и…

— И напилась?

— Да. Я сейчас очень редко это делаю.

— Ничего страшного. Правда, ерунда.

Я вышла в зимний сад и села за стол. Услышала, как она сняла кроссовки, отбросила их в сторону, как прошла в носках по ковру.

— Куда ты ходила? — спросила я, когда она появилась рядом. — На утес?

— Нет. Я спустилась на пляж, мимо пещеры.

Но как она это сказала.

Это была не просто какая-то пещера, одна из множества на побережье, а Пещера, единственная, которая имела достаточно большое значение, чтобы ее считали особенной. Я до сих пор помню ее: зазубренные розовые скалы у входа, водоросли, лежавшие на песке и обозначавшие порог; бороздки и углубления вдоль стен; линию воды внутри, которая двигалась вперед и назад в зависимости от прилива. Это было наше второе укрытие, обнаруженное как-то летом и очень дорогое нам.

— Ты поэтому приехала?

Я ступила на опасную территорию. Коснулась синяка, ожидая, не вздрогнет ли она. Мне нужно было знать, как она отреагирует, когда мы начнем говорить о том лете.

— Я приехала, потому что ты попросила. — Она сжала зубы.

В дверях появилась Лидия. На толстую фланелевую пижаму она набросила халат, а сверху еще и одеяло. Один глаз у нее был закрыт, руку она прижимала ко лбу. Очевидно, ей было даже

хуже, чем мне.

— Что мы пили? — спросила она. — Абсент?

— Обычное дешевое белое, — ответила Эмбер.

— Мне нужно выйти, — сказала Лидия, — подышать свежим воздухом. Я не могу… Отопление работает?

— Тут будет ярмарка. — Я положила газету на стол и указала на объявление.

Мне нужно было наладить отношения с ними, но я нечаянно задела их упоминанием о ночных кошмарах. Мне нужно было начать все сначала. Я решила, что ярмарка может стать хорошим отвлекающим маневром.

Эмбер подошла и потянула газету к себе.

— Мы могли бы купить еды, — предложила я.

— Да, пожалуй.

— Сначала я приму горячий душ. — Лидия дрожала. — Здесь как в морозилке.

Мы припарковались за супермаркетом и обнаружили, что некоторые привычки живут очень глубоко, — это было любимое место наших мам, прямо напротив дешевого магазинчика. Я вышла из машины и огляделась. Не могла вспомнить дорогу к деревенскому центру.

Лидия двинулась вперед, мимо аптеки. Один раз она остановилась, и ее вырвало в канализа-

ционный люк.

Мы подошли к неприметному зданию, одноэтажному, с белыми оштукатуренными стенами и серой черепичной крышей. Думаю, что в обычный день интерьер здания выглядел бы столь же простым и непривлекательным: кремовые стены, пластиковый пол под дерево, обогреватели на стенах, — но сегодня зал украсили красивыми бумажными гирляндами, свисавшими с потолка; в одном конце стояла елка в разноцветных шарах, а вдоль стен были установлены яркие прилавки.

В дальнем конце зала собрался хор — около дюжины человек. Они пели рождественские песни, поглядывая в ноты. Перед ними висел большой плакат, гласивший: «КАЖДЫЙ ВЕЧЕР ДО РОЖДЕСТВА ПОЕМ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПЕСНИ, ЧТОБЫ СОБРАТЬ СРЕДСТВА ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА СПАСАНИЯ НА ВОДАХ». Рядом стояла доска с фотографиями волн и спасательных шлюпок.

Мы пробирались сквозь толпу, пробуя домашние чатни и джемы, разглядывая бисерные украшения и бумажные фигурки. Меня привлек большой прилавок, на краю которого стоял ряд пинтовых кружек. Я купила две, покрытые яркой

розовой глазурью. Сестру я нашла у прилавка, где продавали открытки с засушенными цветами. Я купила набор — он до сих пор лежит в моей сумочке, — подумав, что мы сможем использовать их для благодарственных писем в новом году.

Мы пробрались к столу, уставленному маленькими букетами зимних цветов в расписных баночках из-под джема. Я трогала лепесток, проверяя, настоящие ли это растения, когда она появилась передо мной.

— Осторожнее, — сказала она.

Я заметила нашу соседку, почти не изменившуюся за двадцать лет, — тот же фартук в цветах, те же кольца. Только морщины у рта и глаз стали глубже.

— Марианна… Извините… — сказала я. — Я просто…

— Это ты! Я так и думала, что это ты. Сначала показалось, что это новые арендаторы. Но увидела рыжие волосы… Я догадывалась.

Она сияла улыбкой. Протянула руку и погладила мое запястье большим пальцем.

— Так рада тебя видеть!

— Мы приехали, чтобы…

— Я все время о ней думаю, — сказала она.

Я кивнула. Я не знала, что скажу, если открою

рот. Могла бы признаться, что она приходила и ко мне, что временами я видела призрака маленькой девочки где-то на краю поля зрения. Я могла бы поблагодарить ее за доброту в том году, за то, что она помогала мне и делала это много раз. Я могла бы сказать, что ее признание — легкость, с которой она согласилась, что эта маленькая жизнь утрачена, — потрясло меня, потому что я никогда никому о ней не рассказывала.

— Да, — ответила я, — спасибо.

— И после того, что произошло, — она покачала головой, — я все задавалась вопросом, что с вами стало. Я видела строителей, а затем арендаторов следующим летом, и это было понятно, но…

— Мне нужна десятка за место на прилавке. — Какой-то мужчина протиснулся мимо меня и толкнул банки так, что они зазвенели. — Когда будешь готов.

Я оглянулась через плечо, когда он прошел мимо и обратился к мужчине за соседним прилавком.

Это был Чарли.

Марианна подняла бровь и ухмыльнулась:

— Ты была в него влюблена? Ходят слухи, что у него кто-то есть, но это секрет. Ты этого здесь не слышала, но я думаю, что он женат.

— Эмбер. Моя двоюродная сестра. Это она была влюблена в него — или, по крайней мере, так казалось.

— Правда? Эмбер?

— Это было просто испытание. Но нас легко спутать. Думаю, это из-за волос.

— Вряд ли. Кстати…

Эмбер появилась рядом с двумя стаканчиками.

— Это вкуснее, чем кажется, — сказала она.

Я заглянула в один из них и увидела что-то похожее на воду из канавы — мутную коричневую жидкость с плавающим осадком.

— Глинтвейн, — пояснила она. — Это был Кларк?

— А где Лидия? — спросила я. — Ты ей тоже купила?

— Чарли, — сказала Марианна.

— Мило, — заметила Эмбер. — Он неплохо выглядит.

— Мясная лавка все еще на углу? — спросила я.

— Да, — сказала Марианна. — Но давай быстрее, у него скоро обед.

Я не могла признаться в своей причастности к смерти, не купив сначала говядины.

Я пообещала встретиться с кузиной у машины и убежала сначала к мяснику, а затем в супермар-

кет. Я разрабатывала новый план, как объяснить сестрам, что произошло. Я представляла себе расслабленный, уютный вечер, побольше вина для них (а я обойдусь без вина), домашний ужин, а затем — когда настроение станет подходящим — мое признание. Я воображала, как они будут торжественно кивать, а затем, когда все будет сказано, вскочат из-за стола и начнут бегать по домику, отчаянно жестикулируя и ругая мою глупость. Я представляла, как мы закончим вечер в гостиной, перед камином, под пледами.

Я представляла, как вечером буду ложиться в постель. Я представляла себе пуховое одеяло, мягкое, как облако, теплое, но невесомое. Я чувствовала, что в моей голове будет очень много места, что там поселится приятная пустота и не останется никаких воспоминаний, мелькающих перед моими веками, как неоновые вывески на автостраде. Я думала в основном о себе, о том, что все это будет значить для меня. Я думала и о тебе. Я думала о нашем сыне и дочери, о том, что с каждой секундой мы приближаемся к тому, чтобы провести вечер здесь всем вместе.

Я нашла их у машины.

— Я выпила, — сказала Эмбер.

— И?.. — спросила Лидия.

— Ну, я же не могу сесть за руль пьяной?

Эмбер нажала кнопку на брелоке, чтобы открыть багажник, взяла мои сумки и поставила их внутрь.

— Тебе понравится, — сказала она. — Просто поверь мне, пожалуйста.

Я взглянула на серое купе с роскошными кожаными сиденьями. Оно сильно бросалось в глаза среди побитых хетчбэков и массивных внедорожников. Я поняла, почему сестра нервничала.

— Нет, — сказала Лидия. — У меня нет страховки.

— Это всего несколько миль.

Эмбер положила ладонь на ручку пассажирской дверцы.

— Ты справишься. Обещаю.

Лидия вздохнула и нерешительно открыла другую дверцу. Отрегулировала сиденье, с грохотом сдвинув его вперед и уперевшись грудью в руль, и завела двигатель. Когда тот зарычал, она вздрогнула.

— Не ожидала, — сказала Эмбер, все еще стоявшая рядом со мной. — Я думала, мы тут еще минут двадцать простоим.

Я посмотрела в окно на сестру, которая сидела с закрытыми глазами, раздувая ноздри, и стара-

лась дышать медленно и ровно. Я забралась на заднее сиденье, мы быстро включили первую передачу и медленно выехали с места.

— Молодец, — сказала Эмбер, опуская окно, когда мы выезжали с парковки. — А теперь давай быстрее!

Лидия нажала на педаль, и спидометр качнулся вправо. Я тоже опустила стекло, почувствовала холодный воздух, ударивший, как кисть по новому холсту, и заморгала от ветра. Я схватилась за ремень, когда мы выехали из деревни и доехали до поворота, где справа был обрыв, а слева стояли высокие деревья. Скорость Лидия не сбавляла. Я поправила шарф и закрыла глаза. Мне понравилось это ощущение полета. Я слышала их смех и визг — две женщины, свободные от всяких ожиданий. Через минуту я открыла глаза и увидела красный хетчбэк в заросшей канаве.

Лидия въехала на подъездную дорожку и дернула ручной тормоз.

— Я вся мокрая. Правда.

Она запрокинула голову и громко рассмеялась.

— Видишь? — Она повернулась ко мне и пальцем смахнула пот с бровей.

Неожиданно я ощутила прилив почти материнской любви. Я восхищалась тем, как она радуется,

смеется и улыбается. Это можно сравнить только с радостью, которую испытываешь, наблюдая, как твой сын делает что-то новое, смеется без повода или обнаруживает, что жизнь прекрасна.

— Но тебе же понравилось? — спросила Эмбер.

Мы посидели в тишине несколько секунд.

— Меня сейчас стошнит, — ответила Лидия.

— Ой, перестань! — сказала Эмбер. — У тебя к этому способности. Ты не так хорошо водишь, как я, но для первого раза!..

Сейчас стыдно об этом говорить — с учетом всего, что произошло потом, и ошибок, которые еще предстояло совершить, — но в тот короткий момент мы почувствовали себя семьей. Я видела, как между нами в машине пробежали искры, как вернулась забытая связь. Я была уверена, что можно смело сказать им правду.

Глава 14

Чарли — в красных шортах для серфинга и черной майке, с кожаным браслетом на запястье — вышел из машины. Я прикусила нижнюю губу, надеясь, что она станет немного пухлее, и быстро поморгала, чтобы глаза заблестели.

— Все в порядке? — спросил он, открывая багажник, чтобы достать доску. — Я что-то пропустил?

— Нет, — твердо ответила Лидия, — мы просто…

— Мы спорили, — сказала Эмбер.

Я смотрела на галечную дорожку. Я хотела смотреть в другую сторону, но солнце стояло так высоко в небе, так ярко светило, что его блеск ослеплял.

— Мы сломали дверь на чердак, — сказала Пейдж.

— Да? — спросил он тихим, низким голосом. — А как?

— Ну что, расскажешь ему? — спросила Эмбер.

Я почувствовала его взгляд, и у меня на верхней губе выступил пот.

— Это было испытание, — сказала я. — Я должна

была просидеть там целый час, но дверь заклинило. — Я не сказала, что пробыла на чердаке всего несколько минут.

— Мы должны признаться, — заявила Лидия.

— Я бы не стал, — отозвался он и присвистнул, сжав идеальные губы. — Зачем?

— Вот именно, — согласилась Эмбер.

— Думаю, мы могли бы просто молчать, — сказала я.

— Но это плохо, — возразила Лидия. — Это неправильно.

— Чарли! — крикнула женщина из машины. — Я серьезно! У тебя полчаса. Я не шучу.

— Я пойду, — сказал он. — У меня мало времени.

Он перекинул доску через заборчик и побежал по полю, держа ее над головой.

— Кто следующий? — спросила Эмбер.

Я не выполнила свое задание, поэтому не могла водить.

— Лидия? — настаивала Эмбер.

Лидия подняла голову и стряхнула с юбки несколько травинок.

— Нет, — сказала она. — Нет. Я этого не сделаю. Нет и все.

— У тебя нет выбора. Ты должна сжечь книгу.

— А я не хочу. И ты не можешь меня заставить.

— Могу, — ответила Эмбер.

— Ой, хватит, — предложила я. — Давайте займемся чем-нибудь другим.

— Ни за что, — сказала Эмбер. — Я буду давать вам испытания.

Лидия нахмурилась, размышляя. Пейдж молча плела веночек из ромашек.

— Но ты дала мне испытание, — рискнула я. — Нельзя давать несколько испытаний.

— Да, но ты не выполнила свое. — Она скрестила руки на груди.

Лидия мягко улыбнулась и подняла подбородок.

— Как и ты.

Лидия не слишком-то хорошо училась, особенно если учесть ее дислексию, но она была очень сообразительной. Например, терпеть не могла уроки плавания. Однажды она увидела своего одноклассника под водой: голова его запрокинулась назад, а глаза странно блестели. Она много раз потом рассказывала, как тренер дул в свисток и нырял, чтобы вытащить его из воды. Он тонул. Не кричал, не бил руками, а просто с трудом держался на воде — ему едва хватало сил дышать; кричать он не мог. После этого она начала избе-

гать занятий, потому что боялась, что ее заставят плыть на большие расстояния. Она постоянно подделывала записки от матери: отит, жуткая простуда, то самое время месяца.

Кажется, тот же подход она применяла ко всем аспектам своей жизни.

В школе она не была особенно общительной, но там постоянно требовался партнер, напарник: за партами, как и в автобусах, сидели по двое, опыты на химии делали вдвоем. Ей особенно нечего было предложить — никто не стал бы списывать у нее домашнее задание или смеяться над ее шутками, — но она умела очень красиво заплетать волосы, и девочки щеголяли длинными элегантными косами.

— Я все сделала… — начала Эмбер.

— Ты его съела? Нет. — Лидия сжала кулаки. — Ты провалила испытание.

Эмбер уперла руки в бедра.

Мы все еще препирались, когда серебристая машина снова подъехала, громко сигналя. Пейдж сидела на перекладине, упершись подбородком в колени. Эмбер яростно тыкала пальцем в соседнее крыльцо с колокольчиками, в крышу коттеджа. Лидия молчала и качала головой. Чарли подбежал со стороны пляжа, держа доску на

плече. Он был весь красный.

— Бегу! — крикнул он. — Господи, я просто…

Он вздохнул, открывая багажник, забросил доску внутрь и снова захлопнул его.

— Твою же мать, — буркнул он.

— Я все слышала! — крикнула его мать из машины.

— Вы все еще ссоритесь? — спросил он.

— Моя очередь давать испытание, — сказала Лидия.

Эмбер хотела что-то сказать, но Чарли перебил ее:

— У тебя есть какой-то план?

— Есть, — ответила Лидия.

Эмбер подняла подбородок, опустила плечи.

— Хочешь посмотреть, как я выполняю испытание? — спросила она.

А потом тяжело пошла в его сторону. Руки у нее странно болтались.

Она схватила его за запястье и развернула к себе. Он нахмурился, когда она поднялась на цыпочки, приблизила свое лицо к нему и поцеловала в губы. Он оттолкнул ее и вытер рот.

И засмеялся.

— Я выполнила твое тупое задание, — прошипела она мне и пошла к дому.

— Вы идиотки, — сказал Чарли. — Правду насчет этого места говорят.

— Извини, — сказала Лидия. — Я…

— Все в порядке, — сказал он и улыбнулся ей. — Это ничего.

Я почувствовала себя ужасно маленькой. Я сжалась в траве, мечтая растечься лужей, чтобы меня не видели. Я помню, как смаргивала слезы. Я не могла поверить, что она сделала это, поцеловала его, забрала то, что принадлежало мне. Я не могла поверить, что она сказала ему, что это было мое задание, моя идея. Я чувствовала, как слезы потекли из уголков глаз, как акварельная вода. Я не хотела, чтобы он видел, как я плачу, — не хотела, чтобы кто-то видел, как я плачу, — и поэтому я тоже убежала.

— Эй! — окликнула меня Лидия.

Я не обернулась.

Бросилась наверх в спальню и присела перед окном. Я посмотрела наверх и в окно увидела сестру, младшую кузину и того мальчика. Они болтали и улыбались. Я представила себе извинения, объяснения. Увидела, как сестра машет мне, указывает на меня, и спряталась за кровать.

Я думала, что испытания закончились. Я не могла себе представить, что моя сестра выду-

мывает новое, повышая ставки. Это испытание было призвано закончить игру, подтолкнуть нас к чему-то безобидному. Оно было опасным.

Глава 15

Я стояла в кухне и готовила ужин: нарезала лук, морковь, сельдерей, говядину, панчетту и розмарин. Потом достала кастрюлю из шкафа. Это была оранжевая эмалированная чугунная кастрюля со сколами вокруг плохо прилегающей крышки. Я сразу ее узнала. Она принадлежала моей маме. Я помню, как она летом наливала нам холодный суп в тарелки и оставляла соусы булькать на плите. Я сложила ингредиенты слоями в кастрюлю и залила вином.

Пощупала радиатор: холодный. Я нажала несколько кнопок на бойлере, но ничего не произошло. Я бы позвонила тебе, любимый. Я бы попросила тебя найти модель в Интернете и подсказать мне решение. Вместо этого я позвонила в агентство по аренде недвижимости, и женщина с западным акцентом пообещала разобраться.

Я пошла в зимний сад накрывать на стол. В детстве я пробегала через двойные двери, никогда не задерживаясь там больше чем на несколько секунд. Наверное, летом там часто бывало слишком жарко, ведь это стеклянное помещение, залитое

солнцем. Но мне сад нравится: массивный дубовый стол, за которым мы никогда не сидели, и двенадцать венских стульев, большие окна с видом на голые ветви, покрытые изморозью. Здесь было тише, чем в других комнатах. Здесь не было ни прошлого, ни кричащей новизны.

Я аккуратно положила тканевые салфетки по бокам трех тарелок. Выровняла столовые приборы, разложила подставки под тарелки. Я воображала себе следующие несколько дней: важные разговоры, которые должны были состояться десятилетия назад, сытный ужин с избытком вина, долгие прогулки на суровом зимнем ветру, новая семья, сплоченная честностью, а не прошлым и долгом, — и новый старт для нашей с тобой семьи. Я слышала сестер: хлопнула дверь ванной наверху, послышались шаги на лестничной площадке, радио несколько минут что-то бормотало, а потом переключилось на музыку.

Я услышала стук во входную дверь.

Я быстро открыла, думая, что это почтальон, который кидает записку в почтовый ящик, если вы не можете забрать посылку в течение нескольких секунд. Я много раз бегала за ним по улице в тапках, с сыном на руках.

Это был не почтальон.

Чарли стоял на крыльце и уже подносил ключ к замку.

— Ты?

При дневном свете он выглядел старше: под глазами темнели круги, щеки покрывала колючая щетина. Тем не менее он казался вполне привлекательным, по-своему, по-деревенски. На нем были свободные джинсы и клетчатая рубашка, обтягивавшая широкие плечи.

— Прости, — ответил он, засовывая ключ в карман джинсов. — Я думал, вас нет дома.

— Чем могу?..

— Бойлер.

— Ах да.

Да, конечно. Я разговаривала с его матерью. Если подумать, ее акцент был мне знаком. Я даже припомнила, что агентство по аренде недвижимости было их семейным бизнесом.

— Он не работает со времени нашего приезда.

— Ясно. — Он прошел мимо меня прямо в кухню. — Я посмотрю.

Я стояла в коридоре, чувствовала себя очень неловко и не понимала, что делать дальше. Он открыл кухонный шкаф, загрохотал металлической крышкой.

— Эй!

Я подняла взгляд и увидела сестру, сидевшую на лестнице.

— Это еще кто? — нахмурилась она.

— Чарли. Ты его помнишь? Он пришел чинить бойлер.

— Почему?

Она спустилась на несколько ступенек, перегнулась через перила, посмотрела в сторону кухни.

— Ты ему позвонила? — спросила она.

— Я позвонила в агентство.

— Зачем?

— Из-за бойлера.

Лидия снова нахмурилась и взъерошила волосы ладонью.

Эмбер высунула голову из гостиной и сняла наушники. Она намазала волосы какой-то густой липкой слизью и собрала в узел. Честно говоря, — а ведь я хочу быть честной, — где-то в глубине души мне захотелось отправить ее на кухню. Конечно, липкие волосы не так напугают Чарли, как дерьмо у меня на щеке, но это ее хоть немного унизило бы. Я бы посмеялась.

— Секретничаете? — спросила она. — О чем?

Я посмотрела на ее волосы.

— Это маска, — пояснила она.

— Нам бы надо уйти на улицу. Не будем мешать ему работать, — сказала Лидия.

— Кому? — спросила Эмбер.

— Чарли, — ответила Лидия.

— Но скоро стемнеет, — сказала Эмбер. — И мои волосы. И…

— Нет, — сказала я. — Она права. Пойдем.

Я не хотела, чтобы мы слишком рано начали говорить об этом лете, чтобы мы вспомнили об испытаниях до ужина. Мною владело ложное чувство контроля над ситуацией. Я была уверена, что вечер пройдет гладко просто потому, что так должно случиться. Я собиралась очень осторожно завести разговор и постепенно подойти к правде.

Я завязала шнурки на походных ботинках, замотала шарфом шею и застегнула непромокаемую куртку. Сестра надела сразу несколько кардиганов, чтобы было теплее, а кузина вздохнула и снова надела беговую куртку.

— Я возьму воду, — сказала Лидия и побежала на кухню за двумя стальными спортивными бутылками.

Когда я открыла дверь, меня будто ударил ветер. Он обошел мое тело, стараясь заполнить маленький домик. Я вытолкала остальных на

крыльцо и, наскоро попрощавшись с Чарли, захлопнула за нами дверь. Я повела их на поле. Старый заборчик внезапно оказался ужасно низеньким, столбик ворот стоял на уровне колена, а поле превратилось в скромный, заросший травой клочок.

Мы прошли вдоль живой изгороди и повернули направо, навстречу закату. Высокая трава цеплялась за ноги, царапалась. Мы дышали все тяжелее, шли все быстрее. Мне нравилось жжение в икрах и бедрах, но я не привыкла ходить в гору. Я чувствовала, как становится тесно в груди. Я остановилась заглянуть за край утеса.

— Ты в порядке? — спросила Эмбер. — Мы убежали?

— Что?

— Мы разве сбежали в закат не от твоего возлюбленного?

— Ой, иди в жопу.

Эмбер хрипловато рассмеялась, наморщив нос. Глаза у нее блестели.

— Ты с ума от него сходила.

— Недолго.

— А когда я его поцеловала, это, о боже…

— Хватит, — сказала Лидия.

Ее голос звучал странно. Она пыталась гово-

рить ровно, но голос у нее дрожал, как будто она собиралась расплакаться.

Я подумала, что она вспоминает то лето.

— Кажется, все мои лучшие воспоминания связаны с этим местом, — сказала она.

— С этим местом, — повторила Эмбер. Голос у нее стал тише, мягче, нежнее.

— И с садом. И с пляжем.

Я почувствовала, как сжимается горло. У меня тоже очень много воспоминаний об этом месте — об утесе, коттедже, пляже. Но все они омрачены утратой, хотя продолжают приходить ко мне. Я не могу думать об утесе, не видя, как она бежит туда, останавливается и кричит, чтобы мы отошли от края, чтобы ветер не унес нас в море. Я не могу смотреть на береговую линию, не вспоминая ее маленькие ножки на влажном песке, узкой полоске между твердой землей и бурными волнами. Я не могу думать о ней, не чувствуя вины. Я никогда не давала места горю. И у меня точно не было воспоминаний, которые могли бы согреть или успокоить меня.

— Все было бы по-другому, если бы она не умерла, — сказала Лидия, вытирая глаза.

— Лидия… — начала Эмбер.

— В каком-то смысле это было наше лучшее

лето, да? — сказала Лидия.

— Мы тогда построили лучшее укрытие, — подхватила я, потому что это казалось более безопасной темой.

— И ты застряла на чердаке, — сказала Эмбер.

— И это было ужасно, — сказала я.

— И тот мальчик, хотя он уже не мальчик, — подмигнула мне Эмбер.

— Ой, да ладно, — сказала я. — Я не думаю… Я не понимаю, как… Ну уж нет.

Она рассмеялась.

— Я замужем! — сказала я.

Он мне не нравился. Честное слово, он мне не нравился. Просто эти воспоминания причиняли мне боль.

— Я его не помню, честно, — сказала Лидия.

— Нет? — переспросила Эмбер.

— Но я помню ту игру, — вспомнила Лидия, — в саду, с болотом, помните?

— Я в основном помню то жуткое испытание. — Эмбер посмотрела на меня и подняла брови.

— Извини, пожалуйста.

— Ладно. Это в прошлом. — Она улыбнулась.

Мы смеялись, разговаривали и вспоминали, спускаясь по крутому склону, и изо всех сил старались не поскользнуться. Мы вспоминали,

как обожали ароматизированные гелевые ручки пастельных цветов, щипцы для завивки волос и мороженое с посыпкой.

Я столько всего забыла.

Когда мы вернулись, Марианна стояла в саду перед домом и срезала веточки падуба. Я сняла грязные ботинки, отпихнула их в сторону и попыталась открыть дверь. Я думала, что она просто распахнется, как всегда.

— Черт. Заперто.

Я постучала.

— Он ушел минут пятнадцать назад. Сказал, что вернется утром.

Марианна стояла у наших ворот, держа в руках садовые ножницы. Вокруг талии она повязала темно-зеленый фартук. Она поковыряла гнилую деревянную створку, на которой висел ржавый замок.

— Хорошо, — сказала Лидия. — Спасибо.

— У нас нет ключей, — сказала я.

— Сейчас, — отозвалась Марианна.

Она побрела к своему крыльцу и через несколько минут вернулась с пушистой розовой игрушкой, на которой болтался ключ.

— Это от нашего коттеджа? — спросила я.

— Хм, вроде того.

— Точно? — спросила Эмбер.

— Да. Спасибо, — сказала Лидия.

Тогда я не поняла, что это значило, — что у двоих людей есть свои комплекты ключей. Но позже все встало на свои места. Я снова и снова возвращаюсь к тому разговору. Неужели она действительно хранила этот ключ двадцать лет? И держала его под рукой?

Я положила ключ на ее раскрытую ладонь.

Глава 16

Мы закрыли за собой дверь и разбрелись по разным уголкам коттеджа. Я пошла на кухню проверить ужин. Эмбер исчезла в ванной, чтобы смыть с головы слизь. Лидия переоделась в темно-синие спортивные штаны, зауженные к лодыжкам, и толстый серый свитер и устроилась в гостиной: развела огонь в камине, взяла плед и книгу.

Бойлер постукивал, поэтому я предположила, что он работает, хоть и медленно, но все же не снимала куртку, нюхала, мешала, приправляла и пробовала наш ужин. Я то увеличивала, то уменьшала огонь. Я хотела, чтобы все было идеально. Я пошла наверх принять душ и чуть не столкнулась с сестрой на лестничной площадке.

— Что ты?.. — начала я. — Я думала, ты внизу.

— Я там и была.

— Ты в порядке?

— Ага.

— Я просто переодеваюсь, — сообщила я. — Ужин почти готов.

Ее взгляд бегал по стене, останавливаясь на

пятнах. Как будто там было что-то, что стоило внимания, а не просто грязная бежевая краска. Я провела ладонью перед ее глазами, но она не пошевелилась. Я вздохнула, обошла ее и вошла в нашу старую комнату. Я вспомнила наклейки на деревянной раме старой кровати и свою коллекцию ракушек на подоконнике. Вспомнила яркий коврик, испачканный краской, мелками и едой, которую мы тайком приносили из кухни. Я вспомнила, как было здорово, когда мы вчетвером жили в одной комнате.

Она казалась слишком просторной для одного человека и одного чемодана. Я разложила свои вещи где попало — тебе бы это не понравилось, — но все равно комната выглядела пустой. Я закрыла за собой дверь и сделала глубокий вдох, прежде чем раздеться. К ужину я хотела надеть черное платье. Я уже надевала его на годовщину свадьбы твоих родителей — в ресторан на берегу моря, где лобстеров ловили и готовили прямо перед нами, — во время нашего медового месяца, а также на летнюю вечеринку у тебя в офисе. На кровати лежали колготки, туфли на каблуках и блестящая повязка на голову, но все это показалось мне слишком официальным для уютного ужина в коттедже. Я положила рядом джинсы и

облегающий джемпер и взяла полотенце.

В ванной было пусто, но стоял пар. Я хотела помыться в горячей воде, почти в кипятке, чтобы кожа покраснела. Повернула кран и потянулась за шапочкой для душа, но никак не могла ее найти. Я поворошила полотенца, заглянула в ванну. Я знала, что произошло. Вышла, обернувшись полотенцем, во вторую спальню. Увидела шапочку на деревянном стуле. Как будто это была шапочка сестры. Я схватила ее, но она упала на пол.

Я не стыжусь того, что произошло дальше.

Я наклонилась за шапочкой и увидела под кроватью фиолетовый чемодан. Вспомнила, как взбесилась сестра, когда мы открыли его. Я вытащила чемодан — он зацепился за торчащий из половицы гвоздь; ткань спереди порвалась, осталась потертость, похожая на шрам. Я открыла крышку. Чемодан был пуст. Я провела пальцами по боковому карману и наткнулась на что-то маленькое и мягкое. Это был браслет. Кожаный, плетеный, поношенный.

Он принадлежал тому мальчику на пляже.

Чарли.

Я спрятала его в чемодан и сунула под кровать. Схватила шапочку для душа с пола и бросилась обратно в ванную.

Я дрожала. Каждое утро я стояла под струей горячей воды, но тепло не проникало сквозь мою кожу. Вечером я надевала термобелье, накрывала колени одеялом и натягивала плед до ушей, но ничего из этого не помогало справиться с холодом в коттедже с его ледяными стенами и пронизывающим ветром снаружи.

Я встала под струю горячей воды, слушала ее рев, чувствовала, как она обжигает кожу. Закрыла глаза и увидела браслет. Меня мучили вопросы: почему он у нее и давно ли. Я постояла еще несколько секунд, прежде чем выключить воду. Теплее не стало.

Мне хотелось накричать на сестру, но у меня были другие планы, более важные.

Я надевала серьги, когда в дверь спальни постучали.

— Джесс?

— Да?

Вошла Эмбер в полотенце. Еще одно было намотано на волосы. В ушах у нее были бриллиантовые серьги, а на шее блестела серебряная цепочка. Кожу она намазала чем-то блестящим, а под глаза приклеила гелевые патчи.

Я села на кровать, чтобы надеть носки.

— Все в порядке? — спросила я. — Ужин почти

готов.

— Ты часто общаешься с Лидией?

— Вообще нет. До вчерашнего дня я ее ни разу не видела.

— И что ты думаешь?

Я могла бы признаться, что меня очень многое беспокоит — браслет, который она хранила десятилетиями, странное безразличие в коридоре, брошенная в кювете машина, — но вместо этого я сказала:

— Я не знаю.

— Раньше было хуже. Очень плохо. Не знаю, стало ли лучше.

* * *

Лидию тоже пригласили на ту новогоднюю вечеринку в баре где-то на юге города, вечеринку, которая сначала казалась такой крутой: напитки, танцы, малознакомые люди, дикие прыжки в темноте, липкий пол, дружный обратный отсчет.

Мы планировали собираться вместе, потому что моя двоюродная сестра жила одна, ближе всех к станции, и у нее было достаточно места. Мы редко проводили время втроем. Если бы вы спросили меня тогда, я бы сказала, что это из-за

того, что пустота, о которой не говорили вслух, слишком бросалась в глаза. Теперь это еще понятнее: я знаю, что у них была тайна, невыносимая, как вонючий гниющий труп.

Мы сидели на диване, потягивая ледяное белое вино, рисовали толстые черные стрелки и мазали блестки на веки. Мы наполняли бокалы до краев и сплетничали о друзьях друзей и прошлых вечеринках.

Лидия явно волновалась, слишком часто отлучалась в ванную и постоянно ерзала на месте.

Когда мы были почти готовы выходить — застегивали туфли, накидывали кожаные куртки, пихали в крошечные сумочки помаду и телефоны, — она сказала:

— Я не уверена. Может, не надо.

— У меня есть место. — Эмбер протянула руку. — Давай я что-нибудь возьму.

Лидия покачала головой:

— Я не уверена, что хочу идти в бар. Не сейчас.

— Да ладно, Лиди, — сказала я. — Будет круто.

— Я не знаю.

— Я за тобой присмотрю. Я тебя не брошу.

Я говорила искренне, но в то же время представляла, как возвращаюсь домой с невероятно красивым мужчиной с резкими чертами лица и

ярко-голубыми глазами, мужчиной, очень похожим на тебя.

— Я не могу, — сказала она и провела ладонью по лицу, размазав красную помаду.

— Лиди!

— Идите вдвоем, повеселитесь.

— Ты уверена? — спросила Эмбер.

— Нет, — ответила я. — Она еще ничего не решила.

— Я… — начала Лидия.

— Ты пойдешь, — настаивала я. — Никаких отказов. Я хочу пойти с тобой.

— А я не хочу.

— Но ты никогда никуда не хочешь! — сказала я.

Я бросила сумочку на диван и скрестила руки на груди.

— Что с тобой? — спросила я. — Почему тебе все время что-то не так?

Я не горжусь тем, что произошло дальше. Я сказала ей, что она — обуза, не настоящий человек, а чемодан в форме женщины и что мне скучно постоянно искать в ней что-то приятное. Я сказала ей, что с меня хватит, что общение с ней меня изматывает. Я сказала, что нам нужно немного пространства. Я думала, что это будет временная

передышка, но она затянулась слишком надолго.

Я смотрела, как она снимает туфли на каблуках, расстегивая ремешки. Я стояла и смотрела, как она складывала тушь, помаду и тени обратно в косметичку. Я ничего не сказала, когда она надела кроссовки и пальто.

— Всего хорошего, — сказала она.

На глазах у нее выступили слезы. Она закрыла за собой дверь.

Я не видела ее с того вечера.

— Это было ужасно, — сказала я. — Думаю, она очень серьезно отнеслась к моим словам.

Я снова надела тапочки.

— Я понимаю, — сказала Эмбер, поправляя полотенце. — Но что ты думаешь о том, какая она сейчас?

— Думаю… — начала я.

Я не закончила фразу, потому что нас прервал самый громкий звук, который мы когда-либо слышали. Я не могу описать охвативший меня ужас. Конечно, я слышала пожарные сирены и раньше, но только на кухне, стоя над дымящейся сковородкой. Даже тогда я мучилась до конца дня, хотя знала причину. Я поняла, что мы будем вместе навсегда, когда ты предложил мне переехать к тебе и нанял кого-то, чтобы установить

еще два детектора, зная, что я боюсь огня, но не зная почему. Я не знала, что в коттедже есть сигнализация, потому что тем летом ее не было. Полагаю, ее установили позже.

Звонок разносился по всему домику, и от страха я чуть не упала на пол.

Эмбер вздрогнула, но не запаниковала.

— Нам нужно бежать, — сказала я, — немедленно.

— Это всего лишь ужин, — сказала она, открывая дверь. — Все будет хорошо. Я…

Лидия прижималась к двери спальни, как будто подслушивала.

— Лидия? — спросила Эмбер.

— Я пойду посмотрю, — сказала я.

Честно?

В тот момент я совсем не думала о сестре. Я видела ее лицо, когда открылась дверь спальни, — шок, ужас, — но решила, что ее, как и меня, просто напугала сигнализация.

Я не придала этому никакого значения.

Глава 17

Я умирала от ненависти к кузине, я даже смотреть на нее не могла. Я постоянно прокручивала в голове тот поцелуй: весь вечер, потом, лежа в постели, а еще позже, посреди ночи, когда коттедж затих, а снаружи кричали совы и шумно бились о скалы волны.

Я должна была что-то сказать.

Она лежала на верхнем ярусе кровати по соседству, укрывшись одеялом и отгородившись от меня подушкой.

— Эмбер, — прошептала я. — Эмбер!

Она что-то пробормотала и снова погрузилась в сон.

— Эмбер!

Я перекинула ноги через перильца и спрыгнула на пол, почувствовав, как деревянные балки прогибаются под моими ногами. Прошла на цыпочках по ковру с бахромой.

Пейдж спала на нижней койке. Ее лицо освещала слабая лампочка на лестничной площадке, которая горела всю ночь. Светлые локоны казались почти розовыми в этом тусклом свете, а

дыхание было тихим и ровным. Я встала на нижнюю перекладину лестницы, и она вздрогнула и во сне почесала нос рукой.

Я остановилась.

Она опустила руку, вздохнула и замерла.

Я поднялась.

Замерла наверху, уставившись на кузину.

Я почувствовала, как жгучее ощущение несправедливости ослабевает. Разве не я была виновата, что он увидел грязную полосу на моей щеке? Это я предложила такое отвратительное испытание. И разве не я виновата, что она поцеловала его? И по той же самой причине. Я могла винить только себя. Я решила, что, может быть, моя кузина все-таки не такая уж ужасная.

Я спустилась по лестнице и вернулась в свою постель. Решила больше никогда не упоминать об этом. Мне не хотелось, чтобы она знала, как сильно ранил меня этот поцелуй. Не хотелось, чтобы она считала меня слабой или уязвимой или, что еще хуже, идиоткой из-за того, что я предложила такое задание.

На следующее утро я проснулась в жаркой, душной комнате. Солнечный свет пробивался сквозь жалюзи, пижама перекрутилась и насквозь промокла от пота.

— Вы тут? — спросила я.

Потом села и наклонилась. На нижних ярусах лежали двое — у одной торчала из-под одеяла нога, вторая совсем сбросила одеяло. Верхняя койка напротив была пуста. Я надела тапочки с кроличьими ушами, стоявшие перед камином, и спустилась в гостиную.

Эмбер сидела на диване перед низким столиком. Перед ней лежал целый веер бумаги: рваные листы, исписанные каракулями; аккуратные белые листочки, покрытые ровными строчками, комки рваной бумаги. С самого нашего приезда она работала над своим проектом для получения стипендии. Она сделала парашюты из пластиковых пакетов разной формы и размера и привязала к ним маленьких игрушечных солдатиков. Она сбрасывала их с перил и замеряла время падения секундомером. Она рассказывала нам об этом тысячу раз, объясняя каждую незначительную деталь, как будто мы должны были тоже восхищаться ее экспериментом.

Она сказала, что это была ее идея, что она решила провести эксперимент — именно этот эксперимент, — а не просто написать сочинение. Она врала. Она делала это, чтобы произвести впечатление на своего отца, который всегда любил

сложные задачи и изящные решения. Именно он предложил прорезать отверстие в верхней части парашюта, чтобы уменьшить турбулентность.

— Что ты делаешь? — спросила я.

Она разлиновывала страницу с помощью прозрачной линейки и тонкого карандаша.

— Таблицу для записи результатов.

Она повернулась к своим записям и провела пальцем по смятому листу бумаги.

— Он падал медленнее с большим парашютом, — сказала она. — Ты знала? Что маленькие падают быстрее?

Я кивнула, но нахмурилась, когда она приподняла левую бровь.

— Ничего ты не знала.

Я пожала плечами и перелезла через нее, чтобы сесть на диван. Взяла книгу со столика и сделала вид, что читаю. Через несколько минут мне стало скучно.

— Давай что-нибудь делать.

— Нет, я занята.

Она положила рядом два листочка — аккуратный с таблицей и мятый с каракулями — и начала переписывать цифры с одного на другой. Уже тогда она твердо решила быть не такой, как все. Она не хотела того, что было у всех нас: обыч-

ной школы, обычных друзей, обычного будущего. Она хотела поступить в школу для одаренных детей, которым суждено было добиться успеха. Ей нужно было отправить свой научный проект в выбранную школу, чтобы получить стипендию. В конце концов она поступила туда, но это было не так просто.

Лидия распахнула дверь в гостиную. На ней была пижамная куртка с оборками, расстегнутая до середины груди. Волосы сбились в колтун.

— Ужасно жарко. Я сейчас растаю.

— Да, — согласилась я.

— Может, пойдем на пляж? — предложила она. — Я принесу сумку.

— Я тут пытаюсь сосредоточиться, — заявила Эмбер.

Лидия задрала брови, опустила подбородок и широко распахнула глаза: это было лицо Манерной Эмбер. Обычно мы делали это дома, вдвоем, когда наши родители обсуждали наших кузин и их многочисленные достижения.

Лидия кивнула в сторону кухни. Я спрыгнула с дивана.

— Поверить не могу, что она поцеловала его. — Лидия рылась в хлебнице. — Но все равно она не может придумать несколько испытаний подряд.

— Не может, — согласилась я, разыскивая в шкафчике арахисовую пасту и джем.

— Он так офигел, да?

— Да уж.

— Он какой-то странный, — заметила она, — но клевый.

Я больше ничего не сказала.

Через несколько минут мы вернулись в гостиную с тарелками тостов. Я снова забралась на диван и захрустела, роняя крошки. Лидия свернулась калачиком на потертом рваном кресле напротив. Мы болтали о погоде, о нашей матери и о соседке, которая спасла меня.

Эмбер громко застонала:

— Пожалуйста! Я же просила!

Мы услышали громкий топот на лестнице, потом песенку и шуршание одежды. Дверь с грохотом распахнулась, ударившись о стену. На тете Мардж красовался узорчатый халат поверх красно-белой полосатой пижамы и зеленые пластиковые шлепанцы.

— Привет, девочки.

Говорила она очень странно — как аристократка, растягивая гласные. Теперь я подозреваю, что таким образом она пыталась скрыть посаженный сигаретами голос и невнятицу в мыслях,

вызванную снотворным.

— Вы посидите утром дома? Я жду доставку, но мне надо уехать.

— Я занята, — буркнула Эмбер.

— И чем же?

— Своим проектом.

Тетя Мардж громко рассмеялась и закатила глаза.

— Ну, это по крайней мере порадует твоего дурака-отца…

Эмбер в ужасе посмотрела на нее: казалось, она сейчас расплачется.

Моя тетя не сказала бы этого, не назвала бы своего мужа дураком, если бы он был рядом и слышал ее. Он никогда не стеснялся и не сдерживался. Однажды он вырвал у нее из рук записную книжку — он считал ее попытки писать ерундой — и вышвырнул из окна в лужу. А еще он агрессивно, преувеличенно сильно целовал ее, сжимая ее ягодицы, пока она лезла рукой ему в шорты. Ему, казалось, было все равно, смотрим ли на это мы.

Я почувствовала острую необходимость сменить тему; я не хотела видеть, как моя двоюродная сестренка плачет.

— А куда ты едешь?

Но она уже развернулась, взмахнув полой халата, и исчезла в коридоре. Я слышала, как она поставила чайник на плиту, как тот засвистел. Как открывались и закрывались шкафы, как шлепались на стол салфетки.

— Какое чудесное утро, — громко пела она. — Какой прекрасный день!

Эмбер встала, уронив ручку.

— Невозможно! — закричала она. — Я всегда молчу, когда ты пишешь свой тупой дневник! Я всегда молчу, когда меня просят. Мне нужно всего несколько часов. Не понимаю, что в этом сложного.

В прошлом году я планировала тратить по десять минут каждый день, чтобы посидеть в тишине и записать свои самые сокровенные чувства в красный кожаный блокнот, очень похожий на тетин. Я не смогла. Вместо этого я начала рисовать каракули, придумывать маленькие комиксы о событиях дня или изображать целые натюрморты с мебелью и фруктами.

Эмбер взяла ручку и снова села.

И тут раздался глухой стук сверху, как будто кто-то топал по потолку. А затем пронзительный щебет и равномерный топот маленьких ножек по лестнице.

— Доброе утро, — пропищала Пейдж.

На ней была тонкая желтая ночная рубашка на бретельках. Волосы она аккуратно заплела в две косы, только несколько прядей надо лбом выбивались.

— Сегодня будет жарко, да? Мне кажется, будет слишком жарко. Как думаете, будет жарко?

Лидия рассмеялась. Я тоже не смогла удержаться.

— Что я сказала смешного? — спросила Пейдж.

Эмбер грохнула кулаком по столу.

— Да что с вами не так? — завопила она.

Пейдж замерла.

— Я… я…

— Наверное, хорошо, что ты такая милая. — Последние два слова Эмбер произнесла скрипуче, в нос, а потом сорвалась: — Потому что ты полная идиотка!

— Эй! — сказала Лидия.

Эмбер вытащила свой рюкзак из-под дивана, собрала свои бумажки в стопку и засунула их в рюкзак.

— Похоже, сегодня ничего не выйдет, — сказала она. — Будем заниматься чем-то другим.

— Да, — согласилась Лидия, — пожалуйста.

— Нам нельзя уходить далеко, — сказала я. —

Твоя мама хочет, чтобы мы остались здесь.

— Почему? — прошептала Пейдж.

— Ничего страшного, — сказала Лидия. — Поиграем где-нибудь рядом.

Мы валялись в гостиной и смотрели мультики, когда услышали, как открылась входная дверь. Вернулись мамы, оживленно переговариваясь, нагруженные пакетами. На лбу у обеих блестел пот, а у тети были новые длинные фиолетовые ногти, похожие на когти.

Она посмотрела на нас:

— Ну и где моя посылка?

Мы посмотрели друг на друга, а затем пожали плечами. Наверняка мы прятались в своем укрытии в саду, когда ее принесли.

— Бога ради! — Тетя покачала головой. — Наверняка ее забрала Марианна, она подлизывается к почтальону. Это просто унизительно! Отвратительно назойливая дамочка!

— Я думаю… — начала моя мама.

— Никакого толка от вас, — заявила тетя Мардж, направляясь на кухню.

— Вот сука, — прошептала Эмбер.

Я не согласилась. Мне нравилась тетя.

Эмбер, на мой взгляд, была куда хуже.

Я решила, что она мне не нравится. Я не нена-

видела ее, потому что это было бы слишком, но я решила, что она самонадеянная, высокомерная, нетерпеливая и, в конечном счете, грубая.

Я вела себя наивно.

Мне следовало ее возненавидеть.

Глава 18

Интересно, как бы сложилась моя жизнь, если бы в детстве меня окружали мальчики, как тебя, а не девочки. Давали бы мы друг другу задания на физическую силу или психологическую выносливость? Дрались бы, чтобы выяснить, кто прав? Расширялись бы наши ссоры на все сферы жизни, как случилось тем летом? Я никогда бы не сказала тебе этого раньше, потому что, думаю, ты бы, не рассуждая, обвинил меня в том, что я слишком полагаюсь на сексистские стереотипы. Но давай на несколько минут предположим, что в них есть доля правды.

Чем сестринские отношения отличаются от других?

Мой отец считал мою тетю хиппи, которая больше заботилась о морали, чем о манерах, полагал ее легкомысленной, развратной и неженственной. Он не был так уж не прав, но именно это нам, маленьким девочкам, нравилось больше всего. И моей маме тоже нравилось, потому что она была совсем другой — рациональной и мужественной.

Каждое лето они проводили вместе, шепта-

лись, смеялись. У них были свои словечки, фразы, которые не имели смысла для других, но вызывали улыбку у них обеих. У них была куча общих воспоминаний, они могли начать рассказывать о чем-то, но никогда не заканчивали. И все же их дружба мгновенно развалилась, когда это было по-настоящему важно.

Обе уже умерли.

Моя мать умерла быстро, от сердечного приступа, который начался с боли в спине. Тетя умерла медленно, несколько лет спустя, от рака пищевода. Мой отец тоже умер. Мой дядя живет в четырехэтажном доме в центре города, с колоннами у входной двери и белыми рамами. У него есть подруга.

Я говорю это, чтобы подчеркнуть, что моя семья не такая, как ваша, и никогда такой не была. Я никогда не сидела с ними за огромным столом, посередине которого дымился бы огромный кусок мяса, и не передавала соседу миски с картошкой и овощами. У меня просто нет в голове шаблона того ужина, где бы я могла поговорить. Я много раз ужинала с твоей семьей, но там было так много мужчин, и разговор шел по-другому.

Я бросилась на кухню. В голове орал сигнал тревоги. И да, из духовки действительно валил дым.

Я шлепнула по датчику кухонным полотенцем, и он быстро замолчал. Подняла крышку, поковыряла еду и несколько раз глубоко вздохнула, уверяя себя, что это всего лишь неудачное стечение обстоятельств, глупая ошибка, а не знамение.

Внутри были подгоревшие овощи и хрустящее мясо, прилипшее ко дну кастрюли. К счастью, когда я попробовала его, оказалось, что не все так ужасно. Я позвала остальных в зимний сад и отнесла туда кастрюлю.

Я разложила блюдо по трем тарелкам. Я думала сначала о еде, потом о браслете, потом о сигнализации и не позволила себе осознать всю важность этого момента. Я собиралась произнести слова, которые звучали в моей голове годами. Как вода, которая кружится в раковине и никогда не останавливается. Я никому не говорила этих слов раньше. Расставляла тарелки и чувствовала, как бьется сердце.

Лидия принесла из гостиной плед в клетку, села и накинула его на колени. Она стала похожа на старуху в общей комнате дома престарелых. Эмбер вошла и посмотрела в окно, в черноту сада. Она высушила волосы — сзади они аккуратно вились, а спереди изящно обрамляли лицо. Она выглядела безупречно, но почему-то казалась

увядшей. На чистейшей гладкой коже не было ни следа румянца, в глазах читалось напряжение.

Она села рядом со мной.

— Ты в порядке? — спросила я. — Ты выглядишь как-то…

— Просто устала. Легла поздно, встала рано.

— Ты уверена? — спросила Лидия. — Тут ничего…

— Со мной все хорошо.

Это продлилось всего несколько секунд, один взгляд — возможно, вопросительный, — но что-то в их разговоре даже тогда показалось мне не так.

— Со мной все хорошо, — повторила Эмбер.

Я смотрела, как они положили салфетки на колени и взялись за вилки. Я старалась дышать ровно и ждала, пока утихнет сердцебиение. Помахала рукой, разгоняя пар, и поправила оранжевую кастрюлю на подставке. Крышка лежала под углом. Я подумала, что она упадет и от нее отколется еще кусок. Я чувствовала себя очень сдержанной и замкнутой. Дождь медленно капал на стеклянную крышу, черное грозовое небо нависало над нами.

Лидия взяла нож и вонзила его в небольшой кусок говядины. Сок потек по тарелке. Эмбер замерла с вилкой у губ. Я села, взяла вилку и

сглотнула, прикидывая, с чего начать.

— Все хорошо? — спросила Эмбер. — Ты какая-то… Джесс?

Я глубоко вздохнула и впервые в жизни произнесла несколько коротких слов, которые двадцать лет кипели внутри меня и пытались прорваться наружу:

— Это я сделала. Я убила ее. Это была я.

Я раньше слышала от других, что время останавливается, но до того момента никогда не чувствовала этого сама. Я помню дождь, помню, как медленный стук капель постепенно начал ускоряться и стал неистовым и как мое сердце ускорялось вместе с ним. Я слышала, как свистит ветер в маленьких щелях в гнилом дереве дверей. Чувствовала запах сырости — так пахнет трава после дождливой ночи или ванная, в которой нет окон. Я смотрела на них, ожидая реакции, но ничего не видела. Я смотрела, как мир вокруг нас продолжал жить, ничуть не изменившись.

Я ждала яркой вспышки молнии, но это было не кино. Мы так и сидели в тишине при тусклом свете старой лампы. Я подождала еще немного, пока они обе не начали говорить одновременно. Губы у них двигались, как будто они жевали, издавая странные звуки. Я посмотрела на них,

и они замолчали. Замолчали и уставились друг на друга.

— Ну? — спросила я. — Кто-нибудь что-нибудь скажет?

Эмбер первая пошевелилась, посмотрела на стол и положила вилку рядом с тарелкой. Она подняла глаза и пристально посмотрела на меня. Сглотнула. Прищурилась. Громко вздохнула. Волна жара прокатилась по ее шее, розовые пятна выступили на подбородке.

— Это не ты, — сказала Лидия. — Джесси, правда…

Она сжала руки перед грудью, как будто молилась.

— Мы можем об этом не говорить? — бесстрастно спросила Эмбер. — Пожалуйста.

— Все не так просто, — произнесла Лидия, умоляюще глядя на меня. — Я хочу, чтобы вы знали…

— Нет, это я должна… — начала я.

— Нет, — перебила меня Лидия, — я…

— Хватит! — крикнула Эмбер. — Заткнитесь!

Мы замолчали.

Я посмотрела на них. Еда стыла на тарелках, они обе нахмурились и смотрели в стол. Эмбер покраснела от ужаса и ярости, глаза ее были

широко раскрыты. Лидия нервничала и теребила вилку.

— Мы все были там, — очень тихо сказала Эмбер. — Мы все виноваты.

— Нет, — возразила я. — Я…

— Нет, — одновременно со мной заговорила Лидия.

— Вы слишком много о себе думаете, — заявила Эмбер. — Вы решили, что виноваты в ее смерти, но это совершенно не так. Вы совершили ошибку? Да. Вы сейчас жалеете, что так получилось? Да! Но мы были детьми. Мы облажались. Мы…

— Это не только… — снова начала я.

— Это всего лишь трагическая случайность, — сказала Эмбер. — Я не хочу об этом говорить. Вас там не было, когда мы ехали обратно в город. Ваша мать несколько раз останавливалась, потому что ничего не видела сквозь слезы? Нет. Ваш отец выносил ее из машины на руках? Нет. Я знаю, что там произошло, я там была. Я уже говорила об этом. Не хочу повторяться. Я не хочу, чтобы мы так о ней говорили.

Я посмотрела на крышку кастрюли, которая качалась в центре стола. Она медленно раскачивалась влево и вправо, влево и вправо, но никак не останавливалась. Я продумала весь разговор,

их реплики и свои, неловкие паузы, как мы будем расходиться после еды, связанные правдой. Я думала, что что-то произойдет.

Я еще не закончила. Мне надо было еще столько всего сказать.

Лидия посмотрела на меня и тихо покачала головой.

— Ладно, — сказала она. — О чем ты хочешь поговорить?

— Мне все равно, — вздохнула Эмбер. — О чем угодно.

Она замерла и так побледнела, что ее лицо казалось почти серым.

Лидия расстроилась, но не выглядела удивленной.

— Тогда расскажи о работе, — попросила Лидия. — У тебя наверняка есть куча историй.

— Не знаю, — вздохнула Эмбер. — Кажется, мой босс пойдет под суд.

— Ого, а почему?

— Он совершил ошибку, — сказала Эмбер.

Она явно сказала это специально, но смысл ускользнул от меня.

— Серьезную? — спросила Лидия.

— Да.

— Насколько серьезную?

— С летальным исходом.

— Его лишат лицензии, да? — сказала Лидия. — Его накажут?

— Думаю, да. Хотя он блестящий врач и спас сотни жизней, он лишится лицензии.

— Думаю, он это заслужил, — решила Лидия.

— Ты серьезно? За одну ошибку?

— Правила есть правила, — отрезала Лидия.

Думаю, мое лицо оставалось невозмутимым, но сердце у меня судорожно колотилось, чуть не выпрыгивая из груди. Я внезапно поняла, что на самом деле хотела сделать. Я собиралась признаться в убийстве ребенка. Я предполагала, что есть вещи, которые выше правил, и, более того, — что мои сестры тоже так подумают. Я не продумала все до конца. Мне не пришло в голову, что они будут так сердиться, что просто не смогут меня простить. И я даже не догадывалась, что их гнев может иметь последствия. Позвонят ли они в полицию? Арестуют ли меня? Посадят ли меня в тюрьму, и как это повлияет на твою работу, и что подумает обо мне сын…

— Это всего лишь ошибка, — сказала я.

Я вдруг представила, что сыну придется провести без меня много-много лет.

— Нет. Это не оправдание, — отрезала Лидия.

— Хорошо, что она не судья, — сказала Эмбер.

Я не помню, ответила ли я. Возможно, кивнула.

— Простите, — проговорила я через несколько секунд. — Я просто… ну знаете. Такое иногда бывает. Но я понимаю, что вы имеете в виду, и я…

— Пожалуйста, — сказала Эмбер, — пожалуйста. Я тебя умоляю. Давай просто забудем об этом?

Я провела пальцем по губам, как будто застегивая их на молнию.

— Хорошо. — И я действительно так думала.

* * *

Ты меня перебил. Ты испугался. Ты смотрел на дорогу, на белый снег на темном асфальте, но взгляд твой остекленел, как будто ты думал о чем-то другом, далеком.

— Я не знаю… — начал ты. — Я не уверен, хочу ли я все это знать.

— Что?

— Я не думаю, что это разумно. Я не уверен, останутся ли наши отношения прежними, если ты мне это расскажешь.

Я попросила тебя объяснить, о чем ты, и ты попытался. Ты снова и снова что-то говорил, а

потом замолчал на несколько минут.

— Просто нам всегда было легко, — сказал ты, — легко друг с другом. И я не знаю, будет ли по-прежнему легко после этого.

Глава 19

— Мне нужно выпить вина.

Эмбер резко встала, ножки стула проскрипели по плиткам. Она убежала из зимнего сада. Лидия опять убрала волосы в хвост. Когда в дыру в гнилой раме залетел ветер, она укуталась в плед. Я слушала, как дождь стучит по стеклу, ветер свистит в ветвях плакучей ивы, хлопает дверь кладовки.

— Джесси… — прошептала Лидия.

— Да?

Она кашлянула.

— Кажется, ты не все знаешь.

Я понимала, что мы все отчасти виноваты. А еще понимала, что виновата сильнее всех. Я не стала спрашивать, что она имеет в виду, потому что она и без того казалась нервной. На нее нельзя было положиться. Я решила, что она поведет себя странно. Я не спросила себя — и не спрашивала себя десятилетиями, — есть ли у нее причина для беспокойства.

Эмбер вернулась с бутылкой красного вина и, наполнив свой бокал, поставила его в центр сто-

ла. Лидия пожала плечами и тоже налила себе. Я покачала головой.

— Я купила профитроли, — сказала я наконец. — Пойду принесу.

Я не торопилась. Медленно выкладывала маленькие круглые пирожные в пирамиду на квадратной тарелке и ругала себя за глупость. Я чувствовала, как бьется сердце, как остальная часть истории — правда, которая десятилетиями таилась внутри меня, — хочет вырваться наружу. Я скрыла бы свою вину в глубине души и навсегда запечатала там. Признаваться — безумие. Это была импульсивная, идиотская идея. Я должна была думать о сиренах, наручниках и полицейском участке, а не об идиллической легкости, просторе и спокойствии. Я могу без всего этого прожить. А вот жить с тобой и нашим сыном — не могу.

Когда ярость уступила место реалистичному взгляду на вещи, я поняла, что паутина моего прошлого, толстый слой вины помешает любой возможности новой жизни. Надежда, терзавшая меня столько времени, превратилась в печаль, обиду и желание бунта. Я заставила себя представить тебя и нашего сына, удержать вас перед мысленным взглядом и признать, что мне придется этим удовлетвориться.

Я взяла профитроли, но остановилась в дверях, услышав голоса.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — сказала Лидия.

— Зачем ты врешь? — спросила Эмбер.

— Я правда не понимаю. Что случилось? Почему ты такая, так…

— Злюсь? — прошипела Эмбер. — А ты как думаешь?

— У вас все хорошо? — спросила я.

Лидия сидела на прежнем месте, но плед соскользнул на пол. Эмбер стояла над ней, наклонившись почти к самому ее лицу. Я поставила тарелку с пирожными на стол.

— Ну? — спросила я.

Я несколько раз слышала, как они шептались, но никогда не пыталась выяснить о чем.

— Почему ты злишься? — спросила я.

— Все в порядке, — сказала Эмбер и плюхнулась на свое место.

— Я ненавижу этот дом, — вдруг сказала Лидия. — Я всегда его ненавидела.

— Тогда зачем ты приехала? — спросила Эмбер.

— Меня пригласили. И вообще, я хотела повидать сестру.

— И все? — Эмбер скрестила руки на груди. — Никаких других причин?

Лидия положила руки на стол и сжала кулаки. Эмбер откинулась назад, широко расставив ноги.

— Точно? — агрессивно спросила Эмбер, а затем ее голос смягчился. — Слушай, я же за тебя волнуюсь. Ну да, я злюсь, но я беспокоюсь. У тебя все в порядке?

— У меня? — взвыла Лидия. — У меня? Конечно! Это ведь не я…

— Ты явилась в таком виде, стучала в дверь, бросила машину посреди дороги — и в очень опасном месте. — Эмбер взглянула на меня и недоверчиво покачала головой. — И ты странно себя ведешь. То смеешься, то готова заплакать. Ты такая… эмоциональная.

— Да-да, понимаю. Я поняла, к чему ты ведешь. Я…

— Хватит, — сказала я.

— Ты что, не видишь… — начала Лидия.

— Зачем мы вообще приехали? — спросила Эмбер, повернувшись ко мне. — Что ты задумала?

— Ничего!

Эмбер фыркнула.

Лидия покачала головой.

— Вы не обязаны были приезжать. Вы сами так

решили.

Мы посидели в тишине несколько секунд.

— Я вам наврала, — сказала я наконец.

Эмбер вздохнула.

— Когда мы играли в эту игру… говорили о том, чего хотим. Я должна была быть честной. Я хотела помириться с вами обеими, я пригласила вас сюда для этого, и я вам соврала.

— Ну, — сказала Эмбер.

— Я хочу… больше всего на свете… завести еще одного ребенка.

Она поморщилась:

— Еще одного? Зачем?

— Ой, — сказала Лидия. — И что?

— Все очень сложно. Видимо, мне не суждено этого сделать.

— Какой ужас, — сказала Лидия.

— Зачем ты это нам говоришь? — спросила Эмбер.

— Потому что именно из-за этого мы оказались здесь. Потому что семья вдруг стала важна для меня. Я хотела увидеть вас обеих. Я не лицемерю. Я просто хотела увидеть вас снова.

Я не знаю, поверили ли они мне.

— Ну а почему они должны были поверить? — спросил ты меня. — Если это не было правдой?

Это была не вся правда. Но это не была и ложь.

— Я, кажется, не хочу сладкого. — Я кивнула на профитроли. — Пойду спать. Утром я все уберу.

Я знаю, что ты считаешь своих братьев слишком властными и полагаешь, что родители постоянно вмешиваются не в свои дела. А мне это нравится. Мне нравится, что проблемы в твоей семье — когда бы они ни возникали — всегда на первом плане. Мне нравится, что вы спорите, когда это необходимо. Мне нравится, что кто-то вздыхает, а потом начинает разговор, кто-то закатывает глаза, а кто-то тихо матерится, но недостаточно тихо. Я никогда раньше не видела таких открытых людей. Я привыкла к семьям, которые прячутся, говорят одно, а имеют в виду другое, держат свои чувства под замком, как хрупких птиц, будто свежий воздух им вреден.

Я хочу, чтобы ты понял, что я не такая, как ты.

Я лгала, потому что не знаю, что такое правда.

Так понятнее?

Я хотела спать, но постоянно прокручивала в голове кусочки разных головоломок. Я думала о жизни своей сестры: тревожный ребенок, травмированный подросток, замкнутый взрослый — и что дальше? Я не могла найти в ней место

для браслета. Я могла понять, как расслабленная, выпившая женщина, которая смеялась в машине, постоянно бывает угрюмой и боязливой. Я понимала опасения кузины; я чувствовала нечто похожее. Тогда я не осознавала, что все, что она говорила… само ее появление здесь… нужны были только для того, чтобы заставить меня усомниться в сестре.

Глава 20

Мы провели утро на солнышке, играя в странную игру, бóльшую часть которой составляла подготовка к собственно игре. Превратили сад в торговый центр: наше укрытие стало детской комнатой, клумбы — складами, а стол на террасе — кассой с кассовым аппаратом из картонной коробки и конвейерной лентой, которая на самом деле была одеялом. Строить было непросто: приходилось таскать стулья и цветочные горшки, искать наверху вешалки, развешивать их на ветках.

Мы собирались приступить к игре. Обсуждали, кто будет покупателем, а кого назначить директором. Мы были готовы начать, но нервничали и не могли определиться с деталями. Все вымотались, вспотели и злились и заглянули в дом попить. Мама возилась на кухне, готовила нам еду для пикника на пляже. Мы даже не оглянулись на наш импровизированный торговый центр, когда потащили корзину с едой по тропинке.

Когда мы поднимались наверх и тропинка начинала спускаться, я всегда напрягалась. Увидим

ли мы море на прежнем месте? Будет ли вода стоять у скал или отступит, оставив полосу песка? Будут ли другие люди на нашем кусочке пляжа? Ответы обычно были одинаковыми — да, нет.

В плетеной корзине мы обнаружили, как и ожидали, бутерброды и чипсы, а также шесть долек лимона и четыре шоколадных мороженых, которые мы съели сразу, устроившись под навесом, пока они не растаяли. Мы поливали себе шеи и затылки водой из бутылок и закопались пальцами ног в песок, чтобы найти более прохладный слой. Я первой закончила свой бутерброд и, пока остальные ели, придумала полосу препятствий — надо было пробежать по скалам, прыгнуть в море, обогнуть дальний флаг и раньше всех добраться до нашего пледа. Я попробовала два раза, пока остальные смотрели и запоминали.

— Ну что, все поняли?

Все трое закивали. Я была в восторге.

— Может, сначала потренируетесь, а потом устроим гонку?

И тут все перепуталось.

Пейдж боялась и не хотела погружать голову в воду. Лидия надела дурацкие пластиковые сандалии. Она поскользнулась на мокром камне, поцарапала колено и хотела вернуться в дом,

чтобы заклеить ранку пластырем.

— А как же медузы? — спросила Лидия.

Я застонала:

— Тут нет никаких медуз.

Она всегда начинала воображать худшее.

Эмбер закатила глаза:

— Хорошо, давайте сделаем попроще.

Она предложила альтернативный вариант: более простую полосу препятствий. Пейдж не пришлось бы залезать в море, а Лидия отвлеклась бы от царапины на колене. Я разрывалась между обидой, потому что новая версия была намного лучше, и благодарностью, потому что Эмбер нашла хорошее решение.

Мы чуть не пропустили ужин.

Сели за стол голодные и уставшие после нескольких часов бега по пляжу. Эмбер вся взмокла, но радовалась, потому что выиграла почти все гонки. Лидия не могла перестать зевать даже во время еды и умывания. Пейдж уснула прямо на одеяле, с полотенцем в руках.

Я забралась в постель. Волосы мои пахли морем, и мне было очень хорошо. Я прожила один из самых прекрасных дней в своей жизни. Я думала, что так пройдет и следующий день, и еще один.

Но это был последний хороший день, послед-

няя ночь, когда мы засыпали в безопасности, чувствуя себя счастливыми.

Наутро похолодало, лужайка оказалась мокрой от росы, а солнце скрылось за облаками. Мы собрались в патио, зарылись босыми пальцами ног в мокрую траву и думали, как провести еще один прекрасный день.

— Во что будем играть? — спросила Эмбер. — Может, в болота?

Это была одна из моих любимых игр даже тогда, в десять лет. Она совсем простая. Цель состоит в том, чтобы добраться до укрытия, не касаясь травы, — потому что на самом деле это не трава, а трясина, и под ее поверхностью прячутся крокодилы. Выигрывает тот, кто первым доберется до цели. Использовать можно только те предметы, которые уже есть на улице: шезлонги, надувные игрушки, которые мы иногда брали с собой на пляж, мешки с землей для клумб, которые дедушка сложил кучей.

Эмбер выиграла, как всегда, потому что она была самой изобретательной: она взяла две подушки с ротангового садового дивана и прыгала по ним. Я радовалась, что наше лето наконец-то набирает обороты — предыдущий день был великолепным, и этот будет таким же, — и не

расстроилась, что проиграла. Я пришла второй, прикрепив к ногам пластиковые корытца, в которых когда-то были анютины глазки.

— Ты бы утонула, — крикнула Лидия, которая все еще сидела на террасе и без особого энтузиазма надувала матрас.

Я помню, что ее обида только подстегнула меня.

— А это плавучие сапоги.

— Я тебя обгоню! — крикнула Пейдж.

— Да ну, — сказала Лидия.

Пейдж побежала по краю сада. Это не совсем соответствовало правилам — нужно было идти прямо по болоту, — но мы не стали с ней спорить. Она проскакала среди деревьев, затоптав несколько цветов, и нырнула в укрытие.

Становилось все жарче. Мы играли то в одну игру, то в другую, и день шел своим чередом. Конечно, мы иногда ссорились — когда одна из нас вышла из образа, чтобы отмахнуться от осы; когда одна начала командовать, а остальные взбунтовались, — но в целом это было идеальное утро.

Вскоре после полудня я побежала в дом, спросить, когда мы будем обедать.

— Ой! — Мама посмотрела на часы и на рабочие

материалы, разложенные по столу. — Как быстро время летит. Поедите снова на улице?

Я нашла плед для пикника и взяла из холодильника четыре сэндвича, завернутых в фольгу, четыре мандарина и четыре пакета чипсов. Побежала на улицу отнести девочкам еду. Мы разобрали бутерброды, потому что Эмбер не хотела сыра, а Лидия не любила такую ветчину. Пейдж отказалась делиться своим тунцом и бросила корочки на лужайку для птиц. Мне удалось очистить свой мандарин сразу. Я обрадовалась, потому что Эмбер со своим не справилась и просто откусила кусок сбоку, не став разделять его на дольки.

— Давайте играть во что-нибудь другое, — предложила Пейдж.

— Например? — спросила я.

Она помолчала несколько секунд и сказала:

— Может, в прятки.

— Я согласна, — ответила Лидия.

— Кто первым водит? — спросила Пейдж.

— Давай ты, — сказала Эмбер.

Пейдж очень плохо умела прятаться. Мы всегда находили ее в одном и том же месте: она сворачивалась калачиком в дальнем углу укрытия и закрывала глаза. Искала оно тоже плохо и часто

начинала скучать и расстраиваться, не найдя даже первого человека. Поэтому мы прятались в очень заметных местах.

Эмбер нашли первой, и она стала во́дой. Мы сыграли несколько раундов, но получалось очень быстро.

— Скучно, — вздохнула я. — Нет новых мест.

— Давайте заходить дальше, — предложила Эмбер.

— Куда?

— Куда угодно.

— Ну не знаю, — засомневалась Лидия. — Нужно провести какую-то границу.

— Ладно. Хорошо. — Эмбер огляделась. — Как вам такое? Можно прятаться где угодно в саду, в коттедже, на пляже, в поле или на дороге, но не дальше поворота на деревню?

— Надо спросить разрешения, — сказала Лидия. — Могут не пустить.

— Пустят, — возразила я. — Но ладно, спрошу.

Я побежала к задней двери. Мама так и сидела на кухне, колотила по кнопкам калькулятора. Я стремительно задала вопрос, в надежде, что она просто скажет «да», не слушая. Конечно, эта стратегия сработала.

— Разрешила? — крикнула Лидия.

— Да! — ответила я.

— Я же говорила, — сказала Эмбер.

— Ты водишь первая, — заявила Лидия.

Я остановилась рядом с ними и закрыла глаза.

— Считаю только до пятидесяти, — сказала я, — так что давайте быстрее.

Я услышала тяжелое дыхание и шаги, которые явно удалялись к воротам. Помню, что я очень волновалась, как будто наш маленький мир разом расширился. Сейчас я очень жалею об этом: о том, что устала, что захотела приключений, что обманом выпросила у мамы опасное разрешение, что водила первой.

— Я иду искать! — крикнула я наконец.

Первым делом я дошла до поля и обнаружила свою сестру, притаившуюся за перелазом. Затем я обыскала пляж, долго бегала по песку, но так и не нашла кузин. Я перебралась обратно через заборчик и услышала кашель. Эмбер лежала под кустом рядом с подъездной дорожкой. Я пошла к перекрестку, пробираясь через кусты и прыгая в канавы. Потом вернулась и обыскала коттедж. Мелькнула мысль о чердаке, но вместо этого я вышла на улицу, чтобы осмотреть заросший деревьями участок за садом.

Я нигде не могла ее найти.

Пейдж исчезла.

И тогда я поняла свою ошибку.

Я искала в новых местах, но она-то оставалась на прежнем месте.

— Нашла, — объявила я.

Лидия и Эмбер шли за мной, всего в нескольких метрах.

— Я знаю, где она.

Я побежала к укрытию и сдернула одеяло с сушилки для белья.

Но там никого не было. Я услышала, как скрипнула ручка задней двери. Мама вышла на крыльцо и позвонила в колокольчик, призывая к ужину.

— Сколько времени? — крикнула я.

— Мы немного припозднились, — ответила она.

Я посмотрела на остальных:

— Где она?

— Не знаю, — ответила Эмбер. — Она одна ушла.

— Вы ее не видели?

— Уже давно. — Лидия покачала головой.

— Девочки!

— Нам нужно ей сказать, — сказала Лидия.

— Эмбер, скажи.

— Это не я ее потеряла!

— Но ты придумала расширить границы, — сказала я.

— А ты спросила разрешения, — ответила Эмбер.

Она скрестила руки на груди и задрала подбородок.

— Девочки! — снова крикнула мама. — Идите ужинать.

— Ладно, — согласилась я. — Я скажу.

Я не боялась, потому что все еще верила, что взрослые могут все исправить.

Я ошибалась.

Глава 21

Телефон лежал на зарядке у кровати. Было два часа ночи. Я подумывала позвонить тебе. Я представляла, как ты лежишь в родительском доме, в кровати, в которой спал подростком, на синем в полоску в белье. Я почти видела дубовые полы, оранжевый ковер и встроенные шкафы. Я могла бы притвориться, что я дома; ты бы ничего не узнал. Я просто хотела услышать твой голос. А еще представляла себе нашего сына, свернувшегося в слишком маленькой для него раскладной кроватке. Я не хотела его будить. Я знала, что ты бы мне этого не простил.

Тем не менее я держала телефон в руках и пролистывала ваши фотографии: самая первая — он, завернутый в полотенце, кричит, а ты счастливо улыбаешься; в отпуске — он в желтых плавках сидит у тебя на плечах; несколько фотографий за пару недель до поездки — он топает по листьям в парке и разбрасывает их, а я пытаюсь сделать идеальный осенний снимок.

Я представила себе похожий набор фотографий: ты с нашей дочерью на руках, уже понимающий,

как с ней обращаться; она в купальнике с оборками и с надувным кругом на поясе, ты улыбаешься у нее за спиной; двое наших детей, вместе закопавшиеся в листья, их улыбки перед камерой. Я выбросила эти образы из головы.

Мечты о жизни жестоки.

Это как туча, которая висит у меня над головой и отбрасывает тень на все вокруг. Как застрявшая в голове мелодия, которую невозможно заглушить. Это секрет, потому что нельзя говорить другим людям, что ты мечтаешь о чем-то, что другие считают само собой разумеющимся. Для меня первый раз был именно таким. Этот образ — двое наших детей рядом — часто возникает у меня в голове, а потом тает, как снег на дороге.

Я понимаю, почему ты тоже когда-то этого хотел. За последние несколько недель я видела твоих братьев чаще, чем за предыдущие семь лет. Они все больше мне нравятся и все больше не нравятся.

Тим — всегда старший, всегда первый — оказался неожиданно прямолинейным. Сначала он пришел забрать твои вещи, грустно улыбался, роясь в документах в твоем кабинете, и звонил от твоего имени. Общение с Уиллом и Сэмом сводилось к эсэмэскам и случайным визитам.

Когда мы впервые заговорили о детях, я надеялась, что наша семья будет похожа на твою — упрямую, нежную и честную, — а не на мою. Но в последнее время мы гораздо ближе к полному краху.

* * *

Я то погружалась в сон, то просыпалась. Мне снилась разбитая посуда, осколки, режущие ноги; зубы, выпадающие на ладонь; крики сына где-то в доме, где я никак не могу найти его. Наконец я проснулась от лучей розового солнца, красящего кремовые стены спальни. Было уже довольно поздно. Я накинула халат на плечи и надела толстые носки. Потрогала радиатор: холодный.

Я открыла дверь в коридор и что-то задела ногой, как будто уголок коврика задрался. Я наклонилась его поправить и увидела сложенный листок. Я развернула его и прищурилась, чтобы прочитать тонкие линии — буквы только заглавные, с наклоном, поперек красной линовки на странице.

Я ЗНАЮ, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА

Я попыталась сглотнуть, но язык как будто приклеился к нёбу. Лежала ли записка под ковриком? Под дверью? Кто мог ее написать?

Лидия? Нет.

Эмбер? Нет.

Это не имело смысла.

Но кто тогда?

Не только мы могли попасть в коттедж.

У Чарли был ключ. У Марианны тоже.

Марианна была там в ту ужасную ночь, это она спасла меня. Я помню, как я кричала, паниковала, говорила ей, что это моя вина, моя ошибка.

Чарли.

Я могла представить его в разных видах: милый мальчик на пляже, растрепанный парень в офисе и красивый мужчина, который пришел починить бойлер, чувствуя себя в нашем коттедже как дома. Не исключено, что он поднялся по лестнице и сунул записку под коврик. Но что он мог знать?

Я все еще верила, что он совершенно невиновен.

Я не осознавала, какую роль он сыграл в нашей истории.

Я услышала, как включился душ, и спустилась вниз. Села за кухонный стол и положила записку перед собой, рядом с солонкой и перечницей в форме котят, которые стояли там уже несколько десятилетий. Снаружи зашумела машина, и я

поспешила к двери.

Белый фургон с надписью «МОБИЛЬНЫЙ РЕМОНТ ПИТА» припарковался рядом с перелазом. Ко мне подошел мужчина в темно-синем комбинезоне и ботинках со стальными носками.

— Лидия?

— Я ее сестра.

— Я из-за машины. Это которая на дороге стоит, да?

Я кивнула.

— Думаю, беда в шине. У вас есть ключи?

Я покачала головой, не в силах перестать думать о записке.

Он встал на крыльце и покрутил головой.

— Сейчас попробую найти.

Не закрывая дверь, я обыскала карманы пальто сестры и ее сумочку, которая все еще висела на перилах. Посмотрела на кухне и подняла все подушки. Потом пошла в ее спальню. Я слышала, как механик насвистывает, и чувствовала запах сигаретного дыма, потянувшийся по лестнице. Я проверила все тумбочки и заглянула под кровать, где увидела чемодан, так и не открытый. Я постучала в дверь ванной, но из-за шума воды она меня не услышала.

Я спустилась вниз.

— Извините, — сказала я. — Вы зря приехали. Не могу найти ключи.

— Она сказала, что это срочно. Да еще и в воскресенье. Наверняка…

— Сколько она должна? — спросила я, вытаскивая кошелек из сумки.

— Восемьдесят.

Я подняла брови. У меня были наличные.

— Вы приедете еще раз? — спросила я.

— Скажите, чтобы она мне позвонила. — Он схватил деньги.

В конце концов появилась сестра, одетая в толстые черные легинсы и нелепый шерстяной джемпер до середины бедра.

— Доброе утро, — сказала она.

— Доброе.

— Нам нужно обсудить вчерашний вечер, но сначала дай мне выпить кофе.

Лидия поставила чайник и насыпала в кружку растворимого кофе.

— Что это?

Она села рядом со мной и взяла записку. Прочитала, приподняла бровь, нахмурилась и нервно поправила волосы.

— Что это? — повторила она и перевернула записку, как будто ища почтовый штемпель или

адрес отправителя.

— Не знаю.

— А кто знает?

— Она лежала у моей двери.

Сестра наклонила голову набок.

— В твоей комнате?

— Снаружи.

— И откуда она взялась?

— Чарли. Наверное.

— Чарли?

— Думаю, да.

Она покачала головой, сначала медленно, потом резче.

— Почему ты так думаешь?

— Он был в коттедже вчера днем, между прочим. Так что вполне мог подняться и оставить мне записку. Ничего странного.

И тут меня осенило.

Я обнаружила записку прямо у двери моей спальни, но ведь на самом деле это была не моя спальня. Я спала в комнате, которую мы делили в детстве, самой большой комнате в передней части дома. Записку нашла я, но он мог оставить ее для любой из нас.

Я не могла быть уверена, что она предназначена мне.

— Как ты думаешь, что ему известно?

— Понятия не имею, — вздохнула я.

— И что делать будешь?

Я помолчала, пока она наливала себе кофе, — чайник как раз закипел.

— Не знаю. Наверное, надо поговорить с ним.

— Мне кажется, это слишком рискованно. — Она подняла бровь.

— Лиди… Я должна.

— Это ведь может быть кто-то другой? Это могла быть…

Она посмотрела в окно: серое, затянутое облаками небо в мелких белых точках, серебристый иней на траве, безжизненно обвисшие ветки ивы.

— Марианна, — сказала она, глядя в окно.

— Думаешь? Мне это тоже приходило в голову.

Лидия помолчала, отпила кофе. Встала, собираясь приготовить тосты.

— У тебя есть мысли? — спросила я.

— Я думаю.

Она убрала банку с кофе в шкаф, а молоко — в холодильник. Села. Встала. Сходила в кладовку и принесла совок и швабру. Смела какие-то крошки с пола. Села рядом со мной. Пригладила волосы и положила ладони на стол.

— Лидия?

— Мне кажется, ты всего не знаешь о той ночи. Я не думаю, что виновата только ты.

— Я знаю.

— Нет… — начала она.

— Дело не только во мне. Я понимаю.

— Я хочу, чтобы ты рассказала мне, что произошло, — медленно сказала она. — Мне нужно знать, что именно ты помнишь.

Я растянула губы в широкой улыбке.

— Пожалуйста, Джесс.

Я не могла ей ничего сказать. Она могла взять телефон, позвонить в полицию и сказать, что перед ней сидит убийца. Я устроилась поудобнее, стараясь выглядеть расслабленной.

— У меня другой вопрос. Я нашла кое-что в твоем чемодане.

Она перестала ерзать на стуле.

— Что? Ты рылась в моих вещах?

Я помолчала.

— Я искала ключи от твоей машины. Механик уже приехал.

— Что? Когда?

— Я видела браслет.

Она закрыла лицо ладонями и покраснела.

— Я просто люблю украшения.

— Ты хранишь его с того лета. Почему?

— Господи. — Лидия вдруг прижалась лбом к столу. — Господи боже…

С этими словами она вскочила.

— Он мне нужен.

— Он просил тебя позвонить попозже. Но…

— Нет. Я про Чарли.

Глава 22

Я объяснила маме, что нас только трое, хотя должно быть четверо, потому что одна очень хорошо спряталась. Мама покрутила головой влево-вправо, словно надеясь найти пропавшую сестру. Наклонилась, посмотрела мне прямо в глаза, что всегда было довольно страшно, и резко выпрямилась.

— Девочки. Быстро в дом и садитесь есть.

Нас усадили за стол, а она выбежала на улицу. Громко пробежала по террасе — мы увидели, как мелькнули мимо окна длинные волосы. Покричала возле ивы. Побежала вдоль коттеджа, по заросшему плющом проходу. Еще покричала в саду:

— Пейдж? Пейдж? Пейдж! Пора есть. Пейдж?

Лидия ковыряла панировку куриных наггетсов, отскребая ногтем оранжевую корку с белого липкого мяса. Эмбер ела быстро, торопливо заталкивая картошку в рот и откусывая куски курицы, как будто не осознавая серьезности ситуации. Мне это казалось притворством. Я мучилась от голода, но не могла поднести вилку ко рту. Все

казалось несъедобным, даже отвратительным: густой томатный соус с маслянистым блеском; кучка картошки фри, желтой и склизкой.

Вошла тетя Мардж — в кафтане, с бигуди в волосах, с густо намазанным тональным кремом лицом и ярко-красной помадой.

— Никому не говорите, — сказала она, направляясь к чайнику. — И уж точно не говорите дяде. Меня ждет кавалер… Это всего лишь сосед, и мы просто выпьем по бокалу вина, но он рассказывает мне кое-что полезное для моей книги, но все равно, приятно выглядеть хорошо.

Мы ничего не сказали, просто сидели и смотрели на свои тарелки.

— Девочки? В чем дело? Где ваша мама? Где… Пейдж?!

Мама вернулась в кухню. Куртку она просто набросила на плечи, влажные пряди волос прилипли ко лбу.

— Что случилось? — спросила тетя Мардж.

— Не знаю, — ответила мама. — Она уже вернулась?

Мы покачали головами.

— Они ее потеряли.

Она повернулась ко мне, своей старшей дочери, и снова наклонилась, посмотрев мне прямо

в глаза:

— Просто в саду, да? Дальше вы не ходили?

Я заметила, как Эмбер и Лидия обменялись обеспокоенными взглядами.

— Нет, — ответила Эмбер. — Мы же тебе сказали… Мы…

— Я спросила, — сказала я. — Я спросила, можно ли нам поиграть подальше.

— Насколько подальше? — спросила тетя Мардж.

— На пляже или на улице.

— Там дождь? — спросила Лидия.

— Небольшой, — сказала мама. — Где вы видели ее в последний раз?

— На тропинке до пляжа, — пояснила Лидия. — Я спряталась за перелазом.

— А она пошла дальше?

— Да.

— Это плохо, — сказала их мать. — Прилив…

— Уже стемнело, — сказала Лидия.

— Еще нет, — возразила тетя Мардж.

Лицо у нее оцепенело, как у лунатика. Ее как будто не было с нами в кухне. Она вздрогнула, когда зашипел чайник, и вышла в прихожую.

— Пейдж? — крикнула она.

Входная дверь открылась и снова захлопну-

лась.

— Пейдж?!

Мама кивнула нам, а затем еще раз обошла дом, крича имя моей кузины, пока не охрипла. Я встала и поставила тарелку в раковину. Лидия сделала то же самое, а затем оперлась о кухонную стойку.

— Уже темно, — повторила она, глядя на часы, висящие высоко над плитой.

Мама с тетей вернулись.

— Что нам делать? — спросила тетя Мардж.

Мама взглянула на нас троих, рассевшихся по кухне.

— Надо позвонить Дэвиду.

Тетя Мардж замерла.

— Да? Уже?

Мама кивнула.

— Позвонишь? Или, может…

— Пожалуйста.

Она села за стол и опустила голову на руки.

— Девочки, приберитесь тут, пожалуйста, — велела моя мама. Под раковиной моющее средство, тряпки лежат рядом.

Теперь я совершенно отчетливо понимаю, почему никто не хотел ему звонить. Полагаю, он отнесся к звонку снисходительно и одновре-

менно впал в ярость. Я знаю, что ты, любовь моя, великолепно справился бы в такой ситуации. Нельзя отрицать, что ты всегда был прекрасным отцом: поднимал сына, когда он падал в парке и разбивал губу, не паниковал, как я, а успокаивал его и прикладывал влажную салфетку к ране; давал ему парацетамол, когда у него поднималась температура; стоически переносил детские истерики, как будто крики не доходили до тебя, не гудели эхом в твоей голове. Я знаю, что ты был бы добр и ко мне, если бы мы оказались в такой ситуации: сказал бы, что садишься в машину и звонишь в полицию и что ты меня ни в чем не винишь, что это не моя вина.

Он, наверное, тоже позвонил в полицию.

Вскоре на улице завыли сирены.

Мы выбежали из кухни в гостиную, влезли на спинку дивана и отвели в сторону занавески, чтобы посмотреть на улицу. Мама стояла в окружении нескольких полицейских, яростно жестикулируя и указывая на пляж. Тетя так и не вылезла из своего кафтана, в свете фар отблескивали шлепанцы. На веранде соседнего коттеджа замигала лампочка, и из дома вышла женщина. Она недолго постояла у деревянной колонны крыльца и вернулась домой.

Я все еще была уверена, что Пейдж в безопасности. Я чувствовала, что мир добр. Я даже вообразить не могла, что произошло что-то по-настоящему плохое. Я села рядом с сестрой и кузиной, и мы стали терпеливо ждать, когда все снова будет хорошо.

Но потом время словно замедлилось, растянулось, как будто песочные часы положили набок. Я постоянно поглядывала на часы на полке в гостиной, но стрелки, казалось, не двигались. Я видела, что было семь часов, потом снова семь часов, а через несколько минут — все еще семь часов. Я смотрела на часы часами, ждала, пока минутная стрелка не указала вниз.

Я не могла больше этого выносить. Я была уверена, что мы должны сделать что-то еще. Я знала, что мы отлично решаем всякие головоломки.

— Как думаешь, мы должны помочь? — спросила я.

— Нет, — ответила Лидия.

Она хотела сидеть на диване и ждать.

— Мы только помешаем, — сказала Эмбер.

Она включила телевизор. Теперь я понимаю, что она начинала бояться все сильнее, и на то были веские причины. Вероятно, она думала об отце, который теперь знал, что произошло, и

должен был приехать на следующее утро. Скорее всего, она думала — и была права, — что если с его любимой дочкой что-нибудь случится, то он будет винить ее.

Из динамиков раздалась музыкальная тема из мыльной оперы, которую любила наша тетя.

— Нам не разрешают это смотреть, — сказала Лидия.

— Все равно уже конец, — ответила Эмбер.

Я открыла входную дверь и сняла с вешалки тонкий плащ. В этом году он мне еще не понадобился, и его так и не достали из чехла. Я прислушалась к голосам, доносившимся с подъездной дорожки:

— Ей семь лет.

— Светлая кожа.

— И рыжие волосы.

— Синяя майка, но что толку.

Тетя сидела на крыльце, уронив голову на колени, и ее плечи дрожали. Я на мгновение задумалась, не слишком ли серьезна ситуация, не ошиблась ли я в своих предположениях, но потом вспомнила, что тетя всегда вела себя преувеличенно драматично и часто рыдала.

Я спустилась с крыльца, и по шее потек дождь. Было не холодно, но я затянула застежки на

капюшоне пальто и опустила его ниже на лоб. Еще не совсем стемнело, но все вокруг казалось дымчато-серым, а солнце скрылось за облаками. Взрослые все закутались в дождевики и надели резиновые сапоги до колен. Я смотрела, как они расходились из-под небольшого навеса по разным уголкам поля и по разным участкам пляжа. Я пошла за ними по тропинке.

— Проверьте подлесок.

— И камни не забудьте.

— Кто проверяет пещеры?

Я видела, как волны разбиваются о песок. Мы всегда соблюдали правила, иногда нестрогие, но всегда четкие: не ходить в обуви на второй этаж, ежедневно принимать ванну. И еще одно: как только вода достигала скал, мы должны были возвращаться в коттедж; нам не разрешалось находиться на пляже, когда море покрывало песок.

Скалы почти полностью скрылись под водой.

Ей нужна была бы серьезная причина, чтобы уйти так далеко. Она не любила прятаться перед коттеджем, потому что в школе ей постоянно внушали, что незнакомцы опасны. Она считала, что переулок рядом с коттеджем слишком сырой и темный, а к тому времени действительно уже темнело. Она не хотела прятаться в доме из-за па-

утины в углах. И она бы не пошла на пляж одна.

Если только она не выполняла свое испытание.

Я уже собиралась побежать в коттедж и сказать тете, что надо обязательно посмотреть в пещере, когда заметила в воде что-то.

Рядом было несколько групп взрослых, но они все шли в неправильном направлении. Я, не задумываясь, рванула вниз по песку. Я прищурилась, пытаясь разглядеть в тусклом свете хоть что-нибудь. Я наступила на мокрую скалу и почувствовала, как нога в дешевых детских резиновых сапогах скользит. Я слегка поскользнулась, холодный острый камень разорвал штаны и порезал ногу. У меня до сих пор остался шрам под коленом. Я вдруг почувствовала себя совсем ребенком: в слишком большом плаще и слишком маленьких резиновых сапогах, наедине с безбрежным морем и ужасной паникой внутри меня.

— Эй! Помогите! Сюда!

Я помню, что несколько фонариков направились в мою сторону.

Свет был очень ярким, и я инстинктивно сделала шаг назад, потеряла опору и упала в неглубокую лужу. Через несколько секунд я

вынырнула, кашляя и пытаясь снова нащупать опору. Ко мне протянулась рука женщины — нашей соседки, — которая подняла меня на ноги и отвела от камней на песок.

— Ты в порядке? — спросила она, наклонившись ко мне.

— Я что-то видела.

— Что? Что ты видела?

— Рядом со скалами что-то плавало.

— Не двигайся, — сказала она и закричала: — Сюда!

Несколько человек медленно бежали по пляжу, тяжело проваливаясь в песок в громоздких дождевиках и сапогах. Какой-то мужчина добежал до нас первым и вошел в воду.

— Я что-то вижу! — крикнул он. — Сейчас достану.

Я почти не могла дышать.

Я понимала, что одежда у меня промокла, нога поцарапана, я дрожу и трясусь, но на самом деле я ничего этого не чувствовала.

— Топляк, — крикнул он.

— Что это значит? — спросила я.

— Просто дерево, которое принесла сюда вода, — ответила Марианна. — Не беспокойся. Но ты молодец, что увидела. А теперь иди домой

греться.

— Она здесь.

Это было сказано очень тихо. Голос еле донесся до нас с пляжа, — но донесся.

Я обернулась.

— Она здесь.

Голос прозвучал во второй раз, и время ускорилось.

Я стояла как вкопанная, пока взрослые бежали по тропе к пляжу. Фельдшеры в своих ярких жилетах мчались мимо скал.

— Берни! Мардж!

— Скорее!

— Мы ее нашли!

— Быстрее!

Глава 23

У Лидии заблестел лоб, словно паника просачивалась из-под кожи. Она внезапно встала, вылила кофе в раковину и выбежала в прихожую.

— Куда ты…

Но меня прервал длинный протяжный звонок. Кто-то нажал на кнопку и не отпускал.

— Я открою! — крикнула она.

Я подошла к дверям.

— Привет.

Это был Чарли.

Было странно видеть его таким бодрым и веселым.

— Работает? — спросил он, глядя мне в глаза. — Включился?

Он обошел мою сестру и направился в кухню.

— Прохладно пока, — заметил он.

Чарли прошел мимо меня, открыл шкаф с бойлером и положил инструменты на стол. От него было очень много шума: ботинки громко стучали, двигался он широко и свободно, да еще и напевал что-то, как будто совершенно не чувствуя атмосферы в коттедже.

Лидия закрыла входную дверь, взглянула на меня и побежала за ним.

— Ничего не работает, — агрессивно сказала она, — ужасно холодно.

— Черт, — ответил он. — Я был уверен, что к этому времени все будет в порядке.

— Почему? Ты так хорошо разбираешься в сантехнике? — спросила она.

Чарли повернулся ко мне и нахмурился.

— Это что, нынче обязательно для риелторов? — продолжила Лидия. — Может, лучше найдете сантехника? Я бы предпочла кого-то, кто в этом разбирается.

Она, казалось, была на грани какого-то взрыва эмоций… или он уже случился. Я стояла в дверях, наблюдала за этой странной сценой и тоже начинала злиться. Я хотела знать, что случилось с браслетом. Я знала, что он означает какую-то связь между ними, но какую? Я чувствовала, что все мои попытки признаться и разобраться были тщетными.

— Черт, — сказал Чарли. — Это как-то…

— Просто найди сантехника.

Она говорила громко, слишком громко, артикулируя каждый слог, как актриса, обращающаяся к зрителям на дешевых местах. И вообще, она

будто декламировала роль, а не говорила, что чувствует. Ты ведешь себя так, репетируя вступительную речь перед важным делом, а я — когда готовлюсь поговорить с воспитателями по поводу необъяснимых синяков на теле нашего сына. Она злилась, но явно не из-за бойлера.

Мне бы очень хотелось понять, что происходит. Я хотела спросить их обоих о браслете, но посмотрела вниз и увидела халат, перехваченный поясом, и тапочки на ногах. Я не могла конфликтовать с малознакомым мужчиной, одетая как домохозяйка средних лет перед сном.

— Мне нужно переодеться.

Я бросилась наверх. На минутку остановилась на лестничной площадке, чтобы прислушаться, но из кухни больше ничего не было слышно. У себя в комнате я натянула джинсы и свитер, надела толстые кашемировые носки и заправила футболку в джинсы, чтобы не замерзнуть. Побежала обратно вниз.

— Нужно сегодня, — громко говорила Лидия. — Какое скоро? Что значит скоро?

— Я ему позвоню, — согласился Чарли.

— Он должен прийти сегодня, — настаивала она, — потому что мы не можем больше так жить.

— Ладно. Хорошо.

Он вышел из кухни и, казалось, не удивился, увидев меня.

— Все в порядке?

Я кивнула.

— Я все сделаю. — Он смущенно указал в сторону кухни.

— Отлично, спасибо.

— В деревне есть сантехник, так что мы скоро что-нибудь придумаем.

Чарли вышел, закрыв за собой входную дверь. Я услышала, как хлопнула боковая дверь в подсобке, — наверное, это ветер — и уже собиралась пойти и запереть ее, когда входная дверь открылась снова.

— Ты что-то забы…

Передо мной стояла Эмбер.

— Доброе утро. — Она вытащила руки из рукавов и отбросила кроссовки в сторону. — Ты наконец проснулась.

— Я давно проснулась.

— Но всяко не раньше меня.

— Нет. На этот раз нет.

Думаю, разочарование было написано на моем лице.

— Прости, — сказала она и покачала головой.

— Ничего страшного, я тоже бываю такой.

— Ты не такая плохая, как я.

— Ты и в этом со мной соревнуешься?

Она подняла руки в знак капитуляции.

— Оставим прошлое в прошлом, ладно?

— Послушай…

— Нет. Я первая.

— Нет. Правда, я…

— Я повела себя грубо, — сказала Эмбер. — Я тебя не выслушала. Я растерялась. Я знаю, что мы все несем ответственность — и ты тоже. Я не думаю, что нам нужно это переживать заново. Потому что с ней не все хорошо, понимаешь? Это неполезно — в первую очередь для нее. Не стоит снова и снова возвращаться к этому.

Я попыталась вставить слово, но она махнула рукой.

— Я была права, я похоронила эту часть своей жизни. Мне не нужно больше ничего знать. Я не хочу больше ничего знать. Я не хочу, чтобы ты винила себя, потому что прошлое — это прошлое, и нам не нужно больше на этом зацикливаться.

Она улыбнулась.

— Вот. — Эмбер отодвинула меня в сторону. — Пойду в душ.

Я буркнула что-то, пока она поднималась по

лестнице.

Потом вздохнула.

Я бродила по гостиной вокруг кофейного столика, время от времени останавливаясь у камина и глядя на себя в зеркало. Я выглядела очень старой. Не старше, чем обычно, просто очень усталой и измотанной.

Я подождала. Еще подождала.

Эмбер спустилась вниз в халате и пошла на кухню.

— Она что, еще спит? — крикнула Эмбер.

— В смысле?

Я пошла за ней.

— Где Лиди? — спросила она.

— Она спустилась и…

И тут мне все стало ясно.

Я вошла в подсобку. Дверь так и была открыта, в ряду резиновых сапог не хватало пары, а на коврике лежали тапочки.

Она ушла.

Глава 24

— Быстрее! — крикнул кто-то.

Я дрожала в мокрой одежде, ботинки вязли во влажном песке. Я натянула капюшон на голову, но дождевая вода стекала по ткани, капала на щеки и с подбородка. Несколько недель мне было тепло — слишком тепло. Я видела, как солнце садится где-то справа, но не чувствовала его тепла. Чувствовала только холод, сырость и страх.

Марианна посмотрела на меня и тоже застегнула куртку до подбородка и натянула капюшон поглубже. В глазах у нее плескалась тревога.

— Что… — хотела спросить я, но она отвернулась и убежала.

— Врача! — крикнул кто-то еще.

— Быстрее!

— Сейчас же!

Это повторялось снова и снова. Перекрикивались поисковые группы, полиция, фельдшеры, пара случайных прохожих, которые, как и я, не могли уйти, когда наконец-то что-то начало происходить. Я увидела маму, тянущую за руку свою сестру. Я видела яркий кафтан тети и ее

скользящие по песку шлепанцы.

Я не шевелилась.

Вокруг меня царила тишина. На пляже были огни и шум, но пляж был далеко. Постепенно толпа начала приближаться; звуки ее нарастали, как гудение пчелиного роя: бегущие взрослые с фонарями и носилками. Они пронеслись мимо меня, вверх по галечной дорожке, к машинам скорой помощи, размахивая фонарями.

Я похромала за ними, несмотря на пульсирующую боль в ноге и дикий холод. Ветер обдувал ранку через дыру в штанах. Я не могла перестать дрожать. Я шла за ними через поле к коттеджу и видела, как носилки грузят в машину с сиреной. Тетя тоже бросилась в машину, потеряв по пути один шлепанец.

— Что случилось? — крикнула Эмбер.

— Она цела? — кричала Лидия.

Они стояли в летних пижамках — полосатых хлопковых шортах и курточках на пуговицах — под скошенной крышей веранды. Эмбер наклонилась через перила, чтобы все разглядеть, и вздрогнула, когда капли дождя с водосточной трубы попали ей на голову. Лидия скрестила руки на груди и дрожала, прижавшись спиной к стене.

Я побежала к ним.

— Я не знаю. Я ее не видела.

К нам подошла женщина в форме:

— Девочки, давайте внутрь.

Мы не шевелились.

— С ней все будет хорошо, — сказала она. — Ее нашли в пещере. Она оказалась заперта там из-за прилива. Она в шоке и замерзла, но с ней все в порядке. Вы можете мне доверять. Не о чем беспокоиться.

Лидия начала истерически рыдать, царапая себе лицо.

— Это мы виноваты, — выла она.

Женщина-полицейский наклонилась и обняла ее:

— Успокойся, милая. Хочешь теплого молока?

— Нет, — сказала Лидия, — нет. Мне нужно… Я должна объяснить… Это я…

Женщина взяла ее за локоть и повела в дом. Я побежала к «скорой помощи».

Пейдж сидела на краю каталки, свесив ноги с бортика. Лицо у нее было все в красных пятнах, грязное, в слезах, но она улыбалась. Я запрыгнула внутрь и прижала ее к себе, почти насильно. Эмбер вскочила за мной, оттолкнула меня и заняла мое место. Пейдж заизвивалась.

— Пустите, мне же больно!

— Ты цела! — сказала Эмбер.

Пейдж кивнула.

— Папа уже приехал? — спросила она.

Лицо Эмбер омрачилось.

— Что случилось? — спросила я.

Еще много месяцев я не могла понять, что произошло, и еще много лет не могла полностью осознать это, но странное ощущение в руках и ногах было предвестником чувства вины. Это я устала от тесноты и настояла на том, чтобы расширить географию игры. Это я не нашла ее. Конечно, позже, когда я совершила более серьезные преступления, все стало еще хуже, но именно в этот момент зародилось чувство, которое будет преследовать меня десятилетиями.

— Я спряталась и не могла выйти, — сказала Пейдж.

— Почему ты ушла так далеко? — спросила я.

Она пожала плечами.

— Это из-за… — начала я.

— Перестань, — велела Эмбер и очень внимательно посмотрела на многочисленных взрослых вокруг нас.

Но ответ был очевиден.

Пейдж оказалась в пещере из-за испытаний — игры, которую начала я, которая с самого начала

была неприятной и с тех пор стала еще хуже.

— Идите домой, — сказала мама, стоявшая у машины. — Пожалуйста.

— Я хочу поехать! — возразила Эмбер.

— Никто никуда не едет, — сказала тетя Мардж. — Мы тоже сейчас вернемся в дом.

Пейдж снова улыбнулась, на этот раз немного теплее, и кивнула, как бы говоря, что все в порядке, — но что-то все еще казалось неправильным.

Когда мы подошли к коттеджу, Чарли стоял на крыльце. Я не видела его раньше, но решила, что он присоединился к поисковой группе или это сделали его родители. Когда свет с крыльца упал на его лицо и я разглядела тень на подбородке, ярко-голубые глаза, меня как будто ударило. Свободные шорты, низко сидящие на бедрах, сине-черные кроссовки с развязанными шнурками… Я хотела, чтобы он повернулся ко мне, раскрыл объятия и прижал к груди.

Лидия стояла в дверях коттеджа, из которого исходило теплое сияние, и судорожно жестикулировала. Чарли наклонился к ней и время от времени кивал. Затем он выпрямился и покачал головой. Она воздела руки, потом спрятала лицо в ладонях. Он положил руку ей плечо.

Я сказала себе, что это ничего не значит.

Прислушалась к внезапному спазму в желудке и отмахнулась от него.

Я думала о свете фонаря на крыльце, о шортах, висящих на бедрах, и о точеных икрах.

Когда мы подошли, они отодвинулись друг от друга. В дверях появилась женщина-полицейский с дымящейся кружкой в руке. Он быстро обхватил ее ладони своими, а затем отвернулся, кивнул нам и исчез в толпе.

Но их шепот остался в моей памяти на всю ночь. Я снова и снова видела это прикосновение.

Теперь я знаю, что означал тот шепот: это была договоренность о тайне. Я знаю и то, что в момент прикосновения он передал ей браслет — знак, скрепляющий их договор.

Глава 25

Доброжелательная женщина в форме проводила нас в коттедж. Она встала в прихожей, чтобы снять мокрый плащ и вытереть обувь о коврик. При этом она улыбнулась и приподняла брови, как бы говоря: «Ну и погодка!» Она спросила, не нужно ли нам чего-нибудь еще, например перекусить перед сном или взять с собой в спальню воды. Мы трое одновременно замотали головой.

— Я могу подняться наверх с вами, — предложила она и поставила ногу на нижнюю ступеньку.

Мы снова замотали головой.

— Тогда идите спать, а я посижу здесь. — Она кивнула в сторону гостиной.

— Мы будем купаться перед сном? — спросила Лидия, когда мы дошли до лестничной площадки.

— Не дури, — сказала Эмбер, — уже слишком поздно.

Я поняла и вопрос — мы всегда принимали душ перед сном, и ответ — потому что день был не такой, как всегда. Мы переоделись в пижамы, почистили зубы в ванной и встали у окна спальни.

Мы видели, что происходило в машине скорой помощи. Пейдж все еще сидела на носилках, болтая ногами, на ее плечи было накинуто одеяло. Тетя Мардж обнимала дочь и разговаривала с полицейским, который что-то быстро записывал в маленький белый блокнот.

— Ну и натворили мы дел, — сказала Лидия, — нас накажут.

— Но с ней же все хорошо, — возразила Эмбер.

Мы услышали шаги на скрипучей лестнице и бросились по кроватям.

— Девочки?

Это была мама.

— Вы там?

Она открыла дверь и заглянула внутрь. И увидела трех маленьких девочек, мирно лежащих в кроватках — с открытыми глазами, но совершенно спокойно.

— Прекрасно.

Мама сняла плащ, но волосы у нее были мокрые, а с ресниц стекала черными полосами тушь. Она подошла, постояла между двумя кроватями и села на пустую.

— Я немножко испугалась.

Она почесала щеку. Потерла лицо руками. Она не хотела рассказывать нам, насколько сильно

испугалась, — и, честно говоря, пока я сама не стала матерью, это все равно ничего бы для меня не значило, — и при этом она знала, что ее задача как родителя и взрослого — успокоить и уложить нас спать.

— Надеюсь, вы не очень… — она помолчала, — расстроились. Все будет хорошо, обещаю. Пейдж нормально себя чувствует. Она смеется, и врачи просто молодцы. Она согрелась и скоро будет дома. Вам нечего бояться. Ладно? Но, — она широко улыбнулась, блеснув зубами в тусклом свете ночника, — уже очень, очень поздно, и мне нужно, чтобы вы все хорошо выспались. Утром все снова будет нормально, как всегда.

Я задумалась о слове «нормально». Оно эхом отзывалось у меня в голове.

Что такое нормальность?

В моем сарайчике в дальнем углу сада — домашней студии — у меня есть холст. Я не рисую на нем регулярно, только когда застряну на чем-то, устану или пробую новую палитру. Он занимает почти целую стену, и всякий раз, когда я заканчиваю работу над ним, я снова грунтую его белым или кремовым, а однажды загрунтовала насыщенным темно-синим. Я точно знаю, что норма для этого холста — пустота.

Я много раз видела, как ты играешь в компьютер, умираешь и возвращаешься к последнему сохранению — к моменту, когда все еще просто, когда у тебя есть оружие, много жизней и все остальное. Вот бы и в жизни все было так. Чтобы после каждой катастрофы можно было сделать шаг назад и поступить по-другому.

Думаю, моя мама действительно верила, что утром мы проснемся в своих кроватях — все четверо, — и лето продолжится как ни в чем не бывало, как будто его не прервали страх и паника, как будто мы не разминулись с большой бедой.

— Если что-то случится, просто разбудите меня. Но все будет хорошо.

Она подошла сначала ко мне, встала на цыпочки, чтобы поцеловать меня в лоб, и откинула волосы с моего лица.

— Спокойной ночи, — прошептала она.

Мама наклонилась к моей сестре, лежавшей на нижнем ярусе, потом подошла к Эмбер. Наконец выключила свет.

— Сладких снов, — сказала она, закрывая за собой дверь.

Мы лежали неподвижно несколько минут.

А потом с соседней кровати послышалось шуршание, одеяло соскользнуло, подушка пере-

вернулась. Я услышала под собой всхлипы, потом Лидия громко сглотнула. Я пролежала в тишине минуту или две, а потом спросила:

— Не спите?

Эмбер включила маленькую оранжевую лампу для чтения, прикрепленную к ее кровати.

— Я не могу заснуть, — пожаловалась она.

— Знаю, — сказала Лидия, — но все равно выключи свет. Еще поговорим.

— Это правда какой-то ужас? — спросила Эмбер. — Не только я так думаю?

Я села на кровати и натянула одеяло на ноги.

— Я не сказала, что упала. В самую глубокую лужу, поскользнулась на камне. Смотрите, какая рана. — Я закатала штанину пижамы и свесила ногу с кровати.

Эмбер наклонилась, чтобы посмотреть, и чуть не потеряла равновесие, но вовремя ухватилась за край кровати. Она истерически расхохоталась. Я не смогла сдержаться и тоже рассмеялась.

— Заткнитесь, — шипела Лидия. — Тихо! Обе!

— Оценили? — спросила Эмбер и еще раз показала, что чуть не падает.

— Ага. А ты видела мою рану? Яма была такая глубокая, почти по пояс, и меня вытащили…

— Заткнитесь, — шипела Лидия.

— Не могу поверить, что она так поступила, — сказала Эмбер.

— Я видела ее на носилках. Я даже подумала, что она умерла.

Я рассмеялась, потому что это было нелепо — мысль о том, что моя кузина могла умереть той ночью. Невероятная глупость. Как можно было даже предположить такое?

— Да уж, — сказала Эмбер. — Не повезло бы тебе тогда.

Мне?

Я не поняла.

— Погоди, ты о чем?

Эмбер рассмеялась и рухнула назад на кровать; рейки заскрипели, прогибаясь под ней.

— Это же ты придумала испытания.

— Я? Это ты велела мне постучать к соседям. Это ты отправила ее в пещеру одну!

— Серьезно? — спросила Лидия.

— Я придумала одну маленькую задачку, — пояснила Эмбер. — Я вообще хотела выбрать то, что мы и так делаем, например поплавать в море или что-то в этом роде, но ты использовала слово «испытание», а это совсем другое дело.

— Что за бред?

Но она была права. Я первой использовала это

слово. Все знают, что испытание не может быть одиночным, что из него неизбежно вытекает следующее.

Лидия встала, подошла ко второй кровати и подняла руку к лампочке.

— Ложитесь, — прошептала она.

Мы услышали шаги — две пары ног — на лестнице. Лидия побежала обратно к своей кровати, повернулась лицом к стене и с головой накрылась одеялом. Эмбер закатила глаза, а затем быстро выключила лампочку. Я легла и лежала неподвижно. Дверь тихо открылась.

— Ты останешься? — прошептала Пейдж. — Ты останешься до его приезда?

Она прошла на цыпочках по ковру, но под ней скрипели половицы. Залезла на свою койку, и тогда заскрипели пружины.

— Ложись под одеяло! — велела тетя Мардж.

Она расправила одеяло и подоткнула по бокам. Села рядом, и пружины просели еще больше.

— Спи.

Я часто засыпала под звуки дыхания моей сестры и кузин — легкого, тихого, спокойного. Однако в ту ночь я едва слышала их, потому что тетя дышала тяжело, хрипела и сопела при каждом вдохе. В школе много говорили о курении, о том,

что из-за него не только плохо пахнешь и часто кашляешь. Оно наносит непоправимый вред легким. Слова и болезни звучали как названия насекомых: «жгутики», «эмфизема». Тетя задыхалась и посвистывала, и я думала, что у нее в груди слизь.

Думаю, что шум мешал мне недолго. Я явно заснула, потому что потом проснулась от крика — не знаю, сколько времени прошло, но было еще темно.

Я сразу же села, ударившись коленом о раму кровати. С кровати напротив на ковер соскользнуло одеяло. Я услышала, как что-то — кто-то? — упало на пол. Лидия, лежавшая внизу, вскочила и стукнулась головой о рейки под моим матрасом. Я услышала ее вскрик.

Я дернулась, когда комната внезапно озарилась ярким белым светом.

Эмбер стояла у двери, держа палец на выключателе. Лидия высунулась из своей кровати и смотрела на нас, быстро переводя взгляд с одной на другую. Пейдж вопила, сжавшись в комок. Лицо у нее было совершенно белое.

Тетя стояла рядом с ней и то нежно гладила ее по щеке, то махала рукой у нее перед глазами.

— Пейдж, все хорошо, успокойся.

Пейдж продолжала кричать.

Она не могла остановиться.

Эмбер запаниковала, открыла дверь в коридор и позвала мою мать. Лидия громко зарыдала. Я хотела что-то сказать, чтобы успокоить ее, но не успела даже открыть рот. Тетя Мардж завопила, перекрывая крики:

— Тихо! Все! Замолчите!

Эмбер перестала звать на помощь. Лидия прекратила плакать.

Пейдж кричала по-прежнему.

Глава 26

Я вышла на подъездную дорожку и огляделась. Сестру я не увидела. Слева садилось солнце, пурпурные облака густели, сливаясь воедино; небо под ними горело огнем. Я инстинктивно двинулась в ту сторону — прямо в тапочках, без пальто. Я хотела прикоснуться к небу, ощутить жар этого пламени, окунуться в облака, похожие на сахарную вату. Я остановилась в конце подъездной дорожки и смотрела, как свет танцует на море. Откуда-то издалека шла буря. Я знала, что она приближается, потому что ветер стал резким и холодным и в воздухе стояла влага.

Я услышала звон за спиной и обернулась.

Пошла на звук, к соседнему домику.

На веранде висела «музыка ветра» — металлические трубочки и вырезанный из дуба листик на крючке. Звук успокаивал, как музыка в спа-салоне. Зачарованная, я приблизилась. Миновала ворота, прошла по тропинке и остановилась на веранде. Потрогала деревянный листик.

На нем было что-то вырезано. Я перевернула его.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
АНТОНИИ АБШИР
1970–1984

Я не слышала, как она вышла из домика, и не понимала, что рядом кто-то есть, пока она не заговорила.

— Джессика…

Я так быстро обернулась, что чуть не поскользнулась на влажном крыльце в своих уютных тапочках. Покосилась на свои ноги.

— Марианна… — Я попыталась улыбнуться.

— Я собираюсь пойти прогуляться. Я бы позвала тебя с собой, но… — Она кивнула на мои тапки.

— Соглашусь. — Я чувствовала себя очень нелепо.

Она была одета гораздо более разумно, в утепленную зимнюю куртку и походные ботинки. На голове у нее была красная шапка с помпоном, как у детей, и варежки вместо перчаток.

— Все в порядке? — спросила она, глядя на мою руку.

Я так и не отпустила деревянный листок.

— Ой! — Я разжала пальцы, и он ударился о металлические трубочки. — Простите.

Я вдруг поняла, насколько неуместно стоять в

тапочках на чужом крыльце.

— Извините, пожалуйста, я не должна была…

— Мне нравится, что я слышу свою дочь каждый день.

— Дочь? — переспросила я, и мне вдруг стало все ясно.

За несколько лет до того ужасного лета в соседнем коттедже собрались гости. Мне было семь лет, и я очень хотела пойти туда.

«Это поминки», — сказала моя мама.

Я не знала, что это значит.

«Раньше там жила девочка. Сегодня десять лет, как она умерла».

До этого я не знала, что дети могут умирать. Я никогда не слышала, чтобы такое происходило.

— Ты напоминаешь мне ее, — сказала Марианна, стоя рядом со мной на крыльце. — Всегда напоминала.

— Ой, правда?

— Она тоже постоянно о чем-то думала и всегда витала где-то в будущем. Однажды я видела тебя на утесе, и сзади ты была похожа на нее. Я помню, как ты повернулась ко мне и улыбнулась, и горе снова обрушилось на меня. Я только жалею, что она уже не сделает того же, что и ты. Жалею, что у нее не будет поводов улыбаться.

— Боже мой, Марианна. Я не знала. Я…

Она пожала плечами.

— Вы куда-то в конкретное место собираетесь? — Не то чтобы меня интересовал ответ, но тему явно следовало сменить.

— Просто хочу подышать свежим воздухом, — ответила она и наклонила голову набок. — У тебя все в порядке, милая?

Я собиралась снова кивнуть, сообщить, что все хорошо, что мы просто устали от поездки и измотаны ночными разговорами, оправданиями и извинениями. Вместо этого у меня вышел какой-то странный звук: выдох и тихий стон.

— Это из-за… — начала она, но вопрос повис в воздухе.

О чем она собиралась спросить? Она хотела сказать: «…Из-за семейной встречи?» Да. Связано ли это со смертью моей двоюродной сестры двадцать лет назад? Да.

— Не вини себя, — сказала она. — Ты была ребенком.

— Я…

— Ты была ребенком, — повторила она. — И тем летом произошло много такого, что невозможно понять в… Сколько тебе тогда было? Ты даже в среднюю школу еще не ходила.

— Десять, — прошептала я.

— Ну вот.

Чувство вины отступило, и я расслабилась, но только на мгновение.

Потому что то лето годами терзало меня, и мои воспоминания были слишком болезненными и слишком вросли в меня. Обычный здравый смысл тут не мог помочь.

Я думала, что она на этом закончит, улыбнется мне, может быть, помашет рукой, а потом уйдет гулять в закат. Я не ожидала ничего, кроме банальностей. Но она сделала паузу, как будто раздумывая, продолжать ли, а затем сказала:

— В любом случае в происшедшем гораздо больше вины других людей, чем твоей.

— Кого вы имеете в виду?

Она прислонилась к двери. Устроилась поудобнее, готовясь к разговору. Взглянула на облака, которые становились все темнее и тяжелее, застегнула молнию под горло и кашлянула.

— Марджери, или Мардж, как ее? Разве нет? Я говорю о твоей тете Мардж. Хотя, конечно, ей хватило наглости обвинить во всем твою мать. Ты обсуждала это с кем-то раньше?

— Но в чем ее вина?

Я знала, что после этого события она сломалась.

Начиналось все медленно: нет ничего странного в том, что мать, потерявшая ребенка, отказывается есть, говорить и спать в течение нескольких недель. Но после этого ситуация начала стремительно ухудшаться. Через шесть месяцев наступил хаос. Через год стало еще хуже. Мой дядя часто звонил нам домой и оставлял сообщения о том, что моя тетя по-прежнему не ест, не говорит и не спит, что она почти не встает с постели, что она не мыла голову уже несколько недель.

Мама никогда не перезванивала.

— Я бы винила себя в том, что меня не было дома, — сказала Марианна, — если бы кто-то из моих детей умер вот так. А ты бы не винила себя?

Говорила она агрессивно, явно осуждая тетю.

— Но она была там. Она была с нами. Она была дома.

Марианна слегка отстранилась от меня.

— Нет, ее не было дома. Совсем.

— А где же она была?

— А ты не знаешь? Она говорила, что осталась дома?

Я попыталась вспомнить все в деталях. Я не могла поручиться, что она именно так и сказала. Я помню, как тетя стояла у коттеджа в фиолето-

вом фланелевом халате, который, как я теперь вспоминаю, был с чужого плеча. Он был слишком коротким, едва доходил до колен, и она никогда бы не купила фланель.

— Нет. Но я видела ее у дома. Она была в халате. Я… ой.

— Вот именно, — ответила Марианна. — Она была в моем доме.

— Она и…

— Не совсем, — сказала Марианна. — Она надеялась… соблазнить моего мужа. Она пыталась это сделать почти каждое лето.

— Колина?

Я знала, что тетя бывает в гостях по соседству, но думала, что она всегда ходила туда вместе с мамой, и не могла представить, что кто-то захочет соблазнить мужчину, который, как мне казалось, орудовал топором, расчленяя трупы.

— Не удивляйся так, дорогая. В свое время он был вполне хорош собой. — Она изогнула бровь.

— Не понимаю.

— Я не хочу говорить лишнего или притворяться, что понимаю, насколько тяжело ей жилось, но я бы сказала, что у нее были некоторые проблемы. Она часто напрашивалась в гости. Она заявлялась в пальто или кардигане, под которым было наде-

то что-то нелепое. Она любила провоцировать: расстегнет пальто, а под ним черное, прозрачное, кружевное… А однажды пришла в одних… как это сейчас называется… стрингах. Обычно она приходила к нам домой раз в неделю, пока я была на репетиции хора. Когда я возвращалась, она валялась на моем диване в нижнем белье, потягивала вино и болтала с моим мужем о своей книге. Ей якобы нужны были советы, как описать вскрытие, или что-то такое. Он — самый неконфликтный человек на свете — смотрел телевизор через ее голову, вежливо поддерживая разговор. Но в тот вечер она отрубилась на диване, пьяная, в черном кружевном лифчике и трусиках.

Я представила тень своей тети на подъездной дорожке. Рыдающую тень в фиолетовом халате. Я не знала, что она куда-то ходила. Я не могла представить, что под тем фланелевым халатом на ней было только откровенное нижнее белье.

— Колин смотрел новости, — продолжила Марианна. — Как будто ее там и не было. «Я не знал, что делать, — сказал он. — Я ждал тебя». Мы не могли отправить ее домой в таком состоянии, поэтому уложили спать в комнате моего старшего сына. Он тогда учился в университете и устроился там на лето барменом, чтобы заработать поболь-

ше денег. Мы планировали разбудить твою тетю рано утром, чтобы она могла уйти домой и никто ничего не узнал.

— Я не… я не подозревала.

Я считала тетю веселой и интересной. Мне нравилось, что она такая беззаботная и легкомысленная. Я хотела быть такой же, как она: курить и пить, запивать таблетки вином, одеваться ярко, сочетая несочетаемые узоры. Мне казалось, что ей живется очень легко и непринужденно.

Воскрешая ее в своем воображении, я чувствовала, как этот образ рушится.

Она часто страдала от похмелья. Часто речь ее становилась невнятной. Иногда она забивалась в угол дивана так, что казалась почти невидимой. Я вспомнила, как о ней говорили отец и дядя: всегда пренебрежительно, свысока. Вспомнила, как ее муж высмеивал ее писательские амбиции и даже не допускал, что она когда-нибудь закончит книгу.

— Я забрала ее ключ, — сказала Марианна. — Нашла у нее в кармане. Я не хотела, чтобы она проснулась и вернулась домой посреди ночи, все еще пьяная. Я должна его вернуть. — Она взглянула на свою дверь. — Попозже занесу, — решила она.

— Вы о нас заботились, — пробормотала я, чувствуя, как постепенно промокают ноги в тапочках.

— Вы мне нравились, — произнесла она. — У меня тогда было два мальчика. Мне нравилось смотреть, как вы, девочки, бегаете по саду, плещетесь в волнах. Мне нравилось, что вы рядом. Я знаю, что вы… Я хотела связаться с вами. Я не знала как, но хотела сказать вам — еще тогда, — что вы ни в чем не виноваты.

Глава 27

Пейдж продолжала кричать.

Звук заполнял всю комнату, водопадом обрушивался с потолка и затапливал все вокруг.

Лидия скорчилась на краю кровати, вцепившись в простыню, и снова заплакала. Эмбер стояла у двери, все еще держа палец на выключателе. Нижняя губа у нее дрожала. Я тоже почувствовала, как рыдания поднимаются в горле, потому что очень боялась, что этот крик никогда не закончится.

Помнишь первые месяцы после рождения нашего сына? Мы передавали друг другу плачущего ребенка часами, до утра. Я периодически выходила из спальни, чтобы принести воды, а на самом деле просто хотела оказаться где-то в другом месте. Но плач младенца всегда преследовал меня. Я слышала его вопли через потолок; стеклянная люстра вибрировала от высоты его крика. Я помню, как вернулась в спальню, а ты ходил вокруг кровати, в трех шагах от наших прикроватных тумбочек, прижимая сына к груди. Я помню твои дикие глаза и то, как ты дрожал, отдавая его мне.

— Это невыносимо, — сказал ты.

— Невероятно? — переспросила я.

Я едва слышала тебя, пришлось читать по губам.

— Невыносимо! — крикнул ты. — Я не могу больше…

Ты пожал плечами. Как будто пытался… повесить зеркало и, испугавшись всех этих саморезов, проводов и уровня, решил все-таки вызвать мастера. Ты спустился на первый этаж прямо в пижаме, достал из шкафа ботинки, накинул на плечи пальто и, пока я стояла на верху лестницы с плачущим малышом на руках, ушел.

Тебя не было минут десять, максимум пятнадцать. Ты вернулся с коробкой сухого молока, пачкой из шестидесяти подгузников и тремя упаковками конфет, которые помогли нам пережить ночь. Но что случилось в те десять минут, когда я оставалась наедине с криками? Я поверила, что этот звук останется со мной навсегда — не просто будет отдаваться эхом в ушах, а будет по-настоящему звучать вокруг до моих последних дней.

Я чувствовала то же самое и в нашей детской спальне. Я думала, что ее крик не прекратится никогда.

Тетя ударила по подушке — раз, два раза, три.

Совсем тихий звук, который мягкая подушка почти погасила. Тете это не помогло, и она грохнула кулаком по раме кровати.

Наверное, она пыталась заставить нас замолчать, но мы ее даже не услышали. Меня не удивила ее беспомощность — она всегда была ненадежной и безответственной, — но это усугубило мою панику. Я невероятно обрадовалась, когда в комнату вбежала моя умная, рациональная мама. Страх мгновенно улетучился, как будто я стянула колючий свитер. Я поняла, что все будет хорошо.

Она остановилась и посмотрела на нас по очереди:

— Что здесь…

Мама казалась очень усталой и грустной, но явно не боялась. Она подошла к нижней койке и отодвинула тетю в сторону.

— Пейдж, — прошептала она так спокойно и тихо, что мы ее еле услышали. — Пейдж… Она же спит. — Мама повернулась к нам. — Она так и не проснулась.

— Но глаза… — начала тетя.

Мама осторожно потянула мою кузину вперед. Подняла ее, усадив на край, положила руки ей на плечи и как следует встряхнула.

Пейдж продолжала кричать.

Мама трясла ее все сильнее и сильнее.

— Пейдж! — сказала она погромче. Вздохнула. — Ну ладно.

Это произошло слишком быстро, так быстро, что никто из нас не успел вмешаться. Но в то же время все случилось медленно, как в кинематографе, где каждый кадр — на самом деле отдельная неподвижная картинка.

Мама подняла руку, замахиваясь, и ударила мою кузину по щеке. Голова Пейдж мотнулась в сторону. Пейдж замолчала. Заморгала. Подняла руку и потрогала лицо.

— Они заставили меня это сделать, — прошептала она хрипло. — Это все они.

Эмбер покачала головой. Лидия закрыла рот руками.

Пейдж протерла глаза. Они были грустные и мокрые, но кузина снова стала собой. Она схватила тряпичную куклу и прижала ее к груди.

— Что случилось?

— Тебе приснился кошмар, — пояснила мама. — Просто кошмар.

Пейдж кивнула и начала дрожать.

Ее мать медленно накрыла ее одеялом.

— Вот так. Так тебе будет уютнее, хорошо?

Мы не поняли, что произошло: помешали адреналин, шок и желание спать. Мы не собирались обсуждать происшедшее, а хотели забраться в постель и в одиночку бороться с безумием.

Я не могла заснуть.

Я страшно злилась на себя. Помню, как ругала себя за невозможность уснуть, как будто тяжело переживать необычные ситуации ненормально.

Проснулась, все еще напуганная. В ушах звенели крики, где-то в животе гнездилась паника. Я снова и снова слышала ее слова: «Они заставили меня это сделать». Я уже представляла себе разоблачение и наказание. И то и другое казалось неизбежным. Как когда выходишь на лед и чувствуешь, что сейчас упадешь.

Я спустилась в кухню.

Полезла в холодильник за маслом, и на пол упала коробочка, лежавшая на дверце. Она была адресована моей тете. Я сняла картонную крышку и увидела скомканную белую бумагу, прощупала ее и наткнулась на какую-то тряпку, которую немедленно и вытащила. Она походила на змею — длинная, запутанная, в каких-то узелочках. Я сразу поняла, что это бюстгальтер. Конечно, я видела их раньше — на сушилке или в мамином шкафу. Но никогда прежде к ним не прикасалась.

Этот был черный, с маленьким бантиком между двумя кружевными чашечками.

Мне стало неловко, хотя рядом со мной никого не было. Я быстро засунула его обратно в упаковку, и из коробочки выпала маленькая брошюра. Это оказался каталог для заказов по почте, такие валялись у двери у нас дома. Но этот каталог состоял исключительно из фотографий нижнего белья, и на обложке было написано: «В НАЛИЧИИ ЕДИНСТВЕННЫЙ И НЕПОВТОРИМЫЙ WONDERBRA». Я не смогла удержаться. Мне нужно было посмотреть, что внутри.

Там были фотографии полуобнаженных женщин в узких трусиках и обтягивающих бюстгальтерах, поднимающих грудь под подбородок. Там были чулки и короткие кружевные платья. Там были женщины в вызывающих позах, с надутыми губами. Там были животы, бедра и ягодицы. Я подтащила кухонный стул, взобралась на него и как можно быстрее, боясь, что кто-нибудь меня застукает, поставила коробку обратно на холодильник.

Я хорошо знала, как живут девочки постарше, которые ходили в среднюю школу. Я собиралась тоже пойти в нее всего через несколько недель и, конечно, должна была быть как все. Я несколько

раз просила маму купить мне бюстгальтер, но представляла себе что-то белое или бежевое, из хлопка — такие висели в универмаге. Я никогда раньше не видела ничего такого элегантного. Неужели тринадцати– и четырнадцатилетние девочки носят такие бюстгальтеры под своими белыми школьными рубашками?

Сейчас я оглядываюсь назад и понимаю, как мы были юны; семь лет — это, конечно, детство, но ведь восемь и десять — тоже. Я неловко застряла где-то между детством и отрочеством, и это делало меня непредсказуемой. Я была достаточно мала, чтобы бояться гнева матери, но недостаточно мала, чтобы бежать к ней и признаться в своем участии в игре и разрыдаться, вытирая сопли об ее одежду. Я была достаточно взрослой, чтобы понимать, что некоторые вещи должны оставаться тайной, но недостаточно взрослой, чтобы понять, что это за вещи.

Мы все слышали ее слова: «Они заставили меня это сделать».

Слова были сказаны девочкой, пережившей ночной кошмар, но они прозвучали. Я боялась, что с этого момента за мной начнут следить, будут меня допрашивать на каждом шагу. Я закрыла крышку коробки, но стало ли все так, как

раньше?

Я услышала, как к дому подъехала машина, и сразу подумала, что это приехал кто-нибудь из полиции. Кто-нибудь добрый и хороший. Посмотреть, как у нас дела. Я побежала в гостиную и выглянула в окно. Мой дядя вылез из своего золотистого хетчбэка с тонированными стеклами. Я помню, что он был одет в узкие джинсы и блестящие туфли, белую рубашку и красный свитер с V-образным вырезом. Я почувствовала, как у меня сжался желудок, когда он хмуро посмотрел в мою сторону.

— Открывай, — буркнул он, направляясь к двери.

Я знаю, что это лишь крошечная часть невероятной трагедии, но думаю, что тете было гораздо больнее оттого, что ее дочь умерла, когда она сама была одета в черные кружевные трусики и бюстгальтер с пушапом. Когда она опозорилась в очередной раз. Я думаю, она чувствовала, что подвела свою семью, а это чувство хорошо мне знакомо.

Глава 28

Марианна помахала мне рукой и ушла в закат.

Я вернулась в коттедж, сняла в прихожей промокшие тапочки и прошла в кухню. И замерла в нерешительности. Я хотела повесить мокрые носки на холодную батарею, чтобы они немного проветрились. Меня все еще терзало чувство вины. Я не хотела стоять босиком на ледяной плитке. Я была совсем ребенком, когда умерла моя двоюродная сестра.

Так прошла минута или две, пока мои размышления не прервала другая двоюродная сестра.

— Что ты делаешь?

На ней были узкие джинсы и темно-синяя блузка, а во впадинке между ключицами блестел маленький золотой кулон. Толстую косу она перебросила через плечо, дополнила образ коричневым ремнем и сияюще-белыми кедами.

— Она ушла, — сказала я.

Записка все еще лежала на кухонном столе. Я схватила ее и сунула в карман.

— Неудивительно, — ответила сестра, насыпая кофейные зерна в кофеварку. — Будешь?

Я покачала головой:

— Пойду, пожалуй.

Я сняла пижаму в ванной и бросила ее на крышку унитаза. Включила душ и стояла голая на коврике, переминаясь с ноги на ногу: вода грелась медленно. Я думала о сестре. Думала о сыне и дочери, которая должна была появиться на свет. Приняла душ, оделась, взяла ключи от машины с кухонного стола, сняла пальто с вешалки, зашнуровала ботинки и уже собиралась уходить, чтобы найти сестру и потребовать от нее ответов, когда снаружи раздался странный звук.

Я выглянула из окна гостиной и увидела под окном несколько автомобилей — не на подъездной дорожке, а у забора. Они разом выключили фары, а потом из машин начали вылезать люди. Человек десять, не меньше. Я думала, они пойдут к пляжу, но вместо этого они радостно побежали к коттеджам и громко забарабанили в дверь соседнего.

Марианна, разумеется, не открыла — она гуляла по утесам.

Эмбер встала на колени на диван рядом со мной.

— Что там?

Колин не открыл дверь.

Я сжимала телефон в кармане, готовясь звонить в полицию.

— Кто они? — спросила она.

Люди остановились, собрались вместе и зашептались. Посмотрели на машины, посмотрели на наш коттедж. Самый высокий из них двинулся в нашу сторону, и что-то на его шляпе блеснуло в свете фонаря.

Мишура.

— Я поняла, — сказала я, — это церковный хор, помнишь, мы видели их на ярмарке? Они собирают деньги.

— Быстрее! — сказала Эмбер.

Она побежала вниз и выключила верхний свет, пронеслась по гостиной, погасив три светильника, встала в дверном проеме, упираясь руками в косяк, как будто ожидая землетрясения.

— Ну давай же! — прошипела она.

— Поздно, — возразила я. — Они нас видели. Они могут…

— *Как звонко на скаку бубенчики звенят!*

Они пели в унисон — а капелла, — явно не смущаясь тем, что коттедж внезапно погрузился в темноту. Голоса их отдавались среди старых балок и кирпичей здания. Пели они невероятно громко.

Я не помню, чтобы у нас в городе пели рождественские песни, хотя сыну они бы понравились: праздничные шляпы, хор. Не знаю, чувствовал бы ты то же самое. Я никогда не встречала человека, который был бы так многогранен, как ты, но при этом совершенно не имел бы слуха. Я помню, как впервые услышала, как ты пел себе под нос, разгружая посудомоечную машину. Меня поразило, как звучал твой голос, — ты не взял верно ни одной ноты.

Я отдала бы почти все, чтобы снова услышать твое пение.

— *По свежему снежку в даль белую манят.*

— Давай просто послушаем пару минут, — предложила я. — Это недолго, а потом мы сможем…

— Мы правда будем стоять на крыльце и улыбаться? — удивилась она.

— Да, — ответила я.

— Хорошо.

Я натянула на лицо улыбку, открыла входную дверь и удивилась, увидев столько народу: мужчин, женщин, даже нескольких подростков. Они стояли прямо у крыльца в два ряда и покачивали головой в такт.

Наступила короткая пауза — они закончили первую песню и перелистывали ноты в поисках

второй. Я зааплодировала, зазвенев ключами от машины. Эмбер у меня за спиной громко хлопнула в ладоши.

— Три. Два. Один! — крикнул стоявший впереди всех мужчина.

— *Вести ангельской внемли! Царь родился всей земли!*

Я начинала дрожать, несмотря на многослойную одежду. Надо было надеть перчатки и шапку, хотя крыльцо немного защищало нас от сильного ветра.

— Надо поговорить, когда это закончится, — прошептала Эмбер.

Я кивнула.

— Это важно, — подчеркнула она.

— Хорошо.

Я думала о сестре. Почему она ушла, думает ли вернуться. Я представляла себе записку в кармане пижамы, лежавшей в ванной. Думала о браслете, о том, что он значил тогда и что значит сейчас. Я не могла отделаться от ощущения, что, возможно, моя кузина права и что-то действительно не так.

— Ты все перепутала, — сказала Эмбер, наклонившись вперед и почти касаясь губами моего уха. Ее теплое дыхание коснулось моей щеки.

— Что перепутала? — прошептала я.

Хор пел и пел гимны и праздничные песенки. Голоса их звучали бодро и весело. В первом ряду стоял мальчик лет четырнадцати-пятнадцати, с прыщами на лбу и на подбородке. Он нахмурился, когда мы зашептались.

— *Ночь тиха, ночь свята, озарилась высота.*

— Эмбер?

— *Светлый ангел летит с небес, пастухам он приносит весть.*

— Да. Потом. Я расскажу.

— Что я сделала не так? — спросила я.

— Я просто не хочу, чтобы ты уезжала. Я объясню, как только…

— Ты не можешь просто сказать?

Я не понимала, как громко говорю — уже совсем не шепотом. Я не заметила, что хор тоже запел громче, перекрикивая меня. Я не замечала их сложенных на груди рук и хмурых лиц.

— Да заткнетесь вы когда-нибудь?! — крикнула я.

И застыла, когда пение прекратилось.

— Я же говорила, — сказала какая-то женщина в заднем ряду.

— Мы вас больше не побеспокоим, — сказал высокий мужчина. — Мы просто хотели…

— Извините, я не хотела.

Я повернулась, чтобы взять сумочку, висевшую на крючке, и порылась в кошельке в поисках десятифунтовой купюры. Их там оказалось три, и я вытащила все. Я видела обескураженные лица певцов, которых ужаснул мой всплеск эмоций. В животе липким комом зашевелился стыд. Я протянула деньги подростку, все еще стоявшему впереди.

— Простите еще раз.

Я улыбнулась им. Слишком энергично помахала рукой. Несколько десятков раз крикнула «спасибо» и «простите». Когда они наконец разошлись, я повернулась к кузине.

— Ну давай, — сказала я.

Она вздохнула, сложила руки на груди и наклонила голову набок.

— Это не твоя вина, — сказала она наконец. — Это не ты.

— Что? — переспросила я.

— Тем летом.

Она взглянула на мокрый деревянный пол, на грязный влажный круг, оставленный одним из ее ярких белых кед. Она провела языком по губам и вздохнула.

— Я думала, это запретная тема, — сказала я.

— Я знаю, — ответила она, — я пыталась защи-

тить ее. Я пыталась защитить тебя.

— Не понимаю.

Она посмотрела мне прямо в глаза и тяжело сглотнула:

— Это Лидия убила Пейдж.

Глава 29

Я предоставила тете возможность открыть дверь и долго слушала, как она объясняла дяде, что накануне вечером ничего ужасного не случилось, и что он не может ничего знать, потому что его там даже не было, и что не мог бы он перестать на нее кричать, большое спасибо, потому что это не она предложила поиграть в прятки, и, боже мой, они же дети, идиот, они так и должны себя вести!

Я еле дышала, притаившись за дверью гостиной.

Я тоже обижалась, сама не понимая почему, когда он критиковал ее кафтан и заколки в виде бабочек. Я подслушивала, ожидая, что он снова заговорит о пещере, — потому что он всегда хотел кого-то обвинить, — но вместо этого он болтал о фургонах на дороге, о ребенке, который заплакал на заправке, и своих новых водонепроницаемых часах. Я легла на диван и вытянулась, коснувшись пальцами рук и ног обоих подлокотников. Я прислушивалась, но все остальные спокойно спали.

— Хочешь кофе? — спросила тетя.

— Я хочу увидеть свою дочь, — ответил дядя.

И тогда, как по команде, над головой раздались шаги, начали открываться и закрываться ящики, зашумел кран в ванной, и единственный ребенок, за которым дядя признавал право на существование, сбежала по лестнице и бросилась ему в объятия.

— Малышка Пейдж! — воскликнул он.

А потом хмыкнул и сказал, что она становится слишком тяжелой и что девочкам нехорошо быть тяжелыми.

— Иди уже, — сказала тетя Мардж. — И верни ее до ужина, пожалуйста.

Я смотрела из окна, как он закинул ее на плечи, слышала, как она радостно завизжала. Я подождала, пока не зарычал двигатель, а затем прокралась в кухню. Мама сидела в халате, склонившись над очередной таблицей, а миска с хлопьями стыла в стороне.

— Он уехал.

— Я знаю.

Она вздохнула, выпрямилась, потянулась и замотала головой, так что у нее даже щеки задрожали.

— Так-то лучше.

Я кивнула.

— У тебя все хорошо?

Она разгладила свои бумаги на столе, вытерла каплю кофе. Я тогда думала, что финансовый отчет — это когда все по очереди отчитываются, и не понимала смысла калькулятора, мелких цифр, написанных карандашом без нажима, и бесконечных таблиц.

— Скучаешь?

Я балую нашего мальчика. Я все еще кормлю его с ложечки, укачиваю перед сном, застегиваю липучки на его ботинках. Мне не нужно этого делать, потому что он умеет сам есть и одеваться, и он должен засыпать самостоятельно. Но я ничего не могу с собой поделать: я мать, и я должна быть матерью. Я думаю, что и через десять лет, и еще позже я все еще буду делать за него многое, хоть это и совсем не нужно. Интересно, знала ли моя мама, что тем летом мы вели себя не так, как, по ее разумению, полагалось детям: не рисовали красками, не устраивали поиски сокровищ в старых ящиках из-под яиц, не рисовали карты с кладами.

— Хочешь, я нарежу тебе цветной бумаги для гирлянды? — спросила она. — Или давай покра-

сим футболку разводами?

Я покачала головой.

— Ну ладно. Скажи, если чего-нибудь захочешь.

Потом я лежала на полу в гостиной, закрыв дверь и жалюзи, чтобы хоть немножко спрятаться от жары. На день рождения мне подарили небольшой набор разноцветных бусин, и я оставила их в коттедже. И теперь я нанизывала их на тонкий розовый шнурок: красные цветы, голубые бабочки, сердечки в желтую полоску.

Лидия растянулась на животе у камина и медленно складывала рамку пазла. Эмбер сидела на корточках перед кофейным столиком, писала что-то и бормотала цифры себе под нос.

Пейдж все еще гуляла где-то с моим дядей. Наверняка он кормил ее сладостями и покупал игрушки. Такое случалось несколько раз каждое лето. Лидия очень радовалась возможности остаться дома и тихо поиграть. Мне кажется, она вовсе не замечала тучи, которая опускалась на коттедж, когда он приезжал. Я становилась гораздо счастливее, когда он снова уезжал домой. Эмбер обычно делала вид, что ей наплевать, что ей вовсе не хочется пообщаться с отцом. Но она яростно что-то писала, изо всех сил стараясь за-

кончить, и все время поглядывала на дверь.

— Ладно, — сказала она наконец. — Хорошо.

— Что у тебя хорошего?

Я стянула у нее со стола лист бумаги и начала рисовать вазу с цветами, стоявшую на каминной полке: большие пухлые листья и тонкие корявые стебли.

— Я закончила эту часть, покажу ему, когда он вернется.

Я сомневалась, что дядя будет восхищаться ее проектом, — не то что ты, когда сын показывает тебе раскрашенные отпечатки рук или особенно длинную палку с детской площадки. Я надеялась, что он найдет в себе силы хотя бы сказать что-нибудь доброе. Когда он разочаровывал ее — а это происходило каждый раз, когда он приезжал, — лицо кузины принимало совершенно ужасное выражение. Меня бесило, что он мог заставить кого-то настолько сильного и энергичного внезапно почувствовать себя слабым и жалким.

— Думаешь, она что-нибудь скажет? — спросила Лидия, раскладывая центральные кусочки пазла лицевой стороной вверх на каминной полке.

— О чем? — спросила я, штрихуя листья.

— Она наверняка расскажет ему про наши

испытания. — Кажется, от этой мысли ей стало легче.

Я перестала рисовать.

Он спросит ее, что произошло — точно спросит, — и она скажет, что пошла в пещеру из-за нашего задания и что она ни в чем не виновата.

Эмбер подняла взгляд и плотно сжала губы.

— Нет, — сказала Эмбер. — Она этого не сделает.

— Ты уверена? — спросила я.

— Он сойдет с ума от злости. Он… просто… Она этого не сделает. Она не захочет испортить день. Когда-нибудь потом, может быть…

Машина, взревев, промчалась мимо, затем свернула на подъездную дорожку.

— Это они! — взвизгнула Эмбер.

Она вскочила, разгладила юбку — она очень редко носила юбки — и заправила волосы за уши. В руках она держала аккуратным веером несколько листов. На лице ее застыла улыбка. Мы молча ждали, пока наконец не распахнулась входная дверь.

— Привет!

Это была Пейдж.

— Дорогая, ты уже вернулась? — воскликнула тетя Мардж.

Пейдж заглянула в гостиную. На губах у нее была розовая помада, в ушах — пластиковые сережки, а щеки и шея явно обгорели.

Эмбер шагнула вперед:

— Где он?

Мы снова услышали рычание двигателя.

— Ему пришлось уехать, у него еще работа сегодня днем.

Глава 30

В тот же день, но попозже, мы стояли у перелаза. Мы собирались пойти на пляж и еще раз пройти нашу полосу препятствий. Хотели прыгать по камням, а затем бегать по мелководью, чтобы обогнуть флаг. Мы надеялись — хотя никто из нас этого не говорил, — что, вернувшись к тому, что было до пещеры и истерики, мы сможем обмануть разум и тело и заставить их поверить, что прошлой ночью ничего не произошло.

В конце концов Лидия выбежала из коттеджа с рюкзаком за спиной. Под желтым платьем до колен на ней красовался красный купальник. Она почти перебежала дорогу, но резко остановилась, услышав звук приближающейся машины.

Мы замолчали, сразу узнав ее.

Чарли выскочил с переднего сиденья машины и обошел ее, чтобы достать доску из багажника. Лидия сняла руку с ремня сумки и положила ладонь на плечо Пейдж. Мы с Эмбер изо всех сил не думали и не говорили о том, что произошло накануне вечером, — мы планировали вести себя так, как будто ничего не произошло. Лидия была

единственной из нас, кто признал происшедшее, и то не словами, а жестами: ее движения стали нежными, почти материнскими.

Чарли подошел к перелазу, и Лидия повернулась к нему и улыбнулась:

— Привет.

— Ты в порядке? — спросил он.

Пейдж покраснела и кивнула.

— Ты отлично выглядишь, милая, — сказала его мать через окно машины. — Тебе очень повезло вчера вечером.

Пейдж не ответила, уставившись на свои розовые блестящие резиновые тапки.

— Спасибо, — сказала я. — Мы очень благодарны за помощь.

Чарли улыбнулся мне, и у меня возникло ощущение, похожее на морскую болезнь, только еще хуже.

— Я не мог заснуть, — сказал он, когда его мать уехала. Мне показалось, что он обращался лично ко мне. — Наверное, из-за фонарей. Я все время видел, как они мигают.

— У нас были проблемы посерьезнее, — сказала Эмбер.

— Были, — согласилась Лидия. — Но ничего страшного, такое случается.

— Какое такое? — спросила Пейдж.

Я повернулась, чтобы посмотреть на нее. Все мы повернулись. Полагаю, на наших лицах было ясно написано замешательство.

— Ты о чем? — спросила она.

— О тебе! — сказала Эмбер. — Ты всех нас разбудила.

— Никого я не будила! Я бы никогда так не сделала.

— Погоди. Как это? — спросила я. — Ты нас всех разбудила криками.

Я была уверена, что он снова улыбнулся мне.

— Пейдж, ты правда ничего не помнишь? — спросила Лидия.

— А что случилось? Я что-то сделала?

Оказалось, что она не помнила, как проснулась посреди ночи и кричала, как моя мама дала ей пощечину, как ее успокоили и уложили спать. Это казалось невозможным, но она не могла вспомнить хаос, который царил в комнате, — как мы бегали, рыдали, паниковали, а потом тихонько вернулись в свои кровати. Я не могла в это поверить. Лидия все объяснила, упуская подробности о крике и панике и совсем умолчав об ударе. Рассказала, как Пейдж уложили обратно под одеяло, и она сразу же заснула.

— Помнишь, что ты сказала? — спросила Эмбер. — После этого?

Пейдж замотала головой.

— Похоже на ночные страхи, — заметил Чарли.

— На что? — спросила я.

— Ночные страхи, — повторил он. — Их почти никогда не запоминаешь. Потому что на самом деле ты не просыпаешься. У меня есть двоюродный брат, который иногда у нас остается, и у него тоже такое бывает.

— Как странно, — с явным отвращением сказала Эмбер.

— Не надо было ее будить, — тихо сказал Чарли.

— Почему? — спросила Эмбер.

— Потому что обычно это только ухудшает ситуацию.

— А что тогда делать? — снова спросила Эмбер.

— Просто подождать, пока само не пройдет.

— Просто подождать? — взвизгнула Лидия.

Я понимала ее ужас. Мысль о том, что придется бесконечно слушать эти крики, казалась гораздо хуже любой паники. Я не могла себе представить, что однажды мне придется пережить десятки, сотни приступов ночных страхов, успокаивать

себя, рыдать и дрожать.

— Ну да. Это не так сложно, — сказал Чарли.

— Но это…

— Просто не надо ничего делать, — повторил он.

— Я понимаю, — сказала Лидия. — Я знаю, что такое ждать.

— Я просто сказал.

Между ними, казалось, что-то произошло, как будто несколько фраз остались несказанными. Она чуть наклонила голову, он поднял бровь, она вздохнула.

— Я лучше пойду, — сказал он.

Чарли перекинул доску через забор и перепрыгнул сам.

— Минутку, — сказала я остальным и бросилась за ним. — Чарли!

Он остановился. Он выглядел совсем грустным, но улыбнулся мне.

Я в ужасе от того, что произошло дальше.

Прошло двадцать лет, а я до сих пор чувствую, как у меня сжимается желудок, когда я об этом вспоминаю. Не знаю, было ли мне когда-нибудь в жизни настолько неловко, как в тот момент. Меня и сейчас обжигает, словно у меня температура. Я чувствую, как ужас разливается от сердца по

конечностям и поднимается к лицу. Я знаю, что ты меня не видишь, но я уверена, что краснею даже от того, что произношу эти слова.

Он несколько раз мне улыбнулся, и я совершенно неверно истолковала это.

— Знаешь что, — сказала я, стараясь говорить непринужденно и одновременно пытаясь отдышаться.

— Что?

— Я просто хотела сказать, что очень рада с тобой познакомиться. — Я говорила быстро, слова сливались одно с другим, я нервно сглатывала.

— Да-да.

— Очень рада. — Я улыбнулась.

— Конечно.

— Да нет. Я имею в виду мне очень, очень, очень приятно.

Он нахмурился и сделал шаг назад. Наморщил нос, скривился. Скорчил некрасивую гримасу и неловко облизнул губы.

— А…

Я чувствовала, как солнце обжигает мою кожу. Чувствовала, что ему неуютно. Ощущала его неловкость, как густой, пьянящий запах в воздухе. Я поняла, что все пойдет не так, как я себе навоображала.

— Ты неправильно все понял, — сказала я.

Я мечтала растаять на месте. Я хотела только одного — разлиться лужей, никогда больше не жить в человеческом теле, полностью перестать существовать.

— Правда?

— Я в обычном смысле. Я просто рада.

Я чувствовала, как судорожно шевелю губами, как нервно сглатываю. Я говорила еще быстрее, почти бессвязно; последний слог каждого слова перетекал в первый следующего.

— Да. Нет. Да.

Я была ему отвратительна.

Даже сейчас, спустя двадцать лет, вижу перед собой этот сморщенный нос и хмурое выражение лица.

Я чувствовала его омерзение. Знала, что отвратительна. Ему хватило вежливости — после того как он сумел скрыть свою искреннюю реакцию, — чтобы улыбнуться мне и сделать вид, что поверил. Но я чувствовала, что совсем ему не нравлюсь. Я представляла себя героиней любовной истории. Но я фатально ошиблась.

Мне было очень больно. С тех пор я никогда и никому не признавалась в любви. Я всегда ждала, пока мужчина сам пригласит меня на свидание.

Я понимаю, что это слишком, но мы не выбираем своих демонов.

— Хорошей волны, — прошептала я.

— Ты в порядке? — спросила Эмбер, подойдя ко мне сзади, когда он ушел.

— Да! — крикнула я.

— А зачем так грубо?

Лидия подняла брови, но ничего не сказала.

— Я не хочу на пляж, — сказала я. — Давайте займемся чем-нибудь еще.

Мы решили устроить цирк на заднем дворе. Нашли в кладовке веревку, натянули ее между деревьями и попытались по ней ходить — безуспешно. Мы играли в акробатов.

— Скучно, — сказала Пейдж.

Она сорвала веревку и защелкала ею по нам.

— Я дрессировщица! — закричала она. — А вы — непослушные львы. Это вы во всем виноваты!

Она хихикала, гонялась за нами по саду, прыгала, улыбалась и визжала.

— Вы во всем виноваты, — распевала она. — Вы виноваты.

Я не понимала, вернулись мы в реальный мир или так и остались в воображаемом цирке.

Лидии не нравилось, что ее шлепали веревкой, поэтому в конце концов она взяла свои бутербро-

ды из холодильника и устроилась на крыльце коттеджа. Я собрала обед для остальных, и мы все вместе сели за маленький круглый металлический столик, который стоял у посаженных дедом гортензий.

Я видела, как уезжала знакомая серая машина. Я даже не подумала о том, что за те минуты, пока моя сестра была в саду без нас, мог произойти какой-то разговор.

Мы возились с обедом в тишине. Лидия доела первой и стала собирать маргаритки. Пейдж разбрасывала крошки по лужайке. Птицы слетались к ней с деревьев.

— Насколько это было плохо? — прошептала Эмбер.

— Ты о чем? — спросила я, продолжая жевать.

Она ухмыльнулась и одним движением очистила мандарин.

— Что ты ему сказала? — спросила она через несколько секунд.

— Не твое дело.

— Значит, хреново, — заключила она.

Я не ответила.

Мы пытались играть, как обычно. Мы пытались веселиться. Но у нас ничего не получалось. Мы разбредались в разные стороны — не специаль-

но, — а потом снова собирались вместе ненадолго и снова разбредались. Мы больше не знали, как существовать вчетвером. Я хотела быть одна. Думаю, они тоже.

Мне стало намного легче, когда наконец наступил вечер. Мы молча поужинали в кухне, поочередно вымылись в одной и той же липкой серой воде, а затем свернулись калачиком под одеялами.

Я быстро заснула, радуясь тишине.

Которая продлилась недолго.

Потому что через несколько часов, в полной темноте, нас снова разбудили крики с нижней койки.

Глава 31

Кричала она даже громче, чем прошлой ночью, — дико, истерически. Я свесила ноги с кровати и посмотрела вниз, на свои пижамные шорты и на сестру, сидевшую в той же позе, что вчера.

Распахнулась дверь.

В проеме возник силуэт тети, подсвеченный лампой из коридора. Она спотыкалась и немного раскачивалась, ночная рубашка болталась вокруг ее тела. От нее исходил густой, сонный запах. Через много лет я поняла, что это был запах виски.

— Пейдж! — крикнула она. — Я иду!

Эмбер спустилась с кровати и вытянула руку вперед, жестом велев тете остановиться.

— Пейдж! — крикнула тетя.

— Нет, — возразила Эмбер. — Ее нельзя будить.

Меня настолько мучили громкие крики, заполнившие всю комнату, что я совсем забыла о словах Чарли: ее нельзя будить, мы сделаем только хуже, если начнем ее сильно трясти или, тем более, бить.

Я спрыгнула вниз и бросилась ко второй кро-

вати.

Тетя рванулась к дочери, оттолкнув меня.

— Пейдж! — завыла она. — Просыпайся!

— Не надо! — сказала Эмбер.

— Милая, — кричала тетя Мардж. — Это же я! Просыпайся!

Она наклонилась вперед и сильно встряхнула Пейдж, так что ее маленькое тельце безвольно мотнулось. Она была полна решимости положить конец крикам. Она готова была трясти всю планету, если бы это помогло облегчить страдания ее дочери. Теперь я лучше понимаю это чувство. Я чувствовала тот же самый отчаянный зуд, я готова была на все, лишь бы мой малыш поправился. Теперь я понимаю это, но в тот момент тетя казалась мне жестокой.

И вдруг крики прекратились.

— Пейдж? — прошептала тетя.

Я услышала шумное дыхание и всхлипы.

— Пейдж, ты в порядке? — спросила Лидия.

— Это вы меня заставили, — сказала Пейдж. — Ваши испытания.

— Какие испытания? — спросила тетя Мардж. — Ты о чем?

— Это они меня заставили, — сказала Пейдж. — Я из-за них осталась в пещере.

Говорила она еле-еле, чуть слышным шепотом.

— Что за чушь, — сказала тетя Мардж. — Тебе что-то приснилось?

Она наклонилась над кроватью, передвинула кузину к краю, а потом взяла ее на руки и понесла к двери. Ей пришлось вернуться за тряпичной куклой. Мы трое сидели молча, не в силах пошевелиться — и не желая этого делать.

— Все будет хорошо, — пообещала нам тетя Мардж.

Ночная рубашка с одной стороны задралась до самого бедра, а бретели сползли с плеч.

— Спите дальше, девочки, — сказала она, закрывая за собой дверь.

Эмбер включила свет и встала сбоку от камина.

— Что это было?

— Что именно? — уточнила Лидия.

— Она же все сказала. Ты же слышала. Ты слышала, что она сказала.

— Но твоя мама решила, что… — начала я.

— Ну да, — согласилась Эмбер. — Сейчас — да. А через несколько дней, когда она повторит это много раз? Что тогда? Что ты будешь делать?

Она уставилась на меня.

— Я — ничего. Может, я и использовала слово

«испытание», но…

— Это все ты, — настаивала Эмбер. — Это ты начала.

— Но это же не я велела ей идти в пещеру.

— Девочки… — Голос Лидии дрогнул. — Давайте просто спать.

— А ты что думаешь? — Я перегнулась через край кровати и посмотрела вниз. Сестра лежала, уткнувшись головой в подушку и повыше натянув одеяло. — Ты же тоже считаешь, что это она виновата? А вовсе не я?

— Я с самого начала говорила, что это глупости. — Она не открывала глаза. — Я вас обеих предупреждала, что все пойдет не так, но вы же меня не послушали.

— Мне кажется, ты… — начала Эмбер.

— Дайте поспать, — сказала Лидия.

Я вдруг ощутила, что в ней кипит какая-то невысказанная тайна.

— Лиди…

Она внезапно села на кровати, потом встала и принялась ходить от двери до камина. В камине лежали поленья, но его не зажигали уже много-много лет.

— Вы представляете, что нам устроят? — сказала она. — Нас перестанут выпускать на улицу.

Отберут у нас все вещи. И вообще домой отвезут.

— Я буду готовиться к экзаменам на стипендию, — сообщила Эмбер. — Уж это-то они мне не запретят.

— Не знаю, — засомневалась я. — Думаю, они придумают такое наказание, чтобы нам было по-настоящему больно.

Сейчас, думая об этом, я понимаю, что нас бы заперли в коттедже на несколько дней, заставив развлекать себя в темноватых низких комнатах, пока снаружи палило солнце. Я знаю, что мы бы сопротивлялись и ссорились, но разве это было бы так плохо? Может быть, мы научились бы немножко задумываться о последствиях, а не подталкивать друг друга к разным глупостям.

— Я не могу, — сказала Лидия. — Это слишком.

Она села на кровать, закрыла лицо руками и заплакала.

— А ты что ревешь? — злобно спросила Эмбер. — Ты все равно ни при чем.

Лидия опустила голову на колени и зарыдала еще более театрально. Она тряслась всем телом, даже кровать задрожала.

— Это я, — наконец прошептала она. — Это все я.

Эмбер посмотрела на меня, сбитая с толку. Я

пожала плечами.

— Мне надо кое-что вам сказать.

Мы сели на ковер рядом с ней. Я положила руку ей на колено.

— Я думала, выйдет смешно. — Она с трудом переводила дыхание. — Что забавно будет все перевернуть.

— Что перевернуть? — не поняла Эмбер.

— Твои испытания. Ты же их придумала, чтобы сделать нам больно?

— Наверное…

— Не наверное, а точно. Все же понятно. Чердак, книга, пещера. Я знаю, что ты их придумала, чтобы причинить нам боль.

Эмбер взглянула на меня и пожала плечами. Лидия повернулась ко мне:

— А твои были такие страшные и гадкие…

Настала моя очередь выглядеть виноватой.

— Сад, и собака, и…

Она замолчала. Она даже не могла это сказать.

— Я просто хотела, чтобы вы поняли, как это — когда над вами смеются. Как надо мной…

— Что ты сделала, Лиди? — спросила я.

— Я велела ей оставаться в пещере до заката. Я хотела просто напугать вас. Чтобы вы забеспокоились. Я даже не подумала о приливе. Я не

думала, что она окажется в ловушке. Я не думала об ужине, о взрослых и о том, как все объяснить. Я такая дура. Я была… я идиотка. Это моя вина, что она сидела там до ночи. Если бы не я, этого бы не случилось.

Это было правдой, но на самом деле каждый из нас совершил свою ошибку, которая привела к этому. Мы делили вину на троих.

— Мы не можем признаться, — сказала Эмбер. — Мы не можем рисковать. Просто не можем.

— Но мы же не можем не давать ей спать, — возразила я.

— Мы должны все исправить, — сказала Лидия.

Она отчаянно посмотрела на нас. У нее не было никаких идей, и она не собиралась ничего делать сама, но она очень хотела, чтобы мы — старшие — решили проблему. Она легла и накрылась одеялом.

— Я хочу спать. Я так устала.

— Нужно что-то делать, — сказала Эмбер. — Я не могу остаться без стипендии.

— Например, что?

— Соврать. Я скажу, что это вовсе не мое задание, что это ты начала игру и ты велела ей идти

в пещеру.

— Подожди…

— Не-а. Я не собираюсь брать на себя вину.

— Эмбер!

— Мне наплевать. — Она выключила свет. — Это не моя проблема.

Я услышала, как она лезет по лесенке наверх, к себе в постель.

Глава 32

Эмбер все время врала.

Эмбер всегда была лгуньей.

Я знала об этом все эти годы: когда мы играли в нетбол и она, фланговый нападающий, выходила за пределы центральной трети; когда она не говорила официанту, что в счет не включили вино. Но меня ослепляла надежда. Обещание прощения. Мысль о том, что у меня снова будет семья.

— Ты о чем? Что ты…

Она протянула руку и помолчала, пока последние певцы не расселись по машинам.

— Я все объясню.

— Ну давай.

Я понимала, что имела в виду соседка — что детские поступки не имеют значения, что в детстве ты не несешь за них ответственность, — но факты казались неоспоримыми. Это я убила своею двоюродную сестру.

— Я могу все объяснить, но мне кажется, нам надо собрать вещи.

— Сейчас? Почему?

Мы арендовали коттедж на три ночи и могли

оставаться до утра.

— Меня уже много лет мучило ощущение, что что-то не так… — сказала она. Потом сделала паузу и плотно сжала руки перед грудью, как будто готовилась к армрестлингу. — Понимаешь, я приехала сюда, потому что не хотела, чтобы ты оставалась с ней наедине.

— Эмбер…

Мне смешно было думать, что моя сестра — моя тревожная, осторожная, внимательная сестра — может оказаться убийцей.

— Ты должна мне довериться. Просто выслушай меня. У меня есть доказательства. Просто подожди немного, и я…

Какая чушь.

Гораздо сильнее меня тревожило то, что сестра могла уехать обратно в город, бросив все, включая меня. Я посмотрела на свою машину, припаркованную на подъездной дорожке. За ней виднелся тонкий слабый серп солнца, едва приподнявшийся над горизонтом.

— Не могу, — сказала я.

Я оставила ее на крыльце. Помню, как она кричала, но я была уверена, что она знает не больше меня. Я завела двигатель и выехала с подъездной дорожки. Ехала я медленно, опасаясь льда на

дороге, снежинок, тающих, не долетая до земли. Видимость была плохая, небо казалось низким и грязным, деревья словно затянуло пеленой. Я немного прибавила скорости, когда доехала до деревни — тут дороги посыпали песком, — и остановилась перед агентством по аренде недвижимости.

Сбоку от входа была дверь, ведущая в квартиру наверху. Я встала на двойной желтой линии и посмотрела на имя рядом со звонком: Чарльз Кларк. Его машина стояла напротив. В агентстве горел слабый свет, столы были пусты. Я вдруг поняла, что сестра была здесь в тот вечер. Что она не приехала из города, а тихонько проехала по дороге из деревни, разбив свою машину.

Я позвонила, но никто не ответил. Я звонила снова и снова. Потом кто-то снял домофон и сказал:

— Да?

Это был Чарли.

— Она здесь?

— Простите?

— Моя сестра у тебя?

Дверь открылась с тихим щелчком. Я поднялась по лестнице.

Он стоял в дверном проеме, прислонившись

к косяку, одетый в спортивные штаны и серую футболку с пятном от зубной пасты на груди. Выглядел он недовольным, а руки были скрещены на груди. Я увидела стул, на котором лежала толстая стопка брошюр с объявлениями о продаже недвижимости, диван и телевизор с одной стороны и небольшую мини-кухню с другой. На полу валялись журналы, а рядом с мусорным ведром притулился пакет, полный коробок от готовой еды. На журнальном столике стояли цветы, поникшие, но еще живые. На подоконнике росли какие-то кактусы, суккуленты и несколько папоротников.

Он заметил, что я разглядываю его дом, и попытался перекрыть мне обзор рукой.

— Ты зачем пришла?

— Где она?

— У меня все нормально, — сказала Лидия.

Она появилась в дверях. Глаза у нее были красные, веки опухли. Рядом с ним она казалась совсем маленькой, как будто стала ниже ростом. Она положила руку ему на плечо.

— Поясните, — сказала я.

Меня отвлекали их руки и сама мысль о том, что у моей сестры могут быть отношения. Мне не нравилось думать, что у нее не может никого

быть, но я не могла себе представить, что она способна на отношения с другим человеком — и не способна на отношения со мной.

— Ну, просто… — Она обвела рукой квартиру, горшки с растениями, показала на Чарли. — Ну вот так.

— И долго это у вас?

— Около полугода.

— Ты здесь живешь?

— Нет, — ответила она. — У меня есть своя квартира, я только прихожу в гости.

Чарли взял ее за руку, сжал ладонь, улыбнулся и на мгновение снова стал дерзким мальчиком с пляжа — с кривой улыбкой и сияющим взглядом.

— И как это началось?

— Я написал ей год назад или около того, — сказал Чарли.

— Зачем?

— Да ты заходи.

Он освободил мне проход и усадил на небольшой коричневый диванчик в углу. Предложил выпить и открытую пачку печенья. Сам сел напротив.

— Она нашла записку, — сказала Лидия, устроившись на подлокотнике его кресла.

— Ага, — сказал Чарли, — и браслет.

Лидия кивнула.

— И?.. — не поняла я.

— Это не тебе, — пояснил он.

Он посмотрел на свои босые ноги и вздохнул. Положил руку на бедро моей сестры.

— Я просила его этого не делать, — сказала Лидия.

— Да, — согласился он. — Просила.

— Так ты знала о записке?

— Я знала, что он хотел…

Чарли написал записку и оставил ее наверху в коттедже. Записка была предназначена не мне. Она знала о записке. Все это не имело никакого смысла.

— Пожалуйста, давай вернемся немного назад, — попросила я.

Я говорила, как собственная мать. Строго и серьезно, как человек, которому никто никогда не возражает. Мне это понравилось.

— Хорошо, — согласилась Лидия.

— Все началось тем летом, — сказал Чарли.

Я кивнула.

— Помнишь ваши испытания? Особенно то, с поцелуем? Это случилось сразу после. Эмбер вернулась в коттедж. Ты тоже была там. Пейдж

должна была пойти в пещеру одна, но она собиралась отказаться. Лидия велела ей остаться там до заката, но Пейдж совершенно не хотела этого делать. Это я убедил ее пойти — я решил, что меня она послушает.

— Это было легко, — добавила Лидия. — Как только ее попросил чужой человек, ей сразу захотелось всем угождать.

— А потом все пошло наперекосяк, — продолжил Чарли.

— Из-за прилива?

Лидия кивнула:

— Именно. Я хотела сразу во всем признаться… надо было это сделать.

— Я не хотел рисковать, — сказал Чарли. — Испугался, дурак. Я отдал ей свой браслет и заставил ее пообещать, что мы никому не расскажем.

— Я нашла его вчера в коттедже и сунула в чемодан. Хотела показать ему после выходных.

— А записка? — спросила я.

— Мы были вместе, когда я получила твое приглашение, — сказала Лидия. — Я не хотела отвечать.

— А я хотел, чтобы она поехала. И заставила ее признаться.

— Я не смогла этого сделать, — сказала Ли-

дия. — Просто не смогла.

— Но как же записка? — снова спросила я.

— Я написал ее Эмбер, — ответил Чарли.

— Почему?

— Она прочитала ее перед ужином и разозлилась, решив, что это я.

— Да почему?!

— Я хотел, чтобы она знала, что ее тайна — не тайна.

— Какая тайна, вы о чем?

Я почти дрожала от нетерпения. Мне нужно было понять, что произошло. Как будто я жонглировала мячиками, и их было слишком много, и я не понимала, какие надо ловить. У меня было ощущение, что я очень близко к чему-то недоступному.

— Давай ты, — прошептал Чарли.

Лидия сложила руки, как для молитвы, и посмотрела мне прямо в глаза:

— Эмбер убила Пейдж.

Глава 33

У меня вырвался легкий смешок. Как будто мы снова оказались на побережье и они тыкали друг в друга пальцами, даже не думая обвинить меня.

— Почему ты… — начала Лидия.

— Это не смешно, — сказал Чарли.

— Не смешно, знаю. Просто она говорит то же самое о тебе.

— Обо мне?

Чарли бросился в кухню, потом вернулся и навалился всем весом на спинку кресла.

— Что она говорит? — спросил он, взмахнул руками, а потом сцепил пальцы на затылке.

— Брось, ерунда, — отозвалась Лидия.

— Ничего подобного. Это… кошмар! — Он рухнул на кресло и обхватил голову руками.

— Что она говорит? — спросила Лидия.

— Только то, что это была ты.

— Она опасна, — сказал Чарли. — Она…

— Ерунда, — снова сказала Лидия.

— Нам нужно вернуться, — решила я.

Чарли медленно поднял голову:

— Что?

— Нам нужно все выяснить.

— Ты хочешь поговорить с ней лицом к лицу? — спросила Лидия.

— Это очень плохая идея, — сказал Чарли, — очень. Если она… не… Господи! Ну же!

Я внезапно с кристальной ясностью поняла, что единственный выход для меня — признаться. Мне нужно было сказать им, что это сделала я, и поверить, что они сохранят мой секрет. Меня терзало множество эмоций: нескончаемая паника, потому что на мгновение я счастливо решила, что эти слова никогда не будут сказаны; полное облегчение, потому что признание освободило бы меня; и — крошечная, но невероятно сильная надежда — вдруг после всего этого у нас все-таки появится дочь.

Мне нужно было собрать их вместе.

— Это вообще безопасно? — спросил Чарли.

— Да, — ответила я.

Я встала и пошла к двери и поняла, что сестра идет следом за мной.

— Я тоже поеду, — сказала она. — С тобой.

— Не знаю…

Лидия умоляюще посмотрела на меня.

— Ладно, поехали.

Я припарковала машину перед коттеджем.

Посмотрела на деревянные окна, закрытые ставнями, на беленые стены, на соломенную крышу с аккуратным навесом, похожим на шлем. Помню, как отец предлагал нам покрыть ее черепицей. Помню, как тетя настаивала, что крыша должна быть соломенной.

— Пошли, — сказала я, заглушив двигатель.

— Дай нам минутку, — попросила Лидия.

— Хорошо, — вздохнула я.

Я вышла из машины и принялась разглядывать сад. Ветки, палки, семенные коробочки — не мертвые, а просто задремавшие. Ждущие весны. Я представила себе будущее этого дома, когда здесь наконец-то поселятся люди: новые арендаторы, каждый день отправляющиеся на пляж с надувным батутом и корзиной для пикника. Или семья, которая будет жить здесь круглый год и сделает коттедж настоящим домом.

Я вошла внутрь и сняла ботинки и пальто. Было очень холодно, так что я стянула с вешалки шарф и набросила на плечи.

Пошла в гостиную. Увидела, как золотые часы на каминной полке показали шесть — не пробили, не зазвонили, а просто две стрелки со щелчком встали на новое место. Мне захотелось разжечь огонь. Я переложила дрова и растопку.

Меня трясло, руки дрожали. Я пыталась успокоиться, но получалось плохо.

Появилась Эмбер в джинсах и темно-синей толстовке.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— А ты как думаешь? — рявкнула я.

— Тогда подвинься. — Она оттолкнула меня от камина.

Вероятно, она собиралась сделать это нежно или игриво, но я оцарапала руку и вскрикнула. Она небрежно извинилась и без всяких усилий развела огонь. Принялась подбрасывать в него дрова.

— Так лучше?

Я кивнула.

— Мы можем поговорить?

— Да.

— Тогда подожди чуть-чуть, пожалуйста.

Через несколько секунд она вернулась с блокнотом в красной кожаной обложке и протянула его мне. Это был блокнот моей тети: ее незаконченный роман, ее самое драгоценное сокровище, место, где она пряталась от мира. Я невольно открыла его и увидела, что половина страницы оторвана. Я вспомнила найденную наверху записку и поняла, что ее край идеально совпал бы

с линией отрыва.

Чарли.

— Где ты его нашла? — спросила я.

— Это очень странно, но он лежал рядом с тостером.

Он всегда валялся в нелепых местах, потому что тетя боялась, что кто-нибудь найдет его и заглянет внутрь. Интересно, как долго он был спрятан на кухне? Я подумала о единственном испытании, которое мы не рискнули выполнить: уничтожить его. Я подумала о своей сестре, которая оказалась самой разумной из нас и не переступала определенные границы.

— И?..

Она нашла записку, но не рассказала мне. Она не могла сказать, откуда взялся листок, не выдав того, что ее саму обвиняют. Она нервничала, как будто собираясь сказать что-то очень важное.

А потом открылась входная дверь, и к нам бросилась моя сестра.

— Как раз вовремя, — сказала Эмбер.

— Нам нужно поговорить, — заявила Лидия.

А потом она заметила блокнот в моей руке, медленно подошла ближе, заметила порванный край и замерла.

— Я могу объяснить, — сказала она.

Эмбер усмехнулась.

— Это не я написала записку, — сказала Лидия.

— Какую записку? — недоверчиво спросила Эмбер. Голос у нее вдруг стал слишком высоким.

— Я уже знаю, — ответила я.

Эмбер отступила на шаг, уперевшись плечом в каминную полку.

— Чарли оставил ее тебе, — пояснила Лидия.

— Это еще почему?

— У него была причина.

— Это серьезное обвинение, — заявила Эмбер, отошла от камина и ссутулилась.

Лидия напряглась, согнув колени, как будто ожидала удара.

Эмбер выхватила у меня из рук блокнот и яростно принялась его листать. Потом решительно придавила одну из страниц ладонью и ухмыльнулась.

— Читай! — велела она, возвращая мне блокнот.

…открывает дверцу холодильника, а он заполнен едой — но не ее руками. Она открывает окно и хочет быть там — бежать босиком по холодной, влажной траве, чтобы ветер развевал юбку, — а не в доме, где все напоминает о нем. Он — мясник, с языком острым, как нож, и кулаком мощным,

как мясорубка. Он — повар, подогревающий ненависть в ее душе, приправляющий ее сердце злом.

Я подняла взгляд и пожала плечами.

— Ниже смотри, — сказала она.

Запись была сделана другими чернилами — зеленой шариковой ручкой — и поперек тонких красных линеек, а не вдоль.

• *нет ничего хуже теплого апельсинового сока по утрам*

• *надо поставить новую коробку в холодильник, когда допьешь старую*

• *кроме ночи без снотворного*

• *их было четыре*

— Бред какой-то, — сказала я.

— Ничего подобного, — ответила Эмбер.

— Тогда я не понимаю, о чем она. Какой сок, какое снотворное?

— Ну как бы тебе сказать… — протянула Лидия.

— Нет, — отрезала Эмбер, перегнулась через мое плечо и перелистнула страницу.

маленькая лиди спрятала мои таблетки под подушкой, маленький пакетик с маленькой таблеткой, выпавшей из пачки, не могу найти пропавшую таблетку, но мой пакетик у меня в кармане.

Она прочитала этот текст вслух, медленно и размеренно, подчеркивая каждую «п». Потом закрыла блокнот и протянула его моей сестре.

— Объяснишь? — спросила она.

Лидия твердо стояла на ногах, но ее заметно трясло. Она дрожала всем телом, не сдвигаясь с места. Она схватила блокнот.

Она не из тех, кто может разом отодрать пластырь. Она будет медленно и аккуратно отлеплять его, морщась, когда кожа будет тянуться следом. Она знает, что быстрый укол легче медленной постоянной боли, но все же обязательно выберет боль надолго.

Вся ее жизнь определялась этим: медленной, непреходящей болью, постоянной и мучительной болью. Под этим пластырем не заживал рубец, который терзал ее так же, как мой терзал меня. Я ожидала, что она будет медленно отрывать тайну от кожи, оставляя липкие пятна.

Она стояла молча.

Она всегда была хрупкой. Хрупкой, как цветок, а не как бомба.

Она никогда раньше не взрывалась.

Она открыла блокнот и принялась лихорадочно листать его, а потом начала вырывать листы один за другим, мять и рвать, разбрасывать по

сторонам. Она была в бешенстве и глухо рычала, отдирая большие куски. Она рвала и рвала, лист за листом, бумага падала на пол, пока в ее руках не осталась только безжизненно обвисшая красная обложка.

Глава 34

Наутро после второй истерики мы во что-то играли, но без всякого удовольствия. Мы даже перестали притворяться. Мы смирились с тем, что лето закончилось, что утраченное не вернется. Мы очень боялись. Мы знали, что правда рано или поздно выйдет наружу, — потому что так бывает всегда. Я пыталась принять это, просто позволить будущему обрушиться на меня.

Эмбер вела себя далеко не так сдержанно.

Она несколько раз умоляла меня найти способ заставить ее сестру замолчать — *давай заставим ее сделать это еще раз, как психологи делают, или попробуем гипноз, или как-нибудь напугаем ее еще сильнее*. Но когда каждая ее идея оказывалась слишком сложной, она немедленно отказывалась от любой ответственности.

— Нельзя, чтобы отец узнал.

— Да. — Я тоже прекрасно понимала, что он впадет в ярость.

— Не представляю, что он сделает.

Для нее последствия обещали быть куда более серьезными.

— Придется все валить на тебя, — заключила она, пожав плечами.

Пейдж весь день молча валялась на диване. Под глазами у нее темнели круги. Лидия ее опекала и приносила ей вкусное. Эмбер нервничала, то садилась, то вставала, то убегала, то возвращалась и многозначительно смотрела на меня.

В тот вечер я легла позже остальных. Я хотела помыться одна, потому что только дети сидят голышом рядом с сестрой и кузинами. Наконец я прокралась в спальню, но не могла заснуть. Я ждала, когда начнутся крики. Ждала, что меня обвинят в том, что я это не предотвратила.

Мы всегда — всегда — держались вместе против матерей, их правил и мелочных наказаний. Мы были вчетвером — навсегда, думали мы. Считали, что никогда не позволим взрослому встать у нас на пути.

В прошлом году мы были в кондитерской лавке. Мистер Симмс — пожилой сутулый мужчина с тростью, с кожей, похожей на упаковочную бумагу, и длинными, как когти, ногтями — протянул нам наши розовые полосатые пакеты. Мы бывали у него минимум раз в неделю все лето, так что он выучил, что мы любим. Мы устроились по углам, ели щербет, ириски и карамельки и радовались

новым вкусам.

Вдруг он подошел ко мне сзади, схватил за плечо и дернул. Конфеты полетели на пол.

— Выворачивай карманы, — велел он. — Посмотрим, что ты стащила.

Я запаниковала. Я не брала никаких конфет, я вообще ни разу в жизни ничего не украла. Но его обвинение испугало меня. Я что-то бормотала, говорила какие-то слова, а потом ощупала свое зеленое летнее платье, словно ища карманы, которых на нем не было.

— Давай, девочка, — велел он.

— Не могу. У меня нет карманов.

Он скользнул взглядом по моему телу. По шее, животу, паху. Он подумал, что я спрятала украденные сладости в трусиках. Я не знала, что делать.

Эмбер встала рядом со мной и взяла меня за руку.

— Ваши сладости тупые, — сообщила она.

Лидия высыпала леденцы обратно в стеклянную банку. Пейдж поставила полосатый бумажный пакет на прилавок. Мы ушли вместе, вчетвером. Так же случилось и с придуманным мной испытанием, с собачьим дерьмом в соседском саду.

Эмбер могла бы ворваться на кухню, продемонстрировать грязный палец и рассказать нашим матерям, что случилось. Она могла бы сказать, что мы наблюдали за ней через изгородь, что я ее заставила сделать гадость. Но она так не поступила. Потому что мы были бандой. Четыре девочки противостояли мужчинам и женщинам, которые так многое решали в нашей жизни.

Я не могла понять, что изменилось, почему она решила порвать эту связь, почему она готова была врать, чтобы спихнуть с себя вину.

Лежала в постели, голова кружилась, мысли кипели, я пыталась заснуть, но чувствовала себя слишком взвинченной. Гнев захлестывал меня, словно волна, разбивающаяся о скалы, и я знала, что ему нужен выход.

Я спустилась на кухню. Возможно, мне помогло бы что-нибудь съесть или хотя бы попить воды. Сунула голову под кран и открыла воду. Я надеялась, что она охладит меня, успокоит, но меня трясло.

Я пошла в гостиную. Из-под дивана выглядывал рюкзак. Я вытащила его. Я знала, что она хранит там своей проект.

Я разобрала страницы, разложила их на ковре перед камином. Покопалась в листах, исписан-

ных аккуратным почерком. Ярко-синие чернила, несколько карандашных таблиц со словами и цифрами, втиснутыми в клеточки, опрятные схемы с парашютами и падающими солдатами. Впрочем, были там и каракули, слова, нацарапанные толстой черной шариковой ручкой, предложения, перечеркнутые жирными, гневными линиями, скомканные и надорванные листы.

А затем из рюкзака выпал маленький блокнот в розовой блестящей обложке, заложенный радужной ленточкой. Я немедленно открыла его и узнала почерк Эмбер.

Четверг, 16 августа.

Три дня тому назад.

Это был дневник.

Вот только моя кузина не вела дневников и утверждала, что это глупость.

Я принялась читать.

Джесс хочет и дальше придумывать испытания. Мне не нравится эта идея, потому что она заставила меня есть собачьи какашки. Фу, гадость. Но я решила играть со всеми. Лидия подбивала Пейдж пойти в пещеру на пляже одной, но я знала, что она не согласится. Слишком далеко и слишком страшно. Вместо этого мы играли во что-то другое. Уверена, завтра Джесс снова выду-

мает какое-нибудь глупое задание на смелость.

Это действительно был дневник, вот только фальшивый. Она написала его позже и написала свою выдумку, а не реальность.

Я не могла поверить своим глазам.

На столике лежали сигареты. Тетя положила их в маленькую керамическую мисочку, которую использовала как пепельницу, пока писала, свернувшись в кресле.

Рядом с пачкой лежала желтая зажигалка. Я взяла ее.

Мне никогда раньше не приходилось пользоваться зажигалкой, но я видела, как тетя проводила большим пальцем по колесику, и появлялось пламя. Я повторила это движение. Раздался тихий щелчок, но огонька не было. Попробовала еще раз. Потом наконец-то появилась маленькая искорка. Я продолжила. Получился огонь.

Я могла бы сказать, что сделала это почти бессознательно, но это была бы неправда. Я обещала тебе быть честной и хочу сдержать свое обещание. Я взяла с пола один из листов ее проекта. Мне хотелось увидеть, как он горит. Я поднесла зажигалку к краю листа и благоговейно наблюдала, как пламя ползет по нему, как белая бумага становится серовато-черной, как огонь подбира-

ется к моим пальцам.

Я огляделась в поисках миски или мусорного ведра и в результате бросила пылающий лист в камин.

Это было приятно. Мне нравилось, что я уничтожила что-то важное. Я чувствовала себя оправданной. Я уничтожила всего-навсего ее работу, а она уничтожила связь между нами.

Я подожгла еще один лист, дала ему догореть, бросила.

Еще один, еще, еще. Аккуратно исписанные листы, лежавшие на столе. Мне было плевать. Мне нравилось смотреть, как они тлеют. С каждой страницей мой гнев понемногу угасал. Я успокаивалась, глядя на красно-желтое пламя, чувствуя, как жар подкрадывается к моим рукам. Мне было хорошо, пока я одну за другой скармливала страницы огню, бросала их в камин и смотрела, как они трепещут, разбрасывая искры, распадаются на кусочки, чернеют и исчезают.

Я посмотрела вниз. Кажется, стопка страниц уменьшилась вдвое.

Где-то внутри зашевелилось чувство вины, и я остановилась. Сунула оставшиеся листы обратно в рюкзак, пнула его под диван.

Блокнот — дневник — я оставила на видном

месте.

Меня накажут. Я в этом не сомневалась.

Эмбер проснется следующим утром, по-прежнему жестокая и думающая только о себе. Спустится вниз, как и почти каждое утро, совсем рано, когда солнце только-только покажется из-за горизонта. Увидит блокнот и удивится, почему он не спрятан. Потом вытащит рюкзак из-под дивана и возьмет несколько чистых листов бумаги. Ей понадобятся черновые заметки с исходными данными эксперимента. Она усядется на диван, положив чистые листы на толстую энциклопедию в твердом переплете, и начнет писать. Она не заметит, что рюкзак стал легче. Она не заметит, что страниц меньше, чем накануне вечером.

Потом она поднимет взгляд и увидит что-то белое в камине. Она отложит книгу, потянется к каминной решетке и почувствует кончиками пальцев пепел, такой мелкий, что он кажется почти влажным. Она вытащит клочок бумаги и узнает свой почерк. Она перечитает свои собственные слова.

Я использовала несколько пакетов разного размера

эксперимент. Я вырезала круги из каждого

диаметра циркулем

отверстие в верхней части каждого, чтобы

Она поймет, что это ее проект, ее путь на свободу, и сердце заколотится у нее в груди. Она начнет панически задыхаться. Задрожит в ярости, понимая, какая часть ее жизни обратилась прахом, и понимая, что это было сделано намеренно. Она всегда так гордится своей рациональностью, спокойствием, рассудительностью даже в самых жутких ситуациях, но этого ей не выдержать. Она зарыдает, как ее младшая сестра накануне. Дико, отвратительно завоет.

Она поймет, что это я.

Я выключила свет и поднялась в спальню.

Я внезапно проснулась и напрягла слух, ожидая, что крик накроет меня, отрезав от остального мира. Я прислушалась — он должен был быть высоким, диким и невыносимым, — но крика не было. Вместо него я услышала треск и шипение. Я открыла глаза и ничего не увидела. Меня окутывал густой серый туман.

Я услышала громкий, резкий треск дерева и села.

Повернувшись, я увидела, как что-то яркое вырывается из камина. Трещало пламя, а серый туман был дымом. Я поняла, что дело плохо. Дым рванулся в грудь, обжигая легкие. Я не могла

понять, что делать дальше. Протерла глаза и закашлялась. Я понимала, что ночь, что все спят и что коттедж горит.

Меня учили бояться. Мне говорили не подходить слишком близко к качелям, не переходить дорогу на красный свет, держаться подальше от кастрюль на плите и мужчин в плащах. Меня тоже защищали.

Став матерью, я делаю то же самое. Защищаю сына, пытаясь поддерживать в нем веру, что он всегда будет в безопасности, инстинктивно хватаю его маленькую ручку, когда мы ступаем на эскалатор, иду за ним по лестнице на случай, если он споткнется, отдергивая его в сторону, чтобы на него не наехал велосипедист на тротуаре. Я хочу, чтобы он знал, что опасности существуют, но я не хочу, чтобы он оказался в опасности. Теперь я знаю, что мои родители делали то же самое для меня — предупреждали, но защищали. Я ничего не знала о жестокости мира. Несколько секунд я сидела в кровати, ожидая, что кто-то придет и спасет меня, защитит, как всегда бывало раньше.

Я ждала маму.

Я спрыгнула с верхнего яруса, и пол обжег мне ноги. Думаю, именно шок наконец-то привел меня в чувство. Я была одна. Я не знала, придет

ли кто-то на помощь. Пришла беда, и я оказалась одна.

Глава 35

Из камина вырывались длинные языки трещащего пламени. Жар обжигал голую кожу, кусал ноги. Я прыгнула на нижнюю кровать и начала трясти сестру.

— Пожар! — заорала я.

Хотя нет, не заорала. Голос был хриплым, слабым, сдавленным. Я едва шептала. Сестра не шевелилась. Я трясла ее все сильнее, дергала и наконец ударила ладонью по лицу. Она застонала и оттолкнула меня в сторону, так что моя голова стукнулась об изножье кровати. Я сорвала с нее одеяло и сжала ее плечи.

— Что случилось? — спросила она недовольно, закашлялась и протерла глаза.

— Вставай! — крикнула я. — Пожар! Бежим!

Она всегда была защищена, как и я, но никогда по-настоящему этого не чувствовала. Она постоянно видела опасность повсюду: призраков и упырей в темноте, акул и змей в море, быстрые машины на тихих дорогах, подозрительных незнакомцев на вокзале, духов под карнизом. Она считала опасной саму себя. Она боялась со-

вершить что-нибудь безрассудное, расстроить кого-нибудь или устроить скандал — например, если ее стошнит на людях. Поэтому она не особенно удивилась, попав в настоящую беду.

— Пошли! — крикнула она. — Быстрее! Времени мало!

Пламя карабкалось по дереву, цеплялось за каминную полку. Оно становилось все ярче, а дым — все гуще.

Я уже почти ничего не видела, глаза жгло, словно их облили хлоркой или намазали солнцезащитным кремом. Я щурилась, но каждый раз, моргнув, видела все меньше и меньше.

— Буди остальных! — закричала Лидия.

Я спрыгнула с ее кровати и побежала через комнату. Встала на нижнюю кровать, чтобы добраться до верхней, и ударила рукой по матрасу, пытаясь нащупать кузину.

Та застонала и оттолкнула меня.

Я колотила по телу под одеялом, пока она не села, вскрикнув:

— Да какого хрена!

Она закашлялась, чувствуя, в чем дело: легкие наполнялись чем-то, что не было воздухом, глаза защипало, жар лизал кожу.

— Господи, — сказала она, — боже.

Я почувствовала, как она зашевелилась, просыпаясь окончательно. Я поняла, что она осознала происходящее. Я наклонилась к нижнему ярусу. Я была совершенно уверена, что она пошевелилась, уверена, что она двигалась. На самом деле, наверное, просто ее сестра так громко возилась наверху, что вся кровать тряслась.

Я крикнула им обеим, чтобы они поскорее вставали и убегали из дома, и бросилась обратно к своей кровати. Я не видела сестры и пыталась нашарить ее в серой мгле, пока наконец не почувствовала протянутые руки. Я дернулась вперед, и мы обняли друг друга.

— Пора бежать! — крикнула я.

— Мы сейчас, — отозвалась Эмбер.

Я двинулась к двери, тщетно пытаясь разогнать дым. Я шарила вслепую, пока не нашла дверную ручку — она оказалась горячей. Я распахнула дверь и крикнула в спальню, что в коридоре прохладнее. Лидия крепко сжимала мою руку, так крепко, что было больно. Это одновременно успокаивало — так бывает, когда прижимаешь пальцем синяк.

— Пошли, — сказала я.

Дым никуда не делся, но дышать стало немного легче. Видно тоже было немного лучше. Я ощу-

пывала стену, ища перила, по которым мы бы вышли в безопасное место.

— Придется ползти, — сказала я.

— Нет. — Лидия отказалась меня отпустить.

Я нащупала столбик перил наверху лестницы.

— Давай присядем, — прохрипела я.

— Где все? — спросила Лидия, опускаясь на корточки. — Где мама?

Я остановилась. Прислушалась. Я никого не слышала. Не знала, открыты ли двери других спален. Знают ли они, вообще, о пожаре?

— Не знаю, — крикнула я.

— Я пойду, — сказала Лидия. Она не двинулась с места, так и оставшись сидеть на верхней ступеньке.

— Жди здесь!

Я поползла ко второй спальне. Поскреблась в дверь, потом дотянулась до ручки и с силой рванула. Подсознательно меня тянуло извиниться: мне нельзя было входить в мамину спальню без разрешения. Когда дверь распахнулась, я прищурилась. Тут было прохладнее и чище.

— Мама, вставай! Мы горим!

— Что-что, милая?

— Мама!

Я чувствовала, как дым и жар ползут мимо

меня, заполняя спальню. Как будто они тоже убегали от опасности.

— Ясно, — сказала она.

Я услышала, как она спустила ноги на пол, и мне сразу стало намного легче: наконец-то я перестала быть главной.

— Где твоя сестра? — спросила она.

— Она со мной.

— Быстро на улицу. Я займусь остальными.

Мама включила прикроватную лампу, надела тапочки, просунула руки в рукава халата. Она не замечала, что всего в нескольких метрах от нее, через коридор, полыхает адское пламя. Она понятия не имела, как мало времени осталось… не понимала, что у нас не было ни минуты.

Я поползла обратно к сестре, и мы вместе скатились по лестнице в темноту.

Не понимаю, как мы поскользнулись. Мы вели себя очень осторожно и уверенно. Наверное, дело было в жаре, панике и адреналине, которые бурлили в нас. С тех пор я много раз напивалась, курила, принимала таблетки, но никогда больше не чувствовала себя настолько энергичной. Я могла думать только о необходимости перебирать ногами и руками, двигаясь навстречу прохладному свежему воздуху впереди. Помню,

как наклонилась слишком далеко вперед и сразу поняла, что не смогу удержаться. Я знала, что мы падаем. Попыталась отпустить руку сестры, но не успела. Она рухнула следом за мной. Я до сих пор помню ее беззвучный всхлип, когда она приземлилась на пол — и немного на меня. Я услышала шум наверху лестницы — кузин, мать, тетю, — и мне снова стало легче. Наступил короткий миг — возможно, это была галлюцинация из-за отравления дымом, — когда все уже стало забавной историей, которую можно будет рассказывать в будущем. Я представила, как поведаю об этом утре в первый день в новой школе и как все будут мною восхищаться: я и в пожаре сориентировалась, и всех разбудила, и сестру спасла. Я открыла глаза и увидела гостиную. Она пылала. Красно-желтые языки пламени метались по каминной полке, дыма не было, только огонь рвался из дымохода. Я вскочила на четвереньки. Я не смогла удержать равновесие. Я не могла понять, где верх, а где низ и как отсюда выбраться. Я услышала стоны сестры, а затем шум снаружи.

— Где вы? — крикнул кто-то. — Девочки! Мардж! Берни!

Чья-то нога ударила меня в бок. Я закашлялась. Кто-то присел рядом, зашарил руками по моему

телу.

— Наружу! Скорее!

Меня вытащили через парадную дверь на крыльцо и подняли на ноги. Я хотела позвать сестру, но могла только кашлять и отплевываться. Я видела, как ее вытаскивают за мной. Я нащупала ее руку, пока мы пытались отдышаться. Мне хотелось сказать, что остальные остались внутри, но я никак не могла набрать достаточно воздуха в легкие, все еще заполненные дымом.

Я пыталась проморгаться, из глаз текли слезы.

Марианна подняла мой подбородок и посмотрела мне в глаза.

— Они сейчас выйдут, — сказала она.

Я пыталась говорить, извинялась, кашляла, каялась, хрипела, плакала. Эмбер, шатаясь, вышла из коттеджа, спустилась с крыльца и рухнула на траву. Мы с Лидией бросились к ней. Никому из нас и в голову не пришло, что мы все не успеем выбраться.

Глава 36

Раньше я считала, что смерть бывает где-то далеко. Одноклассник пропускал день, чтобы пойти на похороны, но это всегда был восьмидесятилетний дедушка, у которого просто остановилось сердце, или пожилая тетя, которую за несколько месяцев сожрал рак. С годами трагедии подбирались ближе: мальчик из соседнего городка, чья машина улетела в кювет, сестра девочки из бассейна, которая перенесла операцию и провела последние девять месяцев в больнице.

Я видела смерть — как камень, падающий в спокойную воду. Я видела, как от центра расходятся круги, сначала четкие, а затем постепенно слабеющие. Мне везло, я была далеко от центра и просто смотрела на камень чьего-то дедушки, матери или брата, пока волны захлестывали их близких.

Я никогда раньше не оказывалась так близко. Я никогда не чувствовала, как горе накатывает на меня; мне всегда нужно было его воображать. Но я увидела, как эта волна хлынула из коттеджа и накрыла всех нас, когда мы поняли, что она

мертва.

* * *

Мы валялись на подъездной дорожке — впервые за все время нас было только трое, — кашляли и плакали, пока «скорая помощь» неслась по дороге, вопя сиреной. Мы заткнули уши руками, но тут чей-то крик заглушил визги.

С переднего сиденья выскочила парамедик в зеленой форме, с зеленой сумкой в руках и бросилась к нам. Я посмотрела на свою пижаму, покрытую сажей, пеплом и пылью. Я оглянулась на взрослых, которые стояли небольшими группами и выглядели очень деловыми и собранными. Когда мы выпали из коттеджа, было еще совсем темно. Теперь уже светлело, желтые лучи фар прыгали между машинами, на неровном гравии установили прожекторы.

Парамедик улыбалась, доставала из сумки инструменты и заверяла нас, что все будет хорошо. Эмбер посадили в первую машину скорой помощи, а Лидию — во вторую. Я тяжело оперлась на кирпичную стену и сидела там, поглядывая на дверь коттеджа. Я чувствовала, как минуты утекают, и кое-как поднялась на ноги, раскачиваясь, как новорожденный ягненок. Я поплелась к

пожарному с подковообразными усами.

— А где моя мама?

— Сейчас найдем.

Он смотрел на дверь коттеджа. Из его рации раздалось шипение, он повернулся ко мне спиной и поднес прибор к губам.

— Эмбер!

Я услышала чей-то крик и, обернувшись, увидела, как моя тетя бежит между припаркованными машинами, пытаясь разглядеть крыльцо.

— Эмбер!

На ней был фиолетовый халат, завязанный на талии, завитые волосы спадали на лицо, ногти на босых ногах сияли ярко-розовым лаком. Она выглядела так, как будто только что проснулась. Мне и в голову не пришло, что она не вышла из дома.

— Ты их видела? — спросила я. — Ты их вывела?

Она не остановилась.

Она бросилась к моей кузине, все еще сидевшей на ступеньках машины скорой помощи.

— Господи, Эмбер, — застонала она.

Эмбер не дрогнула, когда ее обняла мать. Она раскачивалась, как тряпичная кукла, и лицо ее было неподвижным.

— Пейдж! — закричала тетя.

Она побежала к крыльцу, но ее удержал пожарный в форме. Она пыталась прорваться мимо него, но он был слишком силен. Он даже приподнял ее над землей. Она орала, задыхаясь от злости, чтобы он отпустил ее, поставил на землю и убирался к черту, но он стоял недвижимо, как стена.

Я увидела, как мама, кашляя, выбежала из коттеджа. Я подбежала к ней и обняла ее за талию. На воздухе у нее подкосились ноги.

— Мама! — Я ревела. — Ты жива! Ты жива, ты жива…

Она крепко держала меня, пока не подошел парамедик и не попытался меня от нее оторвать.

— Где она? — кричала тетя. — Где она?

Я обернулась к ней, увидела ярость, застывшую на ее лице, увидела — и это зрелище преследует меня до сих пор — пожарного, выходящего из парадной двери коттеджа. Он снял шлем, вытер пот со лба и покачал головой.

Я сразу все поняла.

Пейдж погибла.

Марианна силой оторвала меня от мамы и опустилась рядом на колени.

— Пойдем со мной, — сказала она.

— Не хочу, — плакала я. — Я хочу…

— Я знаю. Но им нужно ее осмотреть.

— Нет!

— Джесс, ну ты сама посмотри на маму, что ты.

Мама говорила с медиком. Она заметила мой взгляд и улыбнулась мне измученной улыбкой.

— Иди, — хрипло сказала она.

Я помню, что дым все еще шел от крыши — точнее, оттуда, где она раньше была, — но огонь уже потушили. Помню, как несколько пожарных стояли в стороне, держа в руках желтые каски, и пили воду из пластиковых бутылок. Я видела, как машина скорой помощи закрыла двери и умчалась в сторону деревни. Помню, как мама с тетей стояли у другой машины. Я видела, как тетя рыдала, вздрагивая всем телом и вытирая глаза кулаками. Я видела, как мама потянулась к ней, раскинув руки, чтобы обнять свою несчастную сестру.

А тетя с силой толкнула маму назад, так что та рухнула на дорожку. В тот момент это было понятно. Она была в шоке. Она была в отчаянии. Размытое представление о личных границах мешало ей искренне распахнуть объятия другому человеку.

Я часто так себя чувствую, когда случается что-

то неприятное: снится кошмар, со мной грубо разговаривают, еда подгорает. Я не люблю терять контроль в присутствии других. Я спускалась вниз после того, как часами пыталась успокоить нашего сына — пела ему, совсем охрипнув, качала на руках, несмотря на пульсирующую боль в спине, вела себя спокойно и собранно, несмотря на его крики. Я падала на диван, чувствуя себя вымотанной и сломанной, а ты лез ко мне с объятиями, и на лице у тебя была написана тревога. Я видела, что ты стараешься — игрушки были убраны, ужин стоял на плите, — но я не могла выносить твоего присутствия. Я была так близка к взрыву, что одно легкое прикосновение могло бы меня уничтожить.

Я думала, что моя тетя такая же, потому что даже тогда — даже в детстве — мне не приходило в голову, что людям может хотеться, чтобы в тяжелый момент их обняли. Наверное, мне и в голову не пришло, что она могла иметь в виду что-то другое.

Думаю, это была последняя встреча мамы и тети.

Марианна увела меня в свой коттедж. Эмбер уже сидела там на дальнем конце полосатого красно-белого дивана. На нем валялись подуш-

ки, и она почти исчезла в них. Такая она была маленькая, неподвижная, незначительная. Я услышала, как в туалете спустили воду и в комнату, шаркая, вошла Лидия. Она умылась, но на шее остались потеки сажи, а в волосах — пепел. Поверх пижамы она накинула фольгированное одеяло, которое придерживала на плечах.

Колин вошел в комнату следом за ней.

— Вот, держите. — У него в руках был поднос с тарелкой тостов с маслом и тремя стаканами апельсинового сока. — Поставлю вот сюда.

Он осторожно опустил поднос на журнальный столик, но пластик стукнул о стекло слишком громко.

Накануне вечером его отвлекла моя тетя и ее безумный флирт — его можно было понять. Он мог бы провести вскрытие, но не стал этого делать. Возможно, из жалости. Полагаю, он считал, что причина смерти очевидна.

Я рассказала тебе, как она умерла. Ты казался рассеянным и возился с дворниками. Я тоже не замечала ни густого снега, ни гололеда на дороге, смотрела только на огни города вдали. Я обернулась посмотреть на сына. Увидела только темноту: ни очертаний сидений, ни окон, ни сумок, забивавших все свободное место. Сына,

уютно устроившегося в автокресле, я тоже не видела. Не видела капелек пота на его носике-пуговке, не чувствовала густого молочного запаха и не слышала ровного дыхания за гулом двигателя.

У меня не было никаких доказательств того, что он здесь, что он все еще с нами, но глубоко внутри меня жило чувство, что, если с ним что-то случится, если он неожиданно окажется слишком далеко от меня, я сразу это пойму. Я затаила дыхание, надеясь услышать его. Мне бы хотелось его и увидеть. Увидеть, как ритмично поднимается и опускается его грудь. Я бы посветила в его сторону фонариком, если бы не боялась разбудить его.

Поэтому я просто поверила, что все хорошо и он отдыхает.

Сразу после трагедии я думала, как это — потерять сестру. Эмбер всегда была моей полной противоположностью. Я ставила себя на ее место и пыталась мысленно забраться в уголки ее сознания. Я никогда не думала, как себя чувствовала моя тетя в те первые минуты, в последующие недели и потом, десятилетия спустя, когда весь мир забыл, что когда-то существовала еще одна маленькая девочка.

Я стала думать об этом чаще, когда сама стала

матерью. Эта мысль терзала мое воображение каждый раз, когда я не была до конца уверена, что мой сын в безопасности. Я не могу даже представить себе воздействие таких событий — событий, которые обрушиваются на людей с такой силой, — без слез.

Глава 37

До поездки в коттедж я представляла себе свою вину в виде маленького камушка: единого неделимого объекта, которым можно владеть и который можно лелеять. Теперь я вижу, как она постоянно меняется, движется и развивается. Она, как песок, постоянно утекает сквозь пальцы. Ее нельзя удержать. Ею нельзя завладеть.

Каждая из нас троих сыграла тем летом свою роль. У каждой оказалась своя крупинка вины, которую мы увезли с собой. Мы все несли ответственность за то, что случилось с моей кузиной в пещере: за то, что начали игру, за то, что выдумывали испытания, за то, что расширяли их границы. Я знала это с самого начала; я никогда не пыталась присвоить вину целиком.

И только тогда, в те роковые выходные, я поняла, что то же самое можно сказать и про смерть кузины. Я пыталась сделать эту вину своей, запихивала этот камешек себе в душу… как камень в ботинок, который мешает на каждом шагу. Я верила — целых два десятилетия, всю свою взрослую жизнь, — что я устроила пожар, в котором

погибла маленькая девочка. С тех пор я тащу за собой тугую паутину горя, вины и гнева. Каждый день я думаю об этих ужасных вещах, вине и ответственности. Я с трудом проживала черные ночи, и перед моими глазами снова и снова вставали ужасные слова: «убийца», «смерть», «ад». Я жила, окутанная смертью. Я потеряла так много себя из-за этой вины.

Которая, как выяснилось, тоже была не только моей.

— Лиди? — рискнула спросить я.

Она, тяжело дыша, стояла среди обрывков бумаги, как в сугробе. При моих словах она глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

— Все хорошо. Простите.

— Что это было? — спросила я.

— Я просто…

— Что случилось с четвертой таблеткой? — поинтересовалась Эмбер.

— Замолчи, — велела я. — Не надо.

Мне и в голову не пришло, что запись в блокноте тети может быть подлинной. Я была уверена, что она была сделана несколько часов назад, когда моя кузина снова отчаянно попыталась уйти от ответственности. Я уже собиралась все рассказать, начав с первого поддельного днев-

ника двадцать лет тому назад и с пожара. Но тут сестра разрыдалась.

Я хотела ее утешить, хотела подойти к ней, но остановилась, когда она сказала:

— Это была я.

Она вытерла глаза ладонями, прошла через комнату и плюхнулась в кресло. Эмбер задрала брови. Я медленно села прямо на кофейный столик.

— Лидия?

— Чарли рассказал нам о ночных страхах, помнишь?

Она обращалась ко мне, словно нашей кузины тут не было.

— Да.

В моей памяти сохранилось каждое мгновение перед тем унизительным отказом.

— И я помню, — вставила Эмбер.

— А потом он вернулся с пляжа и подошел ко мне, — продолжила Лидия. — Ты как раз обедала. И он сказал мне, что его кузен иногда принимает снотворное, чтобы прекратились ночные кошмары, и что нам стоит попробовать, и что, возможно, он сможет раздобыть нам одну или две таблетки.

Эмбер фыркнула.

— Но я могла справиться и без него, — сказала Лидия. — Я сказала, что украду таблетку и подложу ей в тарелку. Сейчас это кажется бредом. Не могу поверить, что я… думала, что окажу ей услугу.

— Ты это сделала? Ты дала ей таблетку?

Лидия кивнула.

— Я хотела произвести на него впечатление. Я хотела ему понравиться.

— Когда это было? — спросила я.

Лидия подтянула колени к груди, уткнувшись в них подбородком.

— В ту ночь, когда она умерла? — снова спросила я.

Я говорила как робот, односложными, неестественными фразами. При этом я заново переосмысляла свою вину. Мой разум прокручивал назад двадцать лет. Я пыталась переписать эту историю, вплести в нее новую информацию, найти другое объяснение. Думаю, я казалась им заторможенной, но мозги у меня кипели.

— Да, — сказала Лидия.

— Что «да»?

— Я дала ей снотворное в ночь ее смерти.

— Но это значит…

Я потрясла головой. Рассудок помутился. Я не

могла понять, что происходит. Пыталась всех разбудить, тормошила их, кричала, выгоняла из спальни. Я кашляла в дыму, ничего не видя. Я думала, что все идут за мной.

— Лидия, что ты несешь? Какого хрена?

Я утратила огромную часть себя из-за чувства вины, — но я не была виновата.

Да, я устроила пожар, но винить надо было многих.

Я должна была испытать катарсис, видимо. С меня ведь свалился огромный, тяжелый груз. Но этого не произошло. На самом деле груз стал совсем неподъемным: еще один набор вопросов, еще одна серия историй, которые нужно было рассказать заново. Гнев накатил на меня яростной, беспощадной волной. Она захлестывала меня, душила. Я не могла дышать.

В тот момент я могла убить ее.

Не только я приехала сюда, чтобы в чем-то признаться.

Я помню, как сказала тебе это в первый раз, и увидела в твоих глазах не гнев, а печаль. Так же ты смотрел — с яростью, отчаянием и ужасом, — когда тебе позвонила мать и сказала, что рак дал метастазы и речь идет не о выздоровлении, а о последних днях жизни.

Я думала, это значит, что надежда еще есть. Я думала, тебя еще можно убедить сдержать свои клятвы: пока смерть не разлучит нас.

Я ошибалась, снова ошибалась.

В последнее время я снова думаю о вине.

Я знаю, что ты винишь меня в распаде нашего брака.

Я виню и тебя — за то, что ты подверг нашего сына опасности.

Глава 38

— Это кошмар, — сказала Лидия, — простите меня.

— Все эти годы… — начала я. — Не могу поверить, что ты…

— Да. Согласна. Мне нужно…

Я не могла просто сидеть и слушать ее, потому что в моей голове бесконечно кружились слова. Как будто я была баночкой с чистой водой, куда вдруг окунули грязную кисть. Во мне кружились цветные пятна, лишая меня прозрачности, уничтожая все, что было для меня смыслом. Я встала и бросилась в кухню. Я слышала, что Эмбер решительно пошла за мной. Я чувствовала, как мои мысли, как сама моя личность искажается. Я слышала, как торопится и суетится сестра. Я кружилась на месте, говоря все быстрее и быстрее, указывая на кузину, сияющую улыбкой у окна, и на сестру, подходящую к обеденному столу. Я махала руками. Я была в ярости. Я твердила, что она лгунья и — хотя мне сейчас стыдно в этом признаться — убийца. Я говорила, что она была мне никудышной сестрой, что она эгоистична и

жестока, что ей не стоило приезжать в коттедж, что ей следовало бы жить в доме со своей новой любовью.

Я видела, как движутся мои пальцы, но это происходило помимо моей воли.

Я смотрела на них, словно они были чужие. Они поползли по столешнице, нащупали край оранжевой формы для запекания, сохнувшей на краю стола. Я схватила ее и швырнула в стену. Я видела, как она вращается в воздухе, опускаясь, как в замедленной съемке. Я закрыла глаза, когда она врезалась в стену, услышала, как она разлетается на сотни осколков. Открыв глаза, я увидела вмятину в штукатурке размером с крышку мусорного ведра.

Мой гнев мгновенно угас — как будто огонек свечи сжали мокрыми пальцами. Мне должно было стать стыдно, но я ощущала только облегчение. Это было как гроза после жаркого летнего дня или как воздушный шарик, который бесконечно надувается, а затем наконец лопается.

Эмбер сидела на корточках на полу.

Я увидела, как кто-то метнулся из-за угла дома, прижался лицом к стеклу.

Чарли.

— Что случилось? — крикнул он. — Лидия?

Он увидел ее, целую, невредимую у обеденного стола, и заметно расслабился.

Эмбер встала, взглянула на него и нахмурилась.

Чарли бросился к дверям оранжереи и, воспользовавшись своим ключом, вошел в коттедж. Побежал на кухню. Я сразу поняла, что он чувствует к моей сестре, когда он подошел к ней, обнял за талию, нахмурился и слегка кивнул, как бы говоря: «Я здесь, все хорошо».

Сердце сжалось оттого, что тебя не было рядом.

— Что у вас происходит?

— Форма упала, — сказала я.

— Упала? — Он высоко поднял брови.

Эмбер отняла правую руку, которой закрывала левое предплечье. На ее светлой коже растекалась яркая лужица крови.

— Черт, — сказала она.

Я поспешно сунула ей кухонное полотенце, которым она зажала ранку.

— Что-то серьезное? — спросила я.

— Вряд ли.

Мне казалось, что рана довольно серьезная.

— Ты…

— Это случайность, — сказала я.

Мне постоянно не везет с керамикой. Однажды

я уронила поднос с только что обожженными вазами и, пытаясь спасти самую маленькую, сжала ее в ладони, так что остался шрам. Ты называешь его линией боли. В прошлом году у меня случился тендинит локтя. Возможно, я невольно провоцирую заболевание легких, ежедневно вдыхая кварцевую пыль. Но я никогда ничего не била намеренно, и эта вспышка меня пугала.

Эмбер опустилась на колени и неловко начала собирать осколки.

— Я все поняла, — сказала я.

Этого момента я ждала двадцать лет. Он приближался ко мне, стрелки часов вращались все быстрее и быстрее. Я планировала именно это с самого начала, но все закрутилось слишком быстро. Я была рада хоть какому-то будничному занятию; я схватила совок и щетку и сгребла осколки в аккуратную кучку: оранжево-белую и красновато-глиняную — этот оттенок напоминал мне о доме.

— Мне нужно, чтобы вы все сели, — сказала я, вставая.

Лидия подняла бровь. Эмбер покачала головой. Чарли первым выдвинул табуретку из-под обеденного стола. Я глубоко вздохнула и закрыла глаза. Я была готова. У меня не было выбора. Я

смотрела на вмятину в стене, не желая смотреть на их выжидающие лица.

— Это я устроила пожар, — сказала я и задержала дыхание.

Я взглянула на кузину, которая наклонила голову набок и широко раскрыла глаза.

— Я очень злилась. Я увидела твой поддельный дневник и даже не поверила, что ты хочешь соврать.

Она искоса смотрела на меня.

— Я увидела зажигалку в пепельнице и сожгла несколько страниц твоего проекта, потому что тогда это казалось логичным. И я очень злилась. Я оставила их в камине. Я думала, ты найдешь их утром. Мне было плевать, что будет дальше. Решила, что как-нибудь разберусь. Но огонь уничтожил все. Дверь на чердак в том числе. Мне так и не пришлось в этом признаваться.

— И ты винила себя, — сказала Лидия.

Я кивнула.

— Но ведь я была не права. Потому что ее убил не огонь.

— Джесс…

— Потому что это была ты.

Я совершила ошибку, но я точно не собиралась сжигать весь коттедж. Я не совершила предна-

меренного преступления. Просто несчастный случай, который обернулся трагедией. Я не думаю, что моя сестра могла бы сказать то же о себе: она повела себя безрассудно и глупо, и она была достаточно взрослой, чтобы понимать, что она делает.

— Ну да, — сказала Эмбер, вставая. — Конечно.

— Я проснулась и всех вытащила, — сказала я.

— Ты проснулась, — согласилась Эмбер.

— Но она была без сознания, и в этом виновата ты.

— Нам пора уезжать, — сказала Эмбер.

Я кивнула. Мне не хотелось оставаться еще на одну ночь. Я хотела домой, подальше от коттеджа, туда, где все напоминало о нас.

Эмбер забрала из кухни какие-то вещи: флакончик красного лака для ногтей, пакет с травяным чаем.

— Твои? — спросила она, указывая на мои витамины.

— Выслушайте меня, пожалуйста, — сказала Лидия.

— Мы заняты, — отрезала Эмбер. — Мы уезжаем.

Она металась по кухне, прижимая к себе руку, обмотанную кухонным полотенцем, одновре-

менно выбрасывала осколки посуды в мусорное ведро и опустошала холодильник.

— Дайте мне сказать, — попросила Лидия.

— Лидия… — сказала я.

Я сделала свое признание, как и хотела, и была бы рада больше никогда с ней не общаться. Все было сделано. Все было кончено.

Чарли положил голову на стол.

— Лидс… — прошептал он.

— Нет! — рявкнула она.

— Мы закончили? — Эмбер направилась к двери.

— Хватит! — Лидия вскочила, опрокинув стул. — Заткнитесь хотя бы на минуту!

Глава 39

Когда мама пришла забрать нас из соседнего коттеджа и погрузить в машину, Лидия спала под одеялом, а солнце уже вставало. Лидия даже не проснулась, когда ее уложили на заднее сиденье. Я посмотрела на наш коттедж — от крыши остались только стропила, все залито водой — и забралась на переднее сиденье рядом с мамой. Мы молчали, пока не проехали деревню, пока не набрали скорость и не выехали на шоссе, пока побережье и коттедж не остались далеко позади.

— Но как же…

Я хотела спросить, пыталась ли она спасти мою двоюродную сестру. Она ждала совсем другого вопроса.

— Было тринадцатое число, — перебила она меня, — вот и все.

Летом мы топили камин раз в месяц, всегда тринадцатого, чтобы там ничего не забилось и не заржавело. Возможно, этот вопрос можно было решать как-то по-другому, но дедушка всегда делал именно так. В тот день мама тоже развела огонь.

Теперь я понимаю, что она винила себя.

— Я была уверена, что он погас, и пошла спать.

С тех пор я узнала, что пожар в домах, крытых соломой, обычно начинается со случайной искры, пробивающейся через дымоход на крышу, и как только эта искра попадает на солому, становится слишком поздно. Похоже, бумага хуже всего: она горит дольше щепок и может подняться по дымоходу, не прогорев до конца. Маловероятно, что виновата была мама, топившая дровами, но других объяснений тогда не нашлось.

Потому что я не призналась.

Я ничего не сказала, пока мы ехали в машине.

Я позволила ей думать, что зола не догорела до конца и из нее снова разгорелось пламя.

— Господи, — сказала Эмбер, неловко рассмеялась и поправила полотенце, которое прижимала к ране, — никогда не слышала от тебя…

— Сядь! — рявкнула Лидия.

— Не-а, — фыркнула Эмбер и пожала плечами.

— Да ты что?

— У тебя есть минута, — сказала я.

Я злилась на сестру, потому что она дала снотворное ребенку, и я не доверяла ей — вообще не доверяла, — потому что она всегда была капризной и слабой. Но и кузина мне совсем не

нравилась. Я знала, что на этот раз она не подделала блокнот, но она была так уверена в себе и настойчива, что это заставляло меня сомневаться и в ней.

Она подошла к раковине, открыла кран, подождала, пока вода нагреется. Потом подставила руку под кран и осторожно потерла засохшую кровь. Оторвала кусок бумажного полотенца и промокнула рану. Потом выбросила бумажку в мусор, подошла и встала рядом со мной, держась за спинку стула.

— Ну валяй, — сказала она.

Как будто бросила вызов.

— Ты ведь получила записку, — сказала Лидия, — вечером, перед ужином. И поэтому вела себя так странно.

Эмбер вздохнула, закатила глаза и покачала головой:

— Не разводи драму.

— Я не просила его оставлять записку, он сам это сделал. Я давно знала, что той ночью произошло что-то еще, и каждый раз, когда мы были вместе, мне казалось, что все не так. Я себе не доверяла. Я себе совсем не доверяла, пока он мне не помог, и тогда… Я знаю, Эмбер. Я знаю, что ты сделала.

— Что ты… — начала я. Я следила за ее словами, но невнимательно. Ведь что она могла знать такого, чего не знали мы все? И, если подумать, почему мое признание было встречено без ужаса?

Эмбер смотрела в пол, вцепившись в спинку стула; кровь медленно сочилась из раны. Это не казалось отвратительным, но было неприятно. Поверхность раны была странного рыжего цвета.

— Мы не уедем отсюда, пока кто-нибудь из нас не расскажет ей, что случилось, — сказала Лидия.

Эмбер сложила руки на груди, пачкая кровью блузку.

— Хорошо, — сказала Лидия и повернулась ко мне. — Она умерла не от огня.

Она помолчала, сделала глубокий вдох и снова посмотрела на стол.

— Она не задохнулась в дыму, не осталась среди пожара, оттого что была слишком мала и не могла выбраться оттуда, и не из-за снотворного.

— Именно из-за…

— Таблетки ни при чем, — перебила меня Лидия.

Она открыла рот и тут же закрыла его. Она

скривилась, словно слова были горькими. Глубоко вздохнула, пригладила волосы и положила ладони на стол.

— Я же говорю тебе. Эмбер убила Пейдж.

Эмбер усмехнулась.

— Какой бред, — сказала она. — Что ты выдумываешь? Ты, вообще, о чем?

— Я…

— Ей нельзя доверять, — отрезала Эмбер. — В лучшем случае она несет чушь, а в худшем просто бредит.

Лидия тихо заплакала, дрожа всем телом, вцепившись руками в стол.

Ты когда-нибудь видел кого-то в новом свете (это было буквально: низкое солнце дало новые тени), вдруг понимая, что ошибался на его счет все это время?

Лидия плакала.

И впервые это не выглядело как слабость.

Я видела ее слезы десятки или сотни раз, и всегда только вздыхала и закатывала глаза, потому что считала ее жалкой, честно говоря. Но в тот момент мне так не показалось. Я вдруг поняла, что она совсем не похожа на меня, никогда себя не контролирует и вечно испытывает противоречивые чувства, но, несмотря на это, она обладает

внутренней силой. Когда она отменяла планы и не выполняла обещания, я считала, что она слишком слабая, чтобы у нее хватало сил на что-то, кроме себя самой. Но я судила о ней очень поверхностно. Я не замечала, что она постоянно борется с нарастающей тревогой, с разбегающимися мыслями и что, несмотря на это, она свободна.

Я бы никогда не стала стучать в дверь, бросив машину на шоссе, никогда бы не смеялась так безудержно, ведя машину с опущенными окнами, никогда бы не стояла неподвижно в коридоре, не давая волю мыслям, никогда бы не влюбилась и не убежала, требуя, чтобы другие меня выслушали.

Я всегда и все держу под контролем… Хотя вряд ли человек, который все контролирует, швырнул бы кастрюлей в стену. На самом деле я так же непредсказуема, как моя сестра. Я просто предпочитала не видеть этого.

Я завидовала ее способности ничего не контролировать и ломаться внутренне, а не внешне.

Сожгла проект, разбила форму.

Я вдруг потеряла самообладание и потянулась к сестре — как в прямом, так и в переносном смысле; моя рука скользнула на несколько дюймов по столу, поближе к ее руке.

Эмбер скомкала окровавленное полотенце и бросила его в раковину.

Я всегда считала ее спокойной и сдержанной. Я знала, кто она, и пусть она не всегда была приятной — бывала она и агрессивной, и беспощадной, — но всегда была предсказуемой. Я чувствовала, что теперь меня больше тянет к другой сестре, и мне это не нравилось.

Я не хотела сомневаться в себе.

Я хотела все контролировать.

— Она лжет, — сказала Эмбер.

— Нет, — проскулила Лидия.

— Я устроила пожар, — сказала я.

— Знаю, — ответила Лидия, — но это было еще до того.

Из тех, кто сидел в кухне, только я не знала, что произошло. Довольно странно, если учесть, что я собрала их тут, думая прямо противоположное.

— Ну? — настаивала я.

— Эмбер? — спросила Лидия.

— О, не буду тебе мешать, раз уж ты выдумала какую-то хрень.

Эмбер вытащила стул из-под стола, отодвинула его на несколько футов от остальных, опустилась на него и закинула ногу на ногу.

— Дамы, — встрял Чарли. — Думаю, если мы

просто…

Полагаю, его остановили три одновременно повернувшиеся головы, три хмурых взгляда.

— Давай уже, — сказала Эмбер.

Лидия сломалась — как всегда, молча. Она уронила голову на стол, и ее тело затряслось от рыданий.

— Ты такая же, как твой отец, — сказала я.

Глава 40

Лидия рыдала и тряслась всем телом, прижимаясь к столу. Эмбер медленно покачала головой — хвост волос мотнулся туда-сюда, — вытерла окровавленную руку о штаны. Я не поняла, что происходит, — ни сразу, ни спустя несколько секунд, когда она прошла мимо меня, а затем мимо моей сестры. Чарли вскочил, когда Эмбер вылетела за дверь.

Я вышла за ней. Она остановилась в коридоре, прямо перед дверью, и присела на нижнюю ступеньку лестницы. Стремительно натянула кроссовки, схватила куртку с вешалки, открыла входную дверь и выскочила на улицу.

— Эмбер?

Я растерялась. Я не понимала, куда она собирается, зачем и почему она не хочет со мной говорить. Я видела, как она бежит по подъездной дорожке и как раскачивается незакрытая дверь.

— Что случилось? — спросила Лидия.

— Кажется, она убежала, — сообщила я. — Вон она, у забора.

Я наклонилась натянуть ботинки. Я даже не

стала завязывать шнурки, просто заправила их внутрь. Толстая зимняя флиска куда-то делась, но на перилах висел плащ. Я накинула его на плечи и остановилась у двери.

— Ты идешь? — спросила я.

— Хм. — Лидия смотрела на меня.

Трудно вспомнить, о чем я думала в тот момент. Я чувствовала себя оголенным проводом, дрожащим на ветру. Я немного боялась, что она убежала к скалам, чтобы сделать то, что делали многие до нее. Не знаю, откуда взялась эта мысль, потому что поверить в такое по-настоящему я не могла, но внезапная перемена в ее поведении вселила в меня тревогу. Еще я боялась, что она просто уйдет, сбежит и никогда не вернется, найдет другой путь обратно в город. Теперь я понимаю, что ее машина осталась стоять у дома, но я не могла позволить ей унести свои секреты. Мне нужно было узнать, что произошло тем летом; мне нужен был чистый холст, чтобы написать на нем новую жизнь.

— Да, — сказала Лидия.

Наклонилась к своим ботинкам, натянула их на босые ноги. Накинула длинное пальто, из-под которого виднелись черные легинсы и шерстяной свитер.

— Это не…

Я не стала дослушивать.

Эмбер действовала быстро.

Я моргала, когда редкие капли дождя падали мне на ресницы и скользили по щекам. Ощущение было странно освежающим. Дикое напряжение пружиной сжалось где-то за глазами, сдавило лоб, и холодная влага бодрила. Мне пришлось несколько раз вытереть лицо — дождь становился все сильнее. Бежала я быстро, как не бегала уже лет пять, и мне приходилось хватать ртом воздух. Я пыталась бежать быстрее, но даже трусца вверх по холму меня выматывала.

Эмбер бежала вдоль изгороди, к скалам. Лидия топала где-то позади, громко дыша и окликая меня по имени.

Эмбер замедлила шаг, остановилась и повернулась ко мне:

— Что ты делаешь? Зачем ты за мной гонишься?

Есть так много способов быть честным.

Хотела ли она, чтобы я отговорила ее от какой-нибудь глупости? Хотела ли, чтобы я сказала, что нам не следовало встречаться, что иногда родным лучше жить раздельно? Хотела ли она, чтобы я признала, что не существует единствен-

но правдивой версии нашего прошлого? Чтобы я просто приняла ее версию, согласилась, что моя сестра лжет? Или чтобы я напомнила ей, что скалы опасны даже в хорошую погоду и смертельно опасны зимой?

— Нам нужно поговорить, — сказала я вместо этого. — Нам всем нужно поговорить.

Я оделась не по погоде. Под непромокаемым плащом на мне был тонкий свитер, под который задувал ветер. Я чувствовала, как дождевая вода стекает по шее. Я застегнула пуговицы.

— Нет, — сказала она. — Нам нужно…

— Вернись в дом, пожалуйста. Тут слишком холодно.

— Она сука. Так говорить о моем отце… ты…

— Эмбер, пожалуйста.

Я медленно, но уверенно шла вперед. Ботинки вязли в грязи.

— Мне нужен свежий воздух. Мне нужно побыть одной. Это не запрещено. Я хочу побегать. Если тебе холодно, возвращайся.

— Я не могу уйти без тебя.

Наконец Лидия подошла к нам, хрипло и тяжело дыша. Она остановилась, упершись руками в колени и опустив голову. Потом вытащила из карманов шерстяные перчатки и натянула.

Пот начал остывать на коже, и она дрожала от холода.

— Я не собираюсь делать глупостей, — сказала Эмбер. — Ты это имеешь в виду?

Я моргала — сильный дождь падал на лицо косо, с моря дул ветер.

— Эмбер, мы не можем оставить тебя одну! — крикнула Лидия.

Из-за погоды.

Потому что мы не хотели причинять новые страдания. Потому что еще нужно было кое-что обсудить.

— Дайте мне час, — попросила она. — Я побегаю по пляжу.

— Мы не уйдем, — сказала Лидия.

— Мне нужно знать, что случилось, — поддержала я. — Я не могу уйти.

— Но мы знаем, что случилось, — крикнула Лидия. — Мы знаем, кто виноват.

Я обернулась и посмотрела на сестру. И не узнала ее. Я видела, что она все еще задыхается и гордится, но лицо у нее стало сосредоточенное, твердое и решительное.

— Ну, тогда я вам не нужна, — возразила Эмбер.

Я чувствовала, как злые слезы жгут глаза. Я не

узнавала нас. Как три счастливые девчонки превратились в трех озлобленных женщин? Я была благодарна резкому косому дождю. Я надеялась, что красные мокрые щеки можно списать на морской ветер.

— Сначала я думала, что это моя вина, — сказала Лидия. — Это я уговорила ее остаться в пещере… Потом ночные кошмары, а потом эти гребаные таблетки. Не думаю, что они были рецептурные, так, какие-то травки, но я чувствовала, что перешла все границы. Но я совершенно не чувствовала себя виноватой, а ведь я очень остро чувствую. Я просто не верила в это; я знала, что это неправда. Я что-то видела. Я думала, что это невозможно. Я не доверяла себе. Но мне стоило это делать. Еще как стоило.

Я не понимала, как сестра смогла вернуться к тем пьянящим неделям жары — к нашим играм, к палящему солнцу, к беготне по траве, к нашему убежищу, к пляжу, — а потом прошла сквозь пещеру и таблетки и пришла к выводу, что она ни в чем не виновата. Я так долго винила себя. Как она, которая действительно чувствует все очень остро, могла пережить то лето и почти ничего не чувствовать?

Эмбер молчала, смотря на свои руки, на дож-

девую воду, стекающую с кончиков пальцев. Интересно, чувствовала ли она то же самое: как сердце качает кровь по телу, адреналин бурлит в крови, щекоча кожу изнутри.

— Мы все несем ответственность в каком-то смысле, — сказала она.

— Нет, — возразила Лидия.

— Это ты заставила ее остаться в пещере, — сказала Эмбер.

— Да, но…

— А ты устроила пожар. — Она кивнула в мою сторону.

Я промолчала.

— И таблетки. — Она задрала голову, глядя на тучи. — Таблетки.

Я смотрела на свои ботинки, сырые, потертые, с налипшими осколками мокрого стекла. Я не чувствовала пальцев, и кончик носа у меня онемел. Я чувствовала, как холодный воздух залезает куда-то за воротник, как ноги теряют чувствительность. Я покачивалась на месте, поднималась на цыпочки и снова опускалась, пытаясь хоть как-то согреться.

Лидия же, наоборот, оставалась совершенно неподвижной.

Она вынула руки из карманов и вытерла лицо

рукой в перчатке, а потом двинулась к нам по влажной траве.

— Я хранила твой секрет, — сказала она так тихо, что я ее едва слышала. — Ты бы хотела, чтобы он умер со мной. Ты бы никогда никому не рассказала. Ты бы хранила это в тайне вечно?

Я смотрела вниз. Волны с силой разбивались о крошащиеся скалы, вода взмывала в воздух.

Лидия стояла совершенно неподвижно. Она как будто стала выше. Она медленно покачала головой и подошла ближе к нашей двоюродной сестре.

— Лидия, — сказала Эмбер, — давай мы…

— Что произошло? — крикнула я.

— Джесс! — крикнула в ответ Эмбер. — Ничего! Пожалуйста! Я…

Я услышала кого-то позади себя.

Это был Чарли.

Он просто стоял, наблюдая. Потом дернул головой в сторону моей сестры.

— Чарли написал мне несколько месяцев назад. Я не слышала о нем много лет. Мы не говорили с того лета. Он сказал мне, что как будто разваливается на части из-за ошибки, которую он совершил — которую мы совершили, — много лет назад. Мне пришлось сказать ему, что он никакой

ошибки не совершал. Сначала он не поверил и продолжил задавать мне вопросы. Он позволил чувству вины уничтожить себя. Он собрал меня из осколков, помог мне поверить в себя, сказал, что никто не может меня обвинить. Но мы не смогли успокоиться, пока окончательно не уверились, что это не мы, что мы не виноваты.

Она сделала паузу, чтобы вытереть дождевую воду с лица.

— Он сказал, что нам нужно все проверить, — продолжила она. — Он сказал, что мы должны точно знать, что произошло. Это он убедил меня принять это приглашение, честно говоря.

— Ты веришь в эту чушь? — крикнула Эмбер.

Я не знала.

— Поначалу я сомневалась. Ты была так добра ко мне, когда мы приехали, — сказала Лидия, поворачиваясь к Эмбер. — Ты мне понравилась. Я видела тебя взрослой, и ты мне и тогда нравилась, а несколько дней назад я снова увидела тебя, и ты мне снова понравилась. А потом я увидела, как вы двое шептались обо мне у двухъярусных кроватей. И все поняла. Я поняла, что это правда.

— Что правда, Лидия? — умоляюще спросила я.

— Эмбер задушила Пейдж, — выплюнула она. — Я это видела. Я уверена.

Глава 41

Я слушала сестру, пытаясь не позволять образам встать у меня перед глазами. Но у меня не получалось. Они представали передо мной один за другим, словно спектакль с теневыми куклами. Хоррор-шоу на зернистом фоне.

Я вижу свою пустую постель на верхнем ярусе. Я вижу пустую постель под ней. Я вижу, как моя младшая кузина засыпает — розовая пижамка, туго заплетенная косичка. Она лежит на боку, глядя на оранжевый ночник, подключенный к розетке и прикрепленный к спинке кровати. Она слушает свою сестру, прислушивается к нам в ванной. Ей страшно, она еще совсем маленькая. Ей не нравится тишина, в которой не слышно ничего, кроме ее собственного дыхания, — именно в такой тишине приходят призраки, упыри и другие твари, которые появляются только ночью. Она закрывает глаза, мечтая заснуть побыстрее, — и снова оказывается в пещере. Пальцы ног касаются линии прилива, такой заметной на песке. Она видит, как подступают волны, и каждая волна подходит чуть ближе. Она отступает назад,

все дальше и дальше от волн, пока не упирается плечами в выщербленные камни, которые царапают кожу. Вода подходит все ближе, закрывает ноги, живот, грудь. Она знает, что произойдет дальше, ей это уже снилось несколько раз. Она не может описать ужас, который охватывает ее, когда вода касается губ. Когда море начинается заливаться ей в рот, она всегда вскидывается и вырывается из кошмара — или видения.

Она открывает глаза. Она хочет спать, но не может заснуть одна. Ей нужен кто-то еще в комнате. Слышит, как открывается дверь спальни — это ее сестра, — и снова чувствует себя в безопасности.

— Пейдж? — окликает Эмбер.

— Я не сплю, — говорит она и зевает. Видимо, снотворное еще не подействовало, или было не таким сильным, или это вообще просто травки.

— Все хорошо? — спрашивает Эмбер.

— Да.

— Тебе не страшно?

— Нет, — врет она.

— А мне немножко страшно, — говорит Эмбер.

— Почему?

— А вдруг я не получу стипендию?

Пейдж кивает, но на самом деле не слушает — не потому, что ей все равно, а потому, что не ве-

рит, что ее старшая сестра вообще может чего-то бояться. С прагматичной сестрой, которая совсем не боится призраков и легко победит любого из них, она чувствует себя в безопасности. Со мной она тоже чувствовала бы себя в безопасности, но не так, как с сестрой.

Лидия рассказала, что стояла в коридоре, с зубной щеткой в руках и полным ртом пасты. Я сказала, что хочу побыть в ванной одна, и выставила ее в коридор. Эмбер прошла мимо нее в спальню, и, услышав голоса, Лидия заглянула в щелку.

Я злилась, слушая ее: Пейдж явно расслабилась, перестала трястись в присутствии сестры. Я не сразу поняла, что произойдет дальше, но знала, что ее ожидания будут обмануты.

Эмбер на цыпочках подходит к ней и садится на край кровати.

— Тебе нужно нормально спать, — говорит она. — Ты же не можешь и дальше всех будить.

— Ну да, — соглашается Пейдж.

Она уютно устраивается под одеялом и утыкается лицом в подушку. Ей легче спать, когда кто-то сидит рядом. Всегда было легче, еще до кошмаров.

— Просто забудь это все, — говорит Эмбер. — Твои сны неправда. Твой мозг просто выдумывает всякую ерунду. Так что больше не думай об этом, хорошо? И не говори об этом. Это единственный способ избавиться от кошмаров.

Эмбер медленно встает. Пейдж поднимает голову и снова поворачивается к сестре.

— Не уходи, — говорит она. — Это что, секрет?

Эмбер вздыхает и снова садится, обнимает сестру и гладит ее по плечу.

— Да. Это очень-очень важный секрет.

— Никому нельзя рассказывать, если мне снова приснится кошмар?

— Сложно сказать, — отвечает Эмбер, подумав, — но чем больше ты об этом будешь вспоминать, тем хуже тебе будет.

— Мне вообще нельзя думать про пещеру?

— Вообще.

— А если…

Эмбер качает головой.

— Замолчи. Ты опять об этом говоришь, видишь?

— А вдруг мне снова приснится сон?

— Все может быть, — отвечает Эмбер, — но ты просто не рассказывай о нем.

— Но…

Пейдж не может сдерживать крики, которые рвутся наружу, когда она просыпается с полным ртом воды, запертая в пещере. Что, если она не сможет избавиться от этих мыслей? Что, если эти сны останутся с ней навсегда? Что, если страх, который их питает, станет только сильнее? Что, если кошмары продолжат ее терзать двадцать лет или больше?

— Хочешь сегодня спать со мной? — предлагает Эмбер. — Пошли…

— Я хочу к маме… — шепчет Пейдж. — Хочу к маме.

— Лучше пошли со мной, — говорит Эмбер. — Я позабочусь о тебе. Давай спать вместе.

Пейдж начинает плакать.

— Я хочу к маме. И к папе.

— А со мной что не так? Я могу не гасить свет.

— Я не хочу спать с тобой.

— Почему?

Эмбер вскакивает, разозлившись, загораживает свет ночника.

— Потому что это ты во всем виновата, — говорит Пейдж.

Вот секрет, который она хранила. Пламя, которое поддерживало ее страх. Если бы она могла объяснить маме, что она не сделала глупость, а

просто подчинилась приказу, ее поступок перестал бы быть таким странным. Если бы она могла уйти из стаи — ненадолго — и просто довериться матери, рассказать ей все, что произошло, то, возможно, ей было бы не так страшно. И она смогла бы спокойно вспоминать минуты в пещере, когда она думала, что останется тут навсегда.

— В чем? — Голос Эмбер утратил теплоту и мягкость.

— Пещера.

— Что? Нет. Я…

— Ты первая это сказала. Ты знала, что это напугает меня. А ты должна была за мной присматривать.

— Я не думала, что ты останешься там…

— Мне вообще нельзя было туда ходить, — говорит Пейдж.

— Я не знала, что…

— Я бы туда не пошла, если бы не ты. Я хочу признаться. Папа говорит…

— Нет. Нет, зачем!

— Я не хочу такой секрет!

— Но ведь все же хорошо, зачем…

— Я испугалась! — орет Пейдж.

Лидия побелела, как пена на воде, и пошла пятнами, описывая, что произошло дальше. Пейдж

громко заплакала. Эмбер снова села рядом с ней и застыла. Лидия стояла в коридоре, словно статуя, опустив руку с зубной щеткой и прижавшись к двери. Ее завораживала эта ссора. Она не считала нормальным подглядывать и не вмешивалась. Думала, что будет просто скандал и драка, как обычно бывало при наших ссорах. И ни на секунду не допускала мысли, что это закончится смертью.

— Я не виновата, — настаивает Эмбер.

— Но это ты…

— Пожалуйста, давай просто…

— Я хочу…

— Пейдж! — кричит Эмбер.

Пейдж открывает рот; Эмбер думает, что сестра сейчас закричит, что все, ради чего она так упорно трудилась, рухнет, что отец возненавидит ее еще сильнее, что она станет еще хуже, чем сейчас. Эмбер нужно, чтобы сестра замолчала, чтобы она молчала и дальше.

Пейдж слышит, как сестра снова произносит ее имя отчаянным тоном, и закрывает глаза, потому что не хочет больше говорить.

Она не видит, как одеяло приподнимается над ее лицом и тьма опускается на нее. Она ничего не понимает, но ей уже не хватает воздуха. К ее лицу

плотно прижата ткань, и теперь она в настоящей опасности. Она чувствует, как у нее дергаются руки и ноги, когда она начинает задыхаться. А потом куда-то падает, и это ощущение не похоже на все, что бывало ранее; она пытается дышать, но крошечный запас воздуха, оставшийся в легких, скоро заканчивается, и под одеялом вдруг становится еще темнее.

Лидия плакала, рассказывая это, вытирая слезы на пронзительном ветру, жалела, что она не отреагировала, не остановила это, — если бы только знала, что разворачивается по ту сторону двери. Она все видела — да, — но была уверена, что это всего лишь ссора, самая обычная, и что она закончится слезами и истериками.

Она не знала. Откуда ей было знать.

Мне понадобилось очень много времени, чтобы понять, что тот, кто находится ближе всего к горю, не скользит по гребню волны, а лежит неподвижно, как камень на морском дне. Годами я отождествляла себя со скорбящими, а не с ушедшими, и лишь недавно задумалась, что такое падение. Я не могу представить ее последние мгновения, хотя часто ловлю себя на том, что рисую их в голове. О чем она думала? Знала ли, что это произойдет? Я всегда представляла, как

она спит, а дым медленно наполняет ее легкие.

Но там, на краю обрыва, я засомневалась.

Умерла ли она оттого, что густой дым заполнил ее легкие? Или она задохнулась, накрытая одеялом?

Эмбер стояла, скрестив руки на груди.

— Это не… — начала она.

— Не надо, — сказала Лидия.

Они повернулись лицом ко мне и спиной к воде, ожидая моего вердикта. Я стояла перед ними. Я больше не чувствовала холода. Я не двигалась уже несколько минут, и мои ноги словно примерзли к влажной земле.

— Не знаю, — сказала я, — я…

Но я уже все решила.

Эмбер взмахнула руками, задев сестру за плечо.

— Ты… — Лидия невероятно удивилась. — Ты меня ударила?

В небе грохнула молния — гроза удалялась.

— Я тебя не трогала, — сказала Эмбер.

— Но ведь трогала.

Они стояли совсем близко, и впервые со времен нашего детства в их голосах звучал гнев. Он поселился в их мыслях, мышцах, костях. Я видела, как они нервничают и напрягаются.

Лидия положила руку на плечо Эмбер и толкнула ее. Несильно, но та отшатнулась.

— Ты меня вот так толкнула! — сказала Лидия.

— Я тебя не толкала! — настаивала Эмбер.

Лидия снова шагнула вперед, но Эмбер оказалась быстрее и сильнее и первой ее толкнула.

— Прекратите! — крикнула я.

Но они не слушали. Секреты, ложь и, может быть, правда связали их друг с другом.

Я двинулась к ним, сначала шагом, потом бегом, толчки становились все чаще и все сильнее, и наконец они вцепились друг в друга, стоя на самом краю обрыва. Чарли что-то кричал мне вслед.

За мгновение до того, как это случилось, стало очевидно, что одна из них упадет.

Глава 42

Я все время думала о тебе. Как ты сидишь с отцом, матерью и братьями, пьешь смолотый на ручной кофемолке кофе и листаешь книгу о политике, экономике или чудесах природы, а наш сын играет в деревянные кубики, сидя рядом с тобой на полу. Я хотела быть с тобой. Хотела закинуть ноги на клетчатый пуф в нашей гостиной и укрыться полосатым пледом, и чтобы рядом играл наш малыш.

Я шагнула к двоим, стоявшим на краю обрыва.

— Это ты сделала, — сказала Лидия, — ты была с ней. Ты…

— Ты совсем долбанулась, — сказала Эмбер.

Она ухмыльнулась, снисходительно глядя на Лидию, — выглядела она так, как будто вполне имела на это право, — поймала мой взгляд и приподняла бровь, словно говоря «ну и дура».

Лидия отпрянула и в отчаянии повернулась ко мне.

Она стерла дождь с лица и странно переплела пальцы в перчатках. В начале разговора лицо у нее было пепельно-серое, но сейчас в ее чертах

проявилось что-то от трупа: широко раскрытые, уставившиеся в одну точку глаза; землистая кожа; приоткрытые фиолетовые губы.

— Я помню этот звук. Когда все заснули, ты откинула ее одеяло. Я видела, как ты отвернула ее голову к стене и снова накрыла ее одеялом. Я видела страх на твоем лице. Оттого, что ты не хотела попасться, или оттого, что ты поняла, что натворила и как легко это получилось? Я видела, как у тебя дрожали ноги, когда ты забиралась наверх к себе. Я подумала, что, может быть, она просто спит, сказала себе, что это просто невозможно. Но я чувствовала, что произошло что-то ужасное. Я пошла в ванную и сплюнула в раковину, увидела кровь, и меня затошнило. Я не смотрела на тебя в спальне, просто забралась обратно в кровать. Потом… не знаю. Я не могла понять ничего. Пещера, пожар, ты. Но я снова увидела тебя в дверях, и ты была такой… Когда мы только приехали в коттедж, ты была такой доброй, так суетилась вокруг меня, но ведь ты же знала, правда?

Лидия согнулась, словно ее тошнило, а потом снова выпрямилась.

— Это была ты.

— Лиди…

Я едва слышала себя из-за сильного ветра.

— Лидия, нам нужно нормально об этом поговорить.

— А ты тревожилась из-за меня, — сказала Эмбер, по-прежнему улыбаясь.

Я шагнула вперед и взяла сестру за руку. Мы втроем стояли в ряд, словно кастрюли на переполненной полке. Я заняла самую безопасную позицию, дальше всех от берега. Эмбер стояла примерно в метре от обрыва, ее ботинки вязли в густой, жидкой грязи. Лидия же оказалась так близко к краю, что у нее, кажется, пятки свисали с края. Я видела, что она вне себя от ярости, видела, как искажается ее лицо при каждой новой фразе. Она, как и я, испытывала ощущение, что ее жизнь и ее историю стирают.

— Давайте вернемся в коттедж, — попросила я.

Лидия повернулась ко мне и покачала головой. Она стояла так близко к краю.

Я чувствовала, что начинаю злиться, как постепенно нарастает гнев, рискуя прорваться.

— Она должна признаться, — сказала Лидия.

Она вся тряслась на ветру.

— Пожалуйста… — опять попросила я.

— Что ты натворила? — закричала Лидия. — Скажи! Скажи сейчас же!

— Понятия не имею, о чем ты, — отозвалась Эмбер.

— Лидия! — окликнул Чарли.

Он подошел ближе, но нас еще разделяли несколько метров. Шел он так, будто мы были тремя дикими зверями, а не просто обезумевшими женщинами.

— Расскажи! — велела Лидия.

Застывшее от холода лицо Эмбер казалось непроницаемым.

Я взглянула на землю под ногами, на вытоптанную за зиму траву, на голые камни под ней.

— Скажи, что ты ничего такого не делала! — кричала Лидия. — Что мы врем! Скажи так, чтобы я поверила тебе! Раз уж это для тебя так важно!

Конечно, мы все знали, что она не врет и не выдумывает, что она абсолютно права. С каждой секундой, с каждым мгновением тишины картинка складывалась воедино.

Эмбер всегда была победительницей. Она не могла позволить ничему — и никому — встать у нее на пути. Она не могла рисковать своим будущим из-за одной глупой ошибки.

— Ты сука, — сказала Лидия. — Ты… ты… Как?

Эмбер молчала, смотрела на волны, на облака.

— Как ты могла? — прошипела Лидия.

Все произошло так быстро.

Взлетевшие в воздух руки, проскользившие по грязи ботинки, резкий косой дождь в лицо, сильный, сильнее любой из нас, ветер. Когда началась толкотня, мне на секунду показалось, что мы все вот-вот упадем. Крик, гримаса, ругательство, возмущенный визг — и последний вопль.

А затем тишина.

Глава 43

Я стояла на краю обрыва и кричала, что нам нужно спускаться. Но было слишком мокро и ветрено, и мы едва могли разглядеть дно, песок под водой, тело, которое нужно было вытащить.

Мы стояли — вдвоем — и снова и снова кричали.

Чарли бегал туда-сюда, ничего не понимая, и не кричал, а бормотал что-то, как человек на грани срыва. Он воздевал руки, крутился на месте, начинал фразы, но не заканчивал их. Затем он подбежал ко мне, схватил за плечи и закричал вместе со мной.

— Эмбер? — кричала я снова и снова. — Эмбер?

Через несколько минут мы замолчали, одновременно осознав, что пережить такое падение невозможно. Мы заключили сделку, стоя на краю обрыва под проливным дождем. Мы никому не расскажем. Мы будем юлить и выдумывать, и, когда нас спросят, — а мы знали, что нас спросят, — мы что-нибудь скажем, но никогда не расскажем правду.

Я доверяла им, но не до конца.

Я вызвала «скорую» и полицию и ждала у перелаза, пока они не примчались, визжа сиренами. Светоотражающие жилеты поблескивали в тусклом вечернем свете.

— Она поскользнулась, — твердили мы, плача вполне настоящими слезами. — Мы гуляли. Она поскользнулась.

Я провела их через поле, указала на волны и стояла, наблюдая, как они работают. Меня ненадолго загнали в машину скорой помощи. К тому времени я промокла до костей, промокли плащ и одежда. Позже мы сидели рядом на заднем сиденье полицейской машины, а затем в бетонной комнате, которой попытались придать немного уюта маленьким унылым диваном. Нас разделили, отвели в разные комнаты — без окон, без маленького диванчика, без признаков уюта — и попросили объяснить, что произошло на краю обрыва.

Меня допрашивала миниатюрная женщина с резкими чертами лица и аккуратным каштановым каре. Я пыталась понять, кто она: золотое кольцо на безымянном пальце левой руки, золотые часы на левом запястье, несколько дырок в ушах, но ни одной сережки. Я старалась быть как ты, подражать твоей любознательности и

использовать каждую деталь в свою пользу. Я ошиблась.

Я лгала, повторяя историю, которую мы сочинили на краю обрыва.

— Она поскользнулась. Мы гуляли по мокрой дороге.

— Очень интересно. — Она щелкнула ручкой. — А что, если я скажу, что у нас есть еще один свидетель, который утверждает, что вы несете ответственность за происшедшее.

Чарли.

Я вспомнила, что ты всегда говорил: никогда не говорить ни слова, ни слова без адвоката.

Мне разрешили позвонить тебе из старого телефона-автомата в вестибюле.

Я слышала, как у тебя меняется голос. Ты был уже не тем нежным мужчиной, чьи прикосновения позволяли мне чувствовать себя живой, а безжалостным и эффективным адвокатом. Ты сказал, что тебе уже звонили и что ты едешь. Я узнала звук машины: гул двигателя, стук дождя по крыше. Ты снова велел не говорить ни слова.

Меня отвели обратно в комнату для допросов, и я молчала.

Я видела много фильмов и была готова ко всему.

Я буду аккуратно держать руки перед собой, сидеть прямо и извиняющимся тоном отвечать «без комментариев» на каждый ее вопрос. Но я чувствовала, что за последние двадцать лет приобрела нечто, чего просто не могла лишиться. Я смотрела, как эта женщина щелкает ручкой, облизывает губы и приподнимает бровь, ожидая, что я заговорю. У меня есть ты, моя любовь, и наш мальчик, и будущее, за которое мы боролись. И это все стало причиной поездки. Я просто не могла рисковать. Я доверилась своей интуиции. Я вздохнула. Я начала говорить.

— Это не несчастный случай, — сказала я.

Глава 44

Я рассказала им не о пещере, пожаре и одеяле, а о ссоре на краю обрыва — ссоре беспричинной, но все же имеющей какие-то причины, как часто бывает, — и о том, что моя сестра была вне себя от ярости.

— Она не хотела, — сказала я. — Просто сорвалась.

Я не могла простить ей снотворное, тайны и слишком поздние признания. Я не верила, что она не впутает в это меня, раз у нее теперь есть своя жизнь: партнер, будущее. Однако я была осторожна. Я объяснила, что все это было ошибкой, несчастным случаем, который мог случиться с кем угодно.

Я заплакала, когда они оставили меня одну в той комнате.

Я ждала, представляя, как ты сидишь за рулем, а на заднем сиденье спит наш сын, и расстраивалась из-за того, что тебя так неожиданно вытащили от родителей. Наконец меня провели в вестибюль, и я с невероятным облегчением увидела твою машину перед полицейским участ-

ком. А потом я увидела тебя: ты был в джинсах и рубашке, ты сильно хмурился, но казался таким высоким и надежным. Ты что-то говорил, стоя у стойки, и я почувствовала себя в безопасности. Я не стала отвлекать тебя и бросилась к нашему сыну, который сидел на деревянном стуле — в пижаме, с твоим телефоном в руке — и смотрел мультики. Я так обрадовалась, когда ты повернулся ко мне.

— Мы можем ехать? — спросила я.

Ты кивнул, взял сына на руки и нервно потянулся ко мне. Ты помрачнел, когда кто-то поднялся по каменным ступеням, прошел через вращающиеся двери и направился к стойке.

Чарли увидел меня, замотал головой, ткнул пальцем.

— Это безумие! — закричал он.

— Сэр… — сказал мужчина за стойкой.

— Не неси чушь, Билли. Где она?

— Чарли, дружище… — сказал полицейский, — ты… посмотри.

— Если ее отпускают, то…

Я вошла во вращающиеся двери, прижавшись к тебе всем телом, прикасаясь к нашему сыну, чувствуя, как бьется его сердце, сквозь мягкий хлопок пижамы.

Чарли повернулся к нам и крикнул мне через стекло:

— Что ты натворила? Что ты сказала?

Простил бы ты меня за все остальное, за прежнюю ложь, если бы не возникла новая? Смог бы ты смириться с тем, что у твоей жены была когда-то семья, сестры и кузины, которые никогда не всплывали в разговоре? Смог бы ты жить с осознанием того, что с самой первой встречи между нами оставались секреты? Смог бы ты не вспоминать об этой поездке?

Возможно.

Я чувствовала, как ты ерзаешь в машине. Я смотрела, как дождь превращается в снег, тающий на черной дороге. Я напевала глупые песенки, чтобы успокоить недовольного сына, который одновременно перевозбудился после трех суматошных дней, проведенных в большой семье, и хотел спать, потому что спал всего пару часов, и то в машине. Я увидела, как ты шевельнулся и вздрогнул. Я проследила твой взгляд до зеркала заднего вида. Я тоже подвинулась, чтобы посмотреть на нашего мальчика.

Я видела, как он откинул голову на спинку детского кресла, как на носу у него выступил пот.

— Ну так что случилось? — прошептал ты.

Я рассказала тебе все с самого начала, и, когда мы дошли до той части, где были скалы, полиция и ты повел меня обратно к машине, ты снова нахмурился. Я подумала, что, возможно, ты решаешь, способен ли ты простить меня, видишь ли ты будущее со мной. Я решила — на мгновение став оптимисткой, — что раз уж решение далось тебе так тяжело, то ты, вероятно, вернешься ко мне. Ты уравновешенный человек, руководствующийся логикой. Кто будет отказываться от длительных отношений, брака, дома и ребенка, не зная совершенно точно, что надежды нет, что исправить ничего невозможно?

Забавно, правда? Моя поездка должна была создать новое будущее для нашей семьи, а вместо этого она полностью его разрушила. Судя по всему, мы были не так близки, как нам казалось. Я знала тебя не так хорошо, как воображала. Я знала, что ты умен. Но я просто не осознавала насколько. Ты откашлялся, как всегда, прежде чем сказать что-то важное.

— Лидия толкнула Эмбер, — сказал ты и снова нахмурился, — но почему?

— Потому что Эмбер убила Пейдж.

— Но она знала об этом много лет.

— Она не была уверена до конца.

— А мне показалось, что была.

— Да… — начала я. — Но надо учесть и то, что произошло на утесе…

— Хм?

— Потому что она не призналась.

Я несла чушь. Я чувствовала, как слова вылетают из моего рта по отдельности, как будто не смешанные краски, грязные пятна, нелепые звуки. Я заставила себя сделать глубокий вдох.

— Наверное, просто все всплыло на поверхность. Наверное, этого было слишком много.

А потом ты снова нахмурился. Ты продолжал думать, пытался разобраться в чем-то, в чем не видел смысла.

— Я пыталась их остановить.

Еще одна глупая ложь.

К этому времени я должна была понять, что уже слишком поздно. Мне следовало знать, что ты уже все знаешь, что старые выражения стали правдой: я сама рыла себе могилу и подливала масла в огонь.

— Просто это кажется маловероятным, — сказал ты.

Ты не обвинял меня во лжи — по крайней мере, напрямую. Ты просто констатировал факт.

— Пожалуйста, расскажи еще раз конец ис-

тории.

Я наблюдала за тобой в суде всего пару раз. Обычно после этого мы шли куда-нибудь обедать или ужинать. Мне нравились твои выступления, нравилось, как ты то повышаешь, то понижаешь голос, как стремительно жестикулируешь, как подмигиваешь мне, когда никто не смотрит. Я видела, как ты произносишь те же самые слова «Расскажите еще раз».

Я сделала, как ты велел. Я повторила последнюю часть истории: что она пожимала плечами, толкалась, а потом упала — или, точнее, ее столкнули — с края обрыва. Я сказала, что это заняло одно мгновение, и это мгновение было почти осязаемым, и она исчезла. Словно бы растворилась в ветре.

— Ясно, — сказал ты.

— Да, — согласилась я.

— Можно еще раз? Вот самый конец, с дракой и толчками?

Тогда я поняла, что все кончено. Я поняла, что ты все знаешь.

Глава 45

Я всегда вела себя очень аккуратно и правильно, и почти каждое мое слово было правдой. Я заступала за черту всего разок или два, и то только из любви. Я хотела, чтобы ты видел меня такой, какой хотел видеть: хорошей, доброй, возможно, сложной, но и здравомыслящей.

Я хочу рассказать тебе сейчас, как все произошло на самом деле.

Я знаю, что уже слишком поздно просить прощения, поэтому я просто хочу рассказать правду. Я понимаю, что это трусость — признаваться, когда это никак уже не может повлиять на будущее. Но может быть, лучше поздно, чем никогда?

Я подошла к ним двоим, стоявшим на краю обрыва. Это правда. Я уговаривала их вернуться в коттедж. Я чувствовала, как меняется их настроение, как меняется ветер, как меняется погода. Я знала, что мы не в безопасности. Какое-то время я как будто оставалась за кулисами, потому что поначалу все это казалось мне бессмысленным, а образы из рассказа сестры — он казался вымышленным — не складывались ни во что разумное.

Я слышала ее слова о том, что одна наша двоюродная сестра убила другую, но это был как будто набросок на обрывке бумаги, а не что-то правдоподобное.

Кажется, краски появились, когда мы стояли на краю обрыва. Карандашный рисунок получил яркие оттенки шока и ужаса. Это оказалось одно из самых значительных полотен в моей жизни. Чувство вины, преследовавшее меня двадцать лет, скрывалось за пятнами страха, тьмы и да, гнева.

— Это ты сделала, — сказала я. — Ты убила ее.

— Господи боже мой, — начала Эмбер.

— Это ты сделала. Устроенный мной пожар избавил тебя от ответственности, но это не меняет того, что ты сделала.

— Вы обе… — Она пыталась что-то сказать, но у меня в голове начинало проясняться.

— Ты умирала от ужаса той ночью, — продолжила я. — Ты не могла заснуть, лежала, воображая, что все, что имело для тебя значение, — твое образование, твоя модная школа, твоя крутая работа — больше тебе не принадлежит. Ты же была в восторге, да? Когда пожарные вышли из дома без нее, ты мысленно скакала от счастья — ведь приговор отложили. Ты наверняка решила, что

сама судьба вмешалась и спасла тебя.

Лидия стояла рядом со мной и ревела, радуясь, что ей кто-то поверил.

— Ты убила ее, — повторила я.

— Вы с ума сошли. Вы парочка идиоток…

— А теперь ты все отрицаешь? — спросила я.

— Да! Я совершенно точно это отрицаю, я этого не делала.

— Она лжет, — сказала Лидия.

— Знаю.

— Нам нужно все исправить, — предложила Лидия.

И при этих словах все изменилось. Эмбер больше не улыбалась, не ухмылялась и не пожимала плечами.

Она шагнула вперед и встала прямо передо мной, расправив плечи и высоко подняв подбородок. Она уперла руки в бедра и очень медленно покачала головой.

— Она все время шпионила за мной, — сказала Эмбер. — Она думала, что я ее не замечаю. Я видела ее через дверь. Она ничего не видела. Она тупая.

— Но как? — спросила я.

— Мы скажем… — начала Лидия.

— Нет, — отрезала Эмбер, голос ее стал чуть

ниже, говорила она очень четко, и ее слова отдавались эхом. — Вы меня погубите, если начнете распространять эти жестокие слухи. Я спасаю жизни. Я творю добро. А вы двое? Что вы делаете для этого мира?

— Ты убила ее и должна ответить, — сказала я.

— Я не буду этого делать.

Помнишь, как в нашей спальне неделями пахло пачули? Я сказала тебе, что пролила духи, — и это была ложь. Я бросил флакон через всю комнату, когда наш сын, которому тогда было всего несколько месяцев, не спал в четыре часа. Помнишь синяк у меня на плече? Я, держа его на руках, наклонилась и укусила себя, потому что иначе укусила бы его.

Я и раньше теряла над собой контроль.

И это снова происходило.

Меня трясло, таким безумным было происходящее.

Я горела огнем, жар клубился внутри, угли покалывали кожу, ярость терзала плоть. Почувствовала, что кладу руки ей на плечи. Я была сильной, грубой, смелой. Я толкнула ее сильно, очень сильно. Я почувствовала, как пламя выходит из меня.

Я видела, как она отшатнулась назад.

Почувствовала облегчение, но вдруг меня потянуло вслед за ней. Я попыталась поднять ногу, чтобы перенести вес. Но не смогла, потому что земля была мокрой и вязкой и ботинок застрял. Я чуть не упала вместе с ней. Я дернулась назад и рухнула в траву.

Спустя долю секунды я подняла взгляд.

Ее не было.

Я хотела бы знать, как ты это понял, как ты почувствовал ложь в первый раз. Какие слова выдали меня? Чего я не сказала? Меня пугает, что, возможно, ты ожидал этого от меня, что в глубине души ты всегда видел во мне человека, способного на убийство. Возможно, какое-то время я сама создавала у тебя такое впечатление, потому что думала, что я правда такая.

Был краткий миг, когда это оказалась неправдой.

Но я именно та, кем всегда себя считала: убийца.

Глава 46

Последние несколько недель, после всего, что случилось в конце прошлого года, я много думаю о том, что такое быть матерью. Я постоянно вожусь с нашим сыном, и мне почти никто не помогает в этом. Это я вскакиваю, когда он зовет меня по утрам, и я подрываюсь, если он кричит ночью. Это я укладываю его спать каждый вечер, целую и обнимаю и жду в темноте, пока он не заснет. Я все время кормлю его, развлекаю и люблю — и это единственное мое «я».

Я не осознавала масштаба этой ответственности, когда мы впервые заговорили о детях. Тогда я сочла, что это звучит довольно заманчиво. Я представляла себе сцены из нашего будущего: младенец у моей груди, малыш, ковыляющий по гостиной, ребенок, распевающий песни на заднем сиденье нашей машины. Я и подумать не могла, что будут и совсем другие сцены: не только истерики и бессонные ночи, но и бесконечные приемы пищи, купания, попытки уложить его спать. Я не представляла, насколько это может стать невыносимым. Хотя я люблю сына гораздо

сильнее, чем могла даже вообразить, справляться с этим в одиночку тяжело.

Совсем недавно я осознала, что на протяжении десятилетий где-то в моей жизни присутствовала материнская фигура. У меня, конечно, есть семья, но, как я теперь понимаю, кровь не так важна, как нам хотелось бы. Она появлялась время от времени, чтобы помочь мне. Она сопровождала меня в самые важные моменты моей жизни.

Мне позвонили, когда мы только приехали в больницу, через несколько дней после отъезда из коттеджа. Я не узнала номер, но все равно ответила, подумав, что это полиция, или твой новый помощник, или снова твой отец.

— Джессика? — прямо спросила женщина.

— Да, а кто это?

— Это Марианна, — сказала она. — Мне нужно с тобой поговорить. У тебя найдется пара минут?

Джоди, формально переставшая быть моей невесткой и беременная пятым ребенком — наконец-то дочерью, — присматривала не только за своими четырьмя сыновьями, но и за моим. Я боялась оставить его там — вдруг он будет скучать по мне, — но я нужна и тебе тоже.

Я посмотрела на тебя — волосы аккуратно приглажены, глаза закрыты, на челюсти, там, где

ты ударился лицом о руль, огромный синяк — и решила, что несколько минут разлуки ничего не испортят.

— Да, слушаю.

Я вышла в коридор и села на пластиковое сиденье, прибитое к белоснежной стене.

— Слушаю вас.

— Я разговаривала с полицией, — сказала она.

Я ожидала соболезнований.

— Я рассказывала тебе, как погибла моя девочка. Я говорила, что ты похожа на нее.

Она замолчала, тяжело дыша.

— Да.

— Не знаю, о чем ты думала, — сказала она отрывисто и сердито. — Не знаю, как ты… поверить не могу.

Я ждала, ничего не говоря, и улыбалась медсестре, которая проходила мимо.

— Я увидела, как женщина бежит к обрыву, и пошла за ней. Этой зимой я уже позволила одной женщине проскользнуть сквозь мою сеть. Я посвятила всю свою жизнь тому, чтобы сделать эти обрывы безопаснее, и я боялась, что это повторится. Я видела, что случилось, Джессика. Я знаю, что ты сделала.

Я знала, что были свидетели. Я знала, что моя

сестра видела, как я столкнула нашу кузину с обрыва, что ее парень, ее будущий муж, тоже видел меня. Я обвинила их, потому что боялась, что они обвинят меня, и я не могла так рисковать.

У меня был выбор: снова солгать или сказать правду.

Я рассказала ей все. Рассказала про пожар, сновторное, кошмары. Я слышала, как тяжело она дышит. Я надеялась, что она защитит меня, отчасти потому, что она всегда это делала, а отчасти потому, что — о чем бы ты ни думал — я повела себя так не на ровном месте и мои действия были вполне оправданны. А она могла защитить меня.

— Я уже говорила с полицией, — наконец сказала она. — И очень быстро переубедила их. Кстати, твоя сестра понятия не имеет, что ты так легко ее предала. И все же…

— И все же?

— Я сказала им, что прекрасно видела вас троих, а вы меня не видели и даже не смотрели в мою сторону. Что вы все выстроились на краю обрыва и замерли, глядя на шторм. Я подтвердила твои слова. Лидия стояла в центре. Я сказала, что произошла какая-то ссора, — но, в конце концов, для этого и существуют праздники. Я сказала, что с твоего места это могло выглядеть так, будто

твоя сестра в гневе набросилась на вас. Но с моего места это выглядело совсем иначе. Я видела, как ваша двоюродная сестра повернулась, собираясь уходить. Я предположила, что она ожидала, что вы двое пойдете за ней. Эмбер поскользнулась в грязи, и Лидия схватила ее за руку. Ты могла бы счесть это актом агрессии, но это совершенно точно им не было.

— Все верно, — согласилась я.

— Они тебе звонили с тех пор? — спросила Марианна.

— Полиция? Нет.

Она солгала, чтобы защитить меня.

— Думаю, скоро позвонят. Я поговорила с твоей сестрой, но, насколько я понимаю, еще должно быть какое-то формальное расследование. Впрочем, мне в деревне все доверяют. Не думаю, что в моих словах будут сомневаться. Ты же не сомневаешься?

— Нет, — сказала я. — Я так и скажу, если меня еще раз спросят. Я со всем соглашусь.

— Вот и ладненько.

— Марианна?

— Что?

— Зачем вы это сделали? Зачем вы солгали?

— Потому что у тебя есть причины улыбаться.

И ты не должна об этом забывать.

Глава 47

Помнишь, как ты пригласил меня в пафосный ресторан в городе, чтобы познакомить с родителями? Ты сам его выбирал. Ты планировал работать допоздна и хотел найти место поближе к офису. Я подошла к ресторану… и прошла мимо. Дверь оказалась вмурована в старую каменную стену. Как будто задняя дверь в столовую, а не вход в ресторан, где за ужин из шести блюд с вином берут почти четырехзначную сумму. Я вернулась, снова отыскала эту дверь и стояла перед ней, пока она наконец не распахнулась и из нее не выскочили две женщины в костюмах с узкими юбками и на каблуках. Я заглянула внутрь, увидела вестибюль с роскошной люстрой, висящей на высоте трех метров, и обеденный зал, тускло освещенный оранжевыми лампами, расставленными за стульями, и мерцающими свечами на столах.

Я никогда раньше не бывала в подобных местах, и по моему наряду это явно понял каждый из гостей. Я и подумать не могла, что все мужчины будут в пиджаках и галстуках, а женщины — в платьях-футлярах и блейзерах. Помню, как твоя

мать молча сняла шелковую накидку и села за стол с открытыми плечами, решив, что так мне будет комфортнее.

Дело было не только в одежде, но и во всем остальном: в том, как хрипло смеялись пузатые мужчины — громко, но все же пристойно, в том, как бармены крутили бутылки в руках, как парни таскали метровые подносы на кухню и обратно, а потом застывали статуями на краю зала в ожидании официанта или официантки. И еще меню. Я не понимала многих слов: «биск», «консоме», «эспума». Мне казалось, что стыд стекает с меня, словно пот. Щеки горели.

Мы поссорились в тот вечер, и это была наша первая настоящая размолвка.

Ты не подготовил меня. Ты не сообразил, что меня понадобится учить. Ты хотел, чтобы я была кем-то другим. Ты любил меня всей душой. Ты не подходил мне. Ты был единственным, кто мне когда-либо подходил.

Ты хотел сделать меня счастливой, и в какой-то момент спора — возможно, когда ты сел за кухонный стол и расстегнул воротник рубашки, — этого стало достаточно.

Я хотела убедиться, что ты подходишь мне, что ты единственный, кто мне нужен.

Мы были уже недалеко от дома, и снег стал сильнее. Он лежал на дороге и залеплял окна. Ты щелкнул поворотником, и дворники заработали быстрее — точно проволочный резак, срезающий горшок с гончарного круга. Они рассекали снег и отбрасывали его в стороны.

— Это сделала ты? — спросил ты.

— Нет.

Ты мягко покачал головой.

— Джесси…

— Нет, — повторила я.

— Я помню тот вечер, нашу первую ссору, и как я понял, что ты мне подходишь, — сказал ты. — Я помню, как ты рассмешила моего отца честными, хотя и немного слишком подробными рассказами о твоих подвигах в юности и как моя мама сразу прониклась к тебе симпатией. На следующий день я купил кольцо.

— Правда?

Ты кивнул.

Я улыбнулась и подумала, что ты тоже улыбнешься.

Ты нахмурился.

Ты задавался вопросом — хотя все еще был слишком добр, чтобы говорить это вслух, — не было ли это кольцо ошибкой. Ты женился на

немного необычной женщине с неоднозначной биографией. Женщина эта подходила ко всему творчески и готова была подстроиться под твой мир.

Ты не подписывался на такую жену.

— Джесси, пожалуйста.

— Я не хочу больше об этом говорить.

Ты посмотрел на меня, поднял брови и усмехнулся. Ты не сказал, что мы говорили почти три часа и что большую часть времени говорила только я. Ты покачал головой.

Ты не смотрел на дорогу.

Оскар дернулся и проснулся. В таких случаях всегда проходила секунда-другая, когда его тело внезапно напрягалось и он делал длинный вдох, — а потом начинал кричать. Я так хорошо его знала. Я чувствовала, что это произойдет, вжимаясь в сиденье. Думаю, что ты знал его гораздо хуже. Я видела потрясение на твоем лице, когда ты вдруг услышал этот звук, видела, как ты оборачиваешься к нему, невольно выворачивая руль. Помню, как я схватилась за ремень, когда мы выехали на обочину, а потом, когда ты попытался вернуться на дорогу, мы вылетели на разделительную полосу.

Ты был прав насчет меня и того, что случилось

на обрыве. Ты был прав с самого начала.

Прости меня.

Мне очень плохо оттого, что ты не смог простить меня.

Я знаю, что моя честность не сможет исправить ущерб, причиненный моей ложью. Но я не могла предвидеть аварию, кому и эти пищащие аппараты. Я сказала, что виновата моя сестра, — чтобы спасти нас. Прости.

Я должна отпустить тебя. Я умоляла их не делать этого, настаивала, чтобы они оставили аппараты включенными, не снимали с тебя проводки и дали тебе больше времени найти дорогу обратно. Но ты не возвращаешься.

Я люблю тебя.

Прости.